

СОФЬЯ КУРБАТОВА

РАССКАЗЫ О НЕЖИТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВАСИЛИСА – ДОЧЬ НЕЖИТИ

МО, Щёлково

2010

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К93

ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ

Софья Васильевна Курбатова, родилась 1 ноября 1952 года. В данное время практикующий экстрасенс, медиум, работающий в старославянском стиле. Желание написать серию книг, возникло вдруг, сразу после участия в битве экстрасенсов. Когда собралась толпа людей, которые уже прошли испытания на то, что они действительно обладают паранормальными способностями, то независимо от желания, произошел обмен энергетики между этими людьми. Они общались, помогали друг другу, рассматривая различные ситуации. Там, ни важно было, кому выпадет козырная карта, а кому нет. Важно было, само общение, доброжелательность друг к другу. Потому, что их связывает нечто общее, сила, подаренная им нашими предками. Но эта сила, настолько многолика и реальна в нашей жизни, что не рассказать о ней, просто преступление. Человек должен знать, откуда она идет и куда может завести. В книге используются заклинания и заговоры, передававшиеся из уст в уста поколениями людей. Наряду с христианской верой и молитвами, тогда еще повсеместно использовались заклинания духов и стихий, крепко сидело в человеке идолопоклонничество. Все события, персонажи и образы, описанные в книге, не созданы воображением автора. Это реальные события. Жившие давно, и живущие в данное время люди.

Каждый человек, хоть один раз в жизни, сталкивается с чем-то необъяснимым. Стремится как-то рассмотреть это необъяснимое с научной точки зрения, или хотя бы найти реальное объяснение, в своем понимании факта.

Курбатова С. В.
К93 Рассказы о нежити. Василиса - дочь нежити / С. В. Курбатова — МО, Щёлково : Издатель Мархотин П. Ю., 2010. — 290 с. : ил.

ISBN 978-5-904456-19-1

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-904456-19-1

© Курбатова С.В., 2010
© Художественное оформление.
Курбатов В.В., 2010
© Иллюстрация на обложке.
Игнашин А.А., 2010

У автора, на этот счет, тоже есть своя точка зрения, которую она отстаивает посредством этой книги. С первых страниц, читатель попадает в прошлое, и начинает существовать там, представляет картины описанные автором, настолько реально, будто бы сам участвует во всех этих событиях. Уже давно никто не оспаривает тот факт, что нежить, есть на самом деле. Сказки, которые мы читали в детстве, или слышали от своих бабушек и дедушек, несут нам из прошлого информацию о том, что не все так просто в нашем мире, не всегда так, как мы видим своими глазами. Что, есть что-то невидимое для многих, но все-таки осозаемое каждым человеком. Сказки готовят ребенка к реальной жизни, к тому, что ничему не надо удивляться или чего-то бояться. Это наш мир. Книга заряжена положительной энергией. Она ведет читателя, не только по судьбе героев книги, но и дает подсказки, для читателя, как поступать в той или иной ситуации, или избежать больших жизненных проблем. Затронуты многие темы, человечества, в общем. Что, оно есть для нашей планеты, и как хрупок наш мир.

ПРОЛОГ

Девушка, крадучись, прошмыгнула к бане. Постояла, прислушиваясь к стуку своего сердца, и осторожно вошла в предбанник. Быстро разделась и юркнула внутрь. В бане было темно, глаза заслезились, от едкого запаха дыма. Баня, топилась по черному, это, если нет трубы и дым из печи идет прямо внутрь, и прогревая стены, выходит наружу через приоткрытую дверь. Когда баня хорошо натопится, угли складывают в горку подальше в печь, и топку закрывают заслонкой. Баню проветривают, и ждут, когда она настоится. Первыми мыться, идут самые рьяные парильщики. Парятся долго с визгом, время от времени, высакивая, и ныряя в сугроб, если дело зимой. Летом, ставят у двери холодную воду и окатываются ей. Но девушка топила баню не для того, чтобы помыться. Она выбирала время и долго ждала, чтобы ее действия никто не заметил. Затопила еще до света, пока все спят. Дрова для этого, собирала с прошлого лета. Надо было подобрать так, чтобы все поленья, были из разных пород деревьев. Просушивала, и складывала их в кучку на чердаке, прикрывала от дождя и снега. Каждое полено, брала с наговором и со значением для себя.

Когда глаза привыкли к темноте, девушка прикрыла тряпицей маленькое оконце, через которое хило пробивался дневной свет. Она обмылась, расчесала волосы, и начала с мылом и мочалкой мыть полок. Полок состоял из двух широких досок, поставленных на чурбаки. Потом, села на полок и стала просить помощи у хозяина бани, для своего дела:

-Хозяин батюшка! Баньку я тебе истопила! До по-ту первого полок промыла, мылом мылила, голиком шоркала, до цвета белого от цвета черного! Приходи, хозяин - батюшка, помытый, да навехоченный, красотой моей обмороченный! – Девушка запнулась на слове. Она неправильно сказала строчку заклинания. Бабка Федора, строго - настрого, наказала не попутать слова. Надо было сказать: « Красой девичьей, обмороченный». Немного растерявшись, девушка замешкалась. – Что же делать? Может бросить все и убежать? - Но потом, успокоившись, продолжила:

-Ночью сегодняшней, ровненько за полночь, буду тебя на полочек ждать, от сердца чистого, долю свою приду попытать. Открой мне судьбу мою девичью, за мои старания, рукою мохнатой сотри страдания.- Девушка встала с полка и выскользнула в предбанник. Быстро оделась и пошла прочь. Она облегченно вздохнула, полдела было сделано. Теперь, надо дождаться полночи и вернуться в баню с зеркалом и огарочком церковной свечки, с которой стояла заутреню. Днем и то страшно, по такому делу в бане находиться, а ночью вовсе, жутко. До вечера мучили сомнения, в том, что неправильно сказала заклинание. Ведь помнила все слова, но как-то сами собой, вылетели совсем другие, смысл вроде как, и не поменялся, но везде свои правила. Уж слишком долго она готовилась, и отменить назначенную встречу, уже не могла.

В полночь, тихонько прошла к бане, разделась и на ощупь вошла. В бане было тепло. Девушка положила на полок зеркало и зажгла свечку. Поставила зеркало на полке, оперев о стену, и налила в лохань воду до краев. Установила зеркало так, чтобы ее отражение в зеркале,

отражалось в лохани с водой. Стоять было неудобно, как-то в полу-наклон, но она терпеливо начала читать, приглашение хозяина бани, на свидание:

-Пришла к тебе не спеша, не вдруг, ты иди ко мне разлюбезный друг. Вся душа истомилась, измаялась, ожидать тебя я отчаялась. Появясь, покажись друг желанный, посмотри на меня долгожданный.

У девушки, затекла спина от напряжения, и она слегка разогнувшись, потерла спину рукой. Когда же вновь наклонилась, чтобы продолжить приглашение, то в воде ее отражение замутилось, и она увидела большие, на пол лица глаза, со странными зрачками поперек, как у кошки. От испуга девушка отпрянула от полка и потеряла сознание.

Шелест листьев, и чьи-то легкие шаги насторожили собаку. Она залаяла спросонок, кинулась в сторону звука, но, принюхавшись, резко остановилась. Шерсть на загривке встала дыбом, а хвост, сам по себе загнулся под живот. Собака села и завыла, от бессилия, досады и страха. Вековые ели, окружавшие поселение, хранили молчание. Только неполнная луна, заметила скользящую тень между темных деревьев.

Девушка очнулась от нестерпимой боли внизу живота, закричала дико, по-звериному, увидев над собой серое глазастое лицо и трехпалую руку, снова впала в беспамятство.

Наутро, все поселение гудело:- «Пропала Дуняшка Ковылева!»

Дома была до ночи, и не видал ни кто, чтоб выходитила. Обошли все окрестности. Как в воду канула. В тайге-то, люди часто пропадали, а вот чтобы прямо из дома, такого еще не было. Старуха Федора, тыча кост-

лявыми пальцами в небо, пророчила: - Погодите, то ли еще будет! Света конец! Антихрист пришел! Антихрист!

Часть Первая

1

В доме Егора Крымова, всегда была суeta. То, что не поделит между собой, его многочисленное семейство, то родня наприезжает из Томска, а то просто соседи соберутся, для обсуждения каких-либо, жизненно важных вопросов. Что бы, не случилось в поселении, всегда сбор у Егора. Так уж повелось изстари. Еще у деда его, всегда собирались людишки-то. И теплее у него будто бы, и разговоры вести можно запросто. А если свадьба там, или того хуже, похороны, то начиналось-то всегда в своем доме, а заканчивалось в Егоровом. Но это тоже, только когда он трезвый. Сейчас дом Егора затих. Разговоры ведутся только шепотом. И детишек не видать и не слыхать, все на холодной половине дома сидят, не до визга и игр. Соседи придут молчком посмотрят, да и назад, восвояси. И он молчал, не выпуская из рук ковша с брагой. Допивал, и черпал снова из кадушки, время от времени, впадая в тяжелую потную дрему, не отходя. Дни и ночи, были для него одного цвета. Лица, появляющиеся в поле его зрения, казались одним незнакомым и назойливым лицом, в которое хотелось ударить, еще, и еще, и бить до тех пор, пока оно не исчезнет навсегда. Не было мыслей и не было желания их думать. Рыжая с проседью борода была похожа на мышиное гнездо, свалившиеся остатки пищи, перья, все было обильно залито брагой, что-то присохло, что-то размокло, что-то прокисло, но все это крепко сидело в густых и рыжих кудрях. Белая холщевая рубаха, с закатанными по локоть рукавами, чудно топорщилась на сгибах, жесткая и пожелтевшая от пота. Нижняя половина туловища, не была удостоена никакой одеждой.

Добро, что рубаха почти до колен, сзади вид, в общем-то, вполне пристойный. Со стороны лица, заходить было опасно и крайне не желательно. Страх, не давал Егорупротрезветь и боль, не давала ему забыться.

Из святого угла, строго и осуждающее, на него смотрел лик Иисуса. Но Егор, и в добром-то здравии, редко когда перекрестится, а в такой немочи, и вовсе все позабыл. По вечерам, по закопченным стенам бродили неясные тени, раздавались непонятные шорохи, но они не привлекали внимания Егора, его будто не было. Сознание самого себя жило где-то внутри, боясь даже выглянуть наружу.

2

Она всегда отличалась от других. В детстве, слишком разумными суждениями, в юности красотой и статью, в замужестве кротостью и расторопностью. И имя чудное – Василиса. Но не любили ее люди, то ли завидовали, то ли боялись. Было в ней что-то непонятное, а что именно, ни кто разгадать не мог. Вроде, девка простая, и растет на виду у всех, без хитрости и лукавства. А как посмотрит, душа замирает, будто в самую суть человеческую посмотрела. Пройдет мимо, голова сама по себе повернется, что б в след ей глянуть. Если слово скажет, то и добавлять ничего не надо, все ясно и понятно, а главное вовремя. Будто бы своя душа, таежная, а порода другая. Само ее появление в поселении было событием странным.

Поговаривали охотники, что у Прошки Косова, с дальней заимки, девчушка живет. Не то из города он ее привез, не то с прииска какого, или вовсе в тайге нашел. Никто толком и не интересовался, живет и живет себе.

Прошкиной-то жизнью интересоваться - себе дороже. Человек он загадочный и нелюдимый, но если рассказывать что-нибудь начнет, то и не поймешь, то ли правду говорит или насмехается. Истории его про тайгу, про жизнь, всегда интересные и всегда новые, дважды он никогда не повторяются. Над его рассказами, надо было подумать, мудреные были рассказы, да еще и с намеком для слушателей. Всех с кем встречался, даже впервые, по имени отчеству называл, или того интереснее - по прозвищу. За это Косым и прозвали. Никогда не знаешь, куда клонит его рассказ. Он про всех знал самое тайное. В разговоре, вскользь, любого за живое заденет. Кому же поглянется, у каждого есть, что людям-то на посмешище, выставлять не хочется. Дело старательное, всегда большими тайнами, да секретами покрыто. Золотишко, люди искать ходили, сторожась, друг против дружки, а мыть, и того посурьезнее. Все ночью, да с молитовкой, да с заговорами, против силы нечистой, да против лихих людей.

На семи горах, на Сионских,
Стоит, велик столп каменный.
На том столпе каменном,
Лежит, книга запечатана,
Желтым замком заперта,
Золотым ключом замкнута.
На семи горах Сионских,
На столп тот каменный,
Положил ту книгу запечатану,
Железным замком заперту,
Золотым ключом замкнуту,
Сам мудрец царь Соломон.

Я премудрому царю поклоняся,
Его словом вооружуся,
В книге той о поклажах земных спрошу,
С благословением на рытву отправлюся.
Подаждь, Боже мне рабу твою,
Приставников злых от поклажи отогнati,
Злато из земли на добрые дела взяти.
Сиротам малым на утешение,
Божьих храмов на построение,
Всей нищей братии на разделение,
А мне рабу Божию, на чесну торговлю купеческую.

Уходили из дома, чтоб только к рассвету на место пробраться. Да и так, мало ли секретов по семьям то кроется, да по родне. Вот и обходили, Прошку, стороной, побаивались. Прошка-то, всегда на большие года тянул. Жили они с девчушкой, никому до этого и дела не было. Он ее и охотиться научал, и рыбу где, когда можно острогой брать, а когда на удочку или сеткой. А по травам, что для человека пользу имеют, равных ему, по этой науке и не было. И молодые, и старые, все к нему за травами, кто от какой болезни страдал, на все хвори, у него травка припасена была. Только одна неудоба, что по каждой-то болячке на заемку не набегаешься. Вот, Прошка, и приходил сам в поселение и травы приносил, что если кто заказывал. А обратно-то, с порохом, да с солью или еще с какими надобностями. Людям-то ни в чем, по беде какой, не отказывал, но обращались к нему, только когда уж шипко-то припрет, что уж и деться некуда. Ежели совсем зубами морду разворотит, или там, спину наперекос поведет. Всему понемногу и девчонку научал, что ей по памяти да по возрасту под-

ходило. До заемки, тайгой, верст двадцать от поселения Смокотино, летом не всякий пойдет, а зимой и вовсе не разбежится. А ему, Прошке то, хоть бы что, и зимой, и летом ходил. По любой погоде, ежели скажет, что придет, то всегда в срок и объявится. Потому люди и говорили, про Прошку-то, что с нечистой силой знается. Ни волков, ни медведя, ни тигра, если когда забредал по ошибке, не боялся, и всегда всякие рассказики рассказывал, про случаи, что с ним бывали. Не верить ему, тоже нельзя было, не был он в обмане-то уличен ни разу, но и рассказы чудные, с трудом поверить можно. Кто и верил, а кто рукой махнет, что пусть, мол, трепится. Но уж если что сказывал, про погоду, или про еще какие дела, что потом проверить можно было, всегда правдой и выходило.

Да, только зашли как-то охотники по зиме, а Прошка, уже помер будто. Помер - не помер, ушел в тайгу и не вернулся. Вот девчушку и привезли в дом Егора Крымова, по хозяйству помочь. Ребятенков, в их семье, ни кто не считал, а оно когда много, так и не заметно, что одним больше-то стало. Крымовы, семья видная на поселке была, одной родни, по Томской стороне, полным - полно. Да и так, и охотники, и старатели в роду, не из последних все были, потому вроде бы, как и побогаче других считались.

Василиске, тогда лет к тринацати было, ясно, что в работницы брали, а не из жалости. Сперву-наперву, жалели все бабы-то, Василиску, куды, такую прорву обстирай, да обшей! Света белого девчонка не видала, от работы и башки не подымешь. А она ничего, веселая всегда, ни жалоб от нее, ни упреков каких. Через год, другой, уж и оформилась она вся и парни из других-то

селений, будто по делам заездили. А невест-то, и без нее хватало, не знали, куда бы своих сбагрить. Коситься начали, да и небылицы всякие про Василису плести. От зависти все! Девок, перестарков не брал уж ни кто, так ежели, вдовец какой. Вот и заненавидели девки. Шепотки пошли по поселению:

- Прошка ее всему научил, и охмурить, и загубить любого сможет. Не зря видно, на дальней-то заимке сидела, все умеет!-

Даже, чтобы и побить Василису говаривались, да не срослось что-то. Толи не укараулили, толи не вышла она, когда ждали то. Из парней, из своих, поселенских, да и чужих тоже, не привечала она никого. Хоть и гонору многого не показывала. Тут уж дело и до поножовщины доходило. По тайге без ружья, да без ножа доброго, немного находишь, вот парни из ревности и начали друг дружку сторожить. До смертоубийства не дошло, но постреливали, больше для страху, видимо. А Егора, говорят, по ошибочке что ли, чуть было не припороли ножиком. Но ничего, оклемался как-то. Только шею, малость, повело.

Еще год-другой, так оно и было. Что там парни, и мужики, будто умом тронулись, заезжали хоть бы глазком глянуть, а потом- то уж и совсем, будто голову теряли. Что где ни разговоры, то все про Василису и были. Таежники народ суровый, им что приласкать, что убить, ничего не стоит. Заподумывали в поселении, что с девкой- то делать, ведь с дуру- то и прирезать могут, не мне, мол - так и никому! Но она это дело быстро смекнула, окрутилась в один день, со старшим Егоровым сыном - Васяткой Крымовым и в Приисково, в церквушку заехали. Вобщем, все чин по чину скумекала, и

похвасталась кому надо, и поплакалась тому, кто хотел. Чтобы весть о том, что замуж она вышла, по округе-то, разлетелась. Да вот только свадебку, зажали они от народа, по причине того, что мать у жениха, будто бы, плохая совсем была, со дня на день ждали, как-бы не преставилась.

Народ- то, по этому делу, шибко ушлый. Была б причина, а погулять, хошь за чужое - хошь за свое, всегда рады. Заходили поднавеливались на свадьбу-то, а молодые, ни в какую. Свадьбы без драки не бывает, а в драке, все может приключиться. Селяне-то, махнули рукой, да и загуляли. С неделю поселение не просыхало, все под окнами у молодых частушками строчили, насили уgomонились.

А Васятко, потому как старшим в семье из детей был, по дому делать мог, и детишек обстиривал, и там, чтобы еду сварить, все матери помогал, пока сиротку не взяли. Потом уж и в силу вошел, и старательное дело отец показывал, и охоту справно умел. Без добычи из тайги не приходил. Народ тогда тоже поговаривал – сама Василиса и в мужья себе Василия выбрала, неспроста видно живет. Спроста - неспроста, говорить то, что-то надо, вот и судачили. Другие, и не хуже Василия, сватать приходили, да и вовсе лучше, только разве Крымовы такую работницу из рук выпустят.

Детишками они не разжились, по началу, Егоровых еще не перенянуть было. Сама- то, Лизавета, жена Егорова, Васяткина мать, хоть по здоровью не из первых была, да и не ходила последние-то годы, обезножила, но ребят каждый год приносила справно, то по одному, а то и по двоих. Хоть и помирали, кое - какие, но и в живых - то, еще оставалось.

А в тот год, как свои детишки пошли, Васятко в тайге и сгинул. Ходили тогда, искали его и по заимкам спрашивали, и по тропам охотничим, да только ни ру́жья, ни признаков каких, ни разговоров, что видел кто, так и не нашли. Пождали до осени, и решили, что на болоте, или еще где в тайге, на гиблое место попал. Или люди лихие за Василису отомстили. В тот же год и мать Васяткина отошла.

3

В жизни Василисы, от таких перемен, мало что изменилось, так и тянулась она на ребят, да на хлопоты по дому, некогда было печаль-тоску разводить. Хотела, вроде как, от Егора-то, отделиться, уйти с детьми, со своими, да куда пойдешь. Детей-то евоных, на кого брошишь? Вот и осталась. Егор-то попил с горя, но как-то быстро утешился. Дома и не был почти, все в тайге. Поздней осенью, по новому снегу, жену себе привез с какой-то заимки. Вдову казаха-старателя, Катерину. Женщину смиренную и работящую. Своих - то деток, у нее никогда не было, вот и пошла за Егора, что бы хоть душа, около чужого выводка отогрелась. У него-то, другая задумка была, от людей, чтоб срамных слов, за него с Василисой не глаголили. Как праздник, или еще какая выпивка, так и начинается канитель про Василису. Все выспрашивают, да выпытывают, да догадки строят, кто чего спьяну сболтнет.

А что, мужик-то он, еще в соку был, одному с такой оравой, да еще с едкими насмешками, горьковато пришлось бы, а так все и ладно вроде. Из своих, селянских, за него вряд ли, кто пошел бы. Были дуры, но не до такого ж, чтоб такое ярмо, на себя.

Егор мужик статный, и охотник, и старатель, но как выпимши, страшным становился и злым до предела, покалечить мог, ни родного, ни чужого не признавал. За жену, покойную, на него, крепко люди грешили, что будто он, ее до калечества - то, добил. Только одну Василису, по пьяному-то мытарству и слушался. Глянет на него Василиса, у него и спесь вся пропадает. Лизавета, при Василисе, уже и вздохнула маленько, не бил он ее, при Василисе-то. Только уже поздновато было. Да и кому пожалуйся - доля такая. Так и преставилась сердешная.

Не успели еще на окрестных березах листочки облететь, а уж начал Егор, при молодой-то жене и детях, Василисе всякие знаки внимания уделять. Ни людей уже не стыдился, ни родню не слушал. То, из Томска бусы ей привезет в подарок, то, из лучших самоцветных камушков, шкатулочку поддадонит. Где какую диковинку не надыбает, все ей. А она- то насмехается: - Что мне бусы твои стеклянные, у меня красоты и своей, без бус, хватает! По шкатулкам-то, мне и раскладывать нечего, разве что, то, что из-под твоих детишек остается! Соболей, я и сама себе добыть смогу, еже ли понадобятся. Вот за то, что твоих ребят поднимаю, надо низкий поклон в ноги бить, а не срамоту предлагать! - Только tolku с ее слов не было.

Так потом и невтерпежь стало, Егору то. Как шишкование - то закончилось, сдали орех кедровый в заготконтору, золотишко, кто понастарался, деньжищи пополучали, по правилам и гулянка началась. Водка бочонками, на дворах стояла: - Заходи, пей, кто сколько сможет!

Таежники народ не жадный, коли гуляют, так всем поселением. Вот и пили, кто до одури, а кто и вовсе до конца.

Егор тогда Василисе, шкуру медвежью под ноги то и бросил. Будто бы сам медведицу положил, еще по прошлой осени, а как шкуру выделал, ей и принес. Легкая, да блестящая, глаза бы так в ней и утонули.

Тут эта штука и приключилась.

На какой -то день, всеобщего-то гулянья, зашли к Егору в дом, а он сидит в сенях, глаза навыкат, штанов на нем нет, и от пояса до самых кончиков пальцев ног - синий. Только и смог сказать:

- Василиса! – Хватились, а ее и след прости. Пождали, покумекали, поискали. Исчезла она с поселения. Ни шкуры дареной, ни Василисы, нигде не обнаружили. Ружья Егорова и запаса пороха, тоже не оказалось. Всяко думали, и порчу навела Василиса, по злобе, на Егора, и что пришибло его, когда за брагой на печь полез, да че за брагой-то, лезть, когда водки не перепить было. И что с перепоя, на него немочь черная навалилась, но никто в своих догадках уверен не был.

Так и сидел он, браги кадку подкатили к нему, да ковш дали. Сперва-то, водки хотели, но побоялись, что сгореть может. Больше- то ничем помочь не могли, вся нижина- то у него распухла. И тронуть нельзя было - зашибить мог. Ходили, глядели на него, как на невидаль, какую. Даже из Томска профессора привозили. Профессор очками посверкал, платочком нос и рот прикрыл, сказал что то, не то по научному, не то по матерному, так и не понял ни кто. Уехал, зря только деньги на него стравили.

У жены спрашивали, как, да чего? А она ни слова. Не видела, мол, не знаю ничего. К родне уезжала, будто бы. А какая у нее родня? Казах ее привез из казахии, украл, что ли. Будто молоденькая она, совсем почти ребенком была, когда привез он ее. Жили, и не понять было, не то сестра младшая, не то сродственница. В постели-то их вместе с казахом, не видал никто, жили и все. Никого у них тут из родни и не было. Ни детей, ни плетей, ни кумовьев.

Пошушикали бабы по завалинкам, да и затихли. Что мозолить одно и то же, больше уж и придумать-то нечего было. Призабыли до поры.

4

Василиса шла по тайге спокойно, подомашнему, будто по горнице проходила. Ни ветка под ногой не хрустнет, ни сучек за рукав не зацепится, принимала ее тайга, как родное свое дитя. Знала Василиса, что не предаст ее родная стихия, и накормит, и напоит, и оденет, и от непогоды укроет. Всему дедушка научил, а детский ум что схватит, то уж на всю жизнь. За годы прожитые в поселении, не нашла она у людей ни любви, ни сочувствия. А может быть, и не искала? Жила до поры до времени, пока в силу не вошла? Не жалела она, ни того, что покинула, ни о том, что сотворила.

Сама не ведала, по каким приметочкам и тропиночкам, а к заимке дедовой, на второй день, все-таки добралась. Как увезли ее охотники, так, по слуху, больше туда ни кто и не захаживал. Заимка то дальняя, ни по какому пути близко не стоит, вот и забыли люди. Старики, что деда Прошку изстари знали, померли давно, это он зажился, даже и лет своих не помнил. А как про-

пал, видно и заимку вместе с ним, из амбарных-то книг повычеркнули, не сдает ни пушнины, ни ореха, ни жижицы, ни золота, зачем строку зря держать. Избушка обветшала, конечно, вросла в землю по самые оконца.

Жердь убрала, подпиравшую дверь, рванула на себя ручку, и будто вздох услышала, будто ждали ее тут все эти годы. Повела глазами по родным стенам, на столе солонка стоит, тряпицей прикрытая, крупа в мешочке на полке, спичек коробок, береста для растопки, охапка дров. Все на месте, только кисета Егорова на столе не лежит, да половица в углу выворочена. Видно, гости все-таки были, самородки искали. Про деда-то всякое говорили, да и у нее не раз спрашивали, не прятал ли деда камушков каких. Да не нашли ничего, видимо. Не для того дед такую долгую жизнь прожил, чтобы, за просто так, кому нипопадя, свои сокровища оставить. Улыбнулась легко и радостно. Присела на корточки перед лежанкой, достала из-под нее, ящичек дедов заветный, и положила туда шкуру, что будто Егоров подарочек. Прилегла на дедову лежанку, и засыпая подумала:

- А запах все равно остался, родной, незабываемый.

Ночью проснулась от неясного шороха, прислушалась - тишина. Снова шорох в углу и шепоток детский:

- Ты гля, Вашилиска пожаловала! Ну, хоть теперь ш хожайкой жить будем, а то уж и одичали мы тут. – Опять в углу зашуршало.

-Че ты радуешься, дед придет, на жагнобу выставит, тогда пошмотрю как вешело штанет! Хи-хи-хи.- Вашилиса не удивилась, эти домашние жители, ее всегда радовали своим присутствием, никогда не пугали и не

пакостили ей. Деда им всегда гостинец из тайги приносил, по делам ругал, иногда и баловал чуток. Нежить домашняя.

Придремала, опять звук какой-то, не то скрип, не то визг. Поднялась, зажгла лучину и подошла к двери. Дверь заходила ходуном, кто-то скребся когтями по доскам двери. Не забоялась, открыла, и тут же с визгом и воем, в ноги ей бросился Байкал. Пес трехлеток, который, за хозяйкой по следу нашел заимку.

-Ну что, Байкалушко, нашел-таки меня? Вдвоем-то веселее будет. Покормить тебя, правда, нечем, но терпи до света, на охоту пойдем!- Василиса погладила пса по морде, при слове « охота», пес заелозился по полу и, выражая свой восторг, громко гавкнул. До рассвета так и не уснула. Едва забрезжило, встала и пошла, осматривать свои владения. И крышу до зимы надо бы подправить, и скрадок для дичи совсем завалился - дел хватит. Надо ж еще и на зиму заготовки сделать. Присела на пень, где деда любил сидеть, да и задумалась. Тут в бок ее кто-то толкает, повернулась, а это Байкал. Утку на болоте поймал, придушил маленько - Василисе принес, на, мол, готовь что-нибудь. А сам снова в бега. Аж дрожит весь, от охотниччьего азарта.

- Ну, вот и охота отменяется!- Через полчаса, уже вкусно пахло варевом. Попила только отвару, а мясо отдала Байкалу. Было за что, он за утро, восемь уток привнес. Птицу оттеребила, выпотрошила, промыла в ручье, да посолила крепко, придавила камнем в кадушечке - пусть просолится.

Так, с неделю, еще по хозяйству управлялась, а Байкал все охотился. Утка-то жирная к осени, нагулял молодняк и мясца и жиру, к перелету готовится. По но-

чам только, тревожно стало. Ходит вокруг избушки медведь, да ревет тоскливо и горестно. Байкал прижмется к Василисе и не лает, сидит тихо и слушает, будто понимает, о чем зверь сокрушается. Но, ни долго походил, ушел видно берлогу на зиму подыскивать. Василиса успокоилась, а то боялась, как бы пакостить не начал. Медведи обычно шкодливые.

А тут и по тайге уже пора пришла походить, орехи, грибы припасти, ягоды наслушать. Готовилась с вечера, патроны проверила, ружьишко почистила, прилегла. Заснуть не успела еще, слышит, зарычал Байкал, да к ней поближе подползает.

- Не хозяин ли тайги, медведь, вернулся? Или еще кто пожаловал, странное что-то.- Подумала Василиса.

Смотрит, а в углу на скамеечке тень неясная, свет от луны освещает, но не разобрать очертания.

-Ты, Василисушка, по утру, на Чулым сходи, там тебе дело будет.- Голос деда звучал ясно, но тихо, будто бы издалека.

-А что за дело-то деда?- говорит Василиса.

-На месте и разберешься.- Пес заскулил, но остался лежать на месте, у Василисных ног. Тень в углу расстаяла. Может, ее и не было, показалось спросонок. Про себя подумала:

-Почудилось или нет, а на Чулым надо идти! По дороге малины наберу, еще и наслушать успею до заморозков. Там малина самая поздняя, сладкая и крупная.-

На рассвете были уже в пути. До Чулыма, хоть путь и неблизкий по тайге, но до вечера рассчитывала вернуться. Только расчеты, не всегда можно строить, а как уж придется. Дошли без приключений, малина еще сидела на ветках, но какая уж и подсохшая стала. Посо-

бирала , совсем чуток, с краю, а дальше всю медведь повысосал, одни шкурочки с семенами на веточках. Спустилась к воде, попить, да умыться. Чулым здесь, неглубокий и течение ровное. На этом месте, деда ее и плавать научил, и когда рыба на нерест идет, всегда они тут ее и брали.

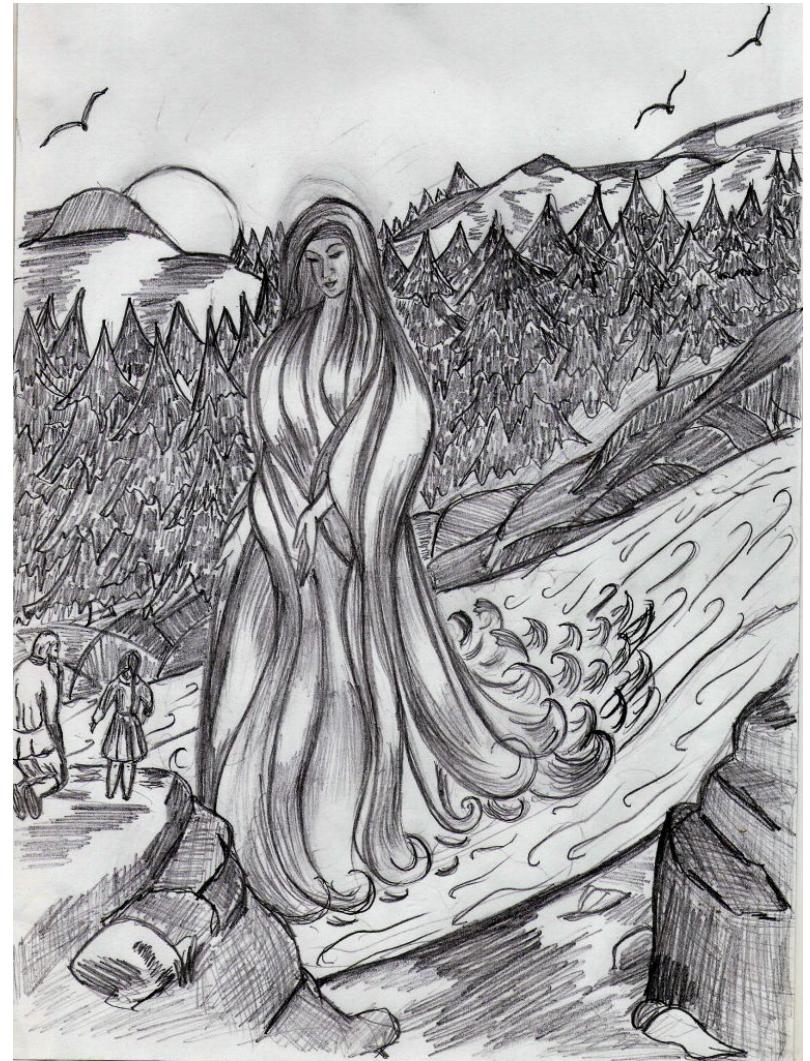
Однажды осенью, дед водил сюда Василису, с хозяйкой реки знакомиться. Одеться велел понаряднее, в косы жемчуга, да монетки вплести, и сам приоделся весь. Пришли-то вечером, да тут у костра и ночевали. А на утренней зоре, поднялись на крутояр повыше и ждали, стояли долго, пока посередь реки рябь не пошла. Дед сразу на колени встал, а Василисе стоять велел, как стояла. Сердечко тогда стучало, выпрыгнуть было готово от волнения и страха. Потом, середина-то реки, будто вспять потекла, у берегов вода в одну сторону течет, а серединой в другую сторону движется, и засверкала вся эта река в реке, всеми цветами радуги. Вдали, стала подниматься вода из середки, идет все ближе и становится все выше и больше, потом уж и образовалась из воды сама хозяйка Чулыма. Высотой-то, выше леса, а платье на ней и вся сама, водою струится, да на солнечном восходе переливается.

Глядит Василиса, глаз оторвать не может от такой красоты, ни страха, ни волнения уже нет. Идет сама Хозяйка Чулыма посередине реки, против течения и не понять сон это или явь. Остановилась хозяйка Чулыма, напротив крутояра, где Василиса с дедом стояли, и наклонилась к ним слегка. Заговорила с дедом, будто ручей зажурчал. Тишина вокруг наступила, ни вода не плещется, ни птицы не поют. Только сердечко Василисино постукивает. Даже ветер, стих, а воздух весь, неж-

ным светом пронизан, и мельчайшими капельками воды наполнен, будто бы стоишь в радуге.

Слышит Василиса весь их разговор, а понять о чем говорят, не может. Будто в одно ухо залетают, а в другое вылетают все слова, а голове не задерживаются. Удивилась Василиса, как же это так бывает, что слышишь, и слова понятные все, а понять ничего не можешь. Долго они так беседовали или скоро, Василиса не знала, время, как будто, остановилось, и замерло все вокруг. Потом, наклонилась хозяйка реки еще пониже, и лицо ее прямо напротив Василисы стало, большое, во весь Василисин рост. Посмотрела на Василису внимательно. А Василиса только диву дается, как в ней во всей, вода движется и не растекается. Улыбнулась ей хозяйка реки и пошла дальше.

Дед стоял на коленях, пока она не скрылась за поворотом, но еще долго было видно из-за леса ее голову, всю в солнечном сиянии и радужных брызгах. Василиса смотрела ей в след и радовалась этому знакомству. Сама хозяйка Чулымка ее заприметила! Посмотрела ей в лицо, значит, навсегда ее запомнила. Деда всякие чудеса про хозяйку реки рассказывал, и как одарить она щедро может, и наказать жестоко и безжалостно. Но рассказывал это все, шепоточком, да следил при рассказе, чтобы воды в доме на ту пору, не было. Она везде все знает и слышит, и видит, где хоть капля воды находится. И образоваться может, хоть из реки, хоть из ковшика с водой, это если знает в лицо человека.

Опасная это дружба, когда ее не чтишь, и полезная, когда от чистого сердца, да с открытой душой, свое место в этой дружбе знаешь.

Василиса будто бы взрослеев стала, после встречи с хозяйкой реки. Почувствовала внутри себя, какую-то ответственность, за эту встречу. Сколько дедушка готовил ее, да сколько сил положил, чтобы она состоялась. Значит важно это для жизни Василисы, и для деда тоже важно, чтобы они встретились. Василиса посмотрела на деда, лицо у него было серое, как неживое вовсем. Не любила она, когда у деда такое лицо становилось, сразу хотелось заплакать. Дед молчал, будто бы задумавшись. Василиса не прерывала его молчания. Потом вдруг почувствовала у себя в руках что-то. Глянула, а ладошки-то полны жемчуга! Жемчуг разноцветный отборный весь, одна жемчужина к одной!

- Деда! Смотри, чем меня хозяйка реки одарила!-

Василиса бросилась к деду, но он, будто не слышал ее крика. Василиса остановилась и замолкла. Нельзя беспокоить деда, если он молчит, забылась от радости. Спустилась к костру, села и стала перебирать жемчуг. Любоваться каждым зернышком. Вскоре и дед подошел, погладил по голове, не поругал даже, за еедержанность.

- Один раз в жизни увидеть хозяйку реки, большая удача. Понравилась ты ей, еще увидишься не один раз, только ничего у нее не проси! Все чего надо, она сама даст. Попросишь чего – навек обидится, и никогда не увидишь ее больше. Но все приказы ее, надо выполнять точно в срок. –

Василиса посмотрела на реку, вода посередине все еще текла вспять, а в ней плескалась и играла рыба. Таких огромных рыбин, Василиса еще не видела. Думала, что и не бывает такой рыбы, в Чулыме.

А по весне, когда лед на Чулыме тронется, такая мощь и сила в этой реке! Грохот стоит, за несколько верст, слышно, льдины друг на дружку наворачиваются, от такой силищи, аж дух захватывает! И берег тут покатый, потом, до середины лета, оставшиеся от паводка льдины, лежат на берегу и постепенно тают. Когда летом-то, приловишь много рыбы, так хранится на льдине. Не портится. Оставлять только нельзя было надолго, зверушки мигом растащат по норам. Даже когда и сами тут бывали, и то, успевала лесная братия, то, что покрупней, утащить. С ними ухо востро держи, хитрюги еще те! Да, че уж вспоминать, давно это было!

5

Берег весь, меленькой травкой поросший, само место для отдыха. Пока умылась, да по сторонам оглядилась, узнавая знакомые места. Из-за поворота лодка выплывает, прямо так посередь реки-то и прет.

-Пустая, вроде, никого в лодке и не видать.- Василиса на берег поднялась, чтоб в лодке, с высоты разглядеть, кто. Видно, что груженая, просела в воду лодка, но не видать, чем. Разделась быстро и вплавь, догнала, потянула к берегу за привязь. Байкал заскулил с воем на берегу, но в воду, за Василисой, не пошел. Не сразу почуяла, но пока до берега тянула, поняла, что запах от лодки тяжелый идет, плохой запах.

А как на мель вышла, так и ужаснулась, зачем в воду полезла? И плыла бы она дальше эта лодка! Тела

там раздутые, да гнусом изъеденные, друг на дружку сваленные. А оттолкнуть лодку от себя не смогла.

Подтянула ближе к берегу, оделась. Перевернула верхнего мужика - лицо все избито, не узнать, даже если знала раньше. Свалила в воду. Второго и смотреть не стала, живого места нет на нем, и живот вот – вот, лопнет. Навалилась на край лодки, чтоб легче вытаскивать было, тут третий- то и застонал. Отпихнула от берега по очереди оба трупца, пусть плывут, а лодку снова наклонила, чтоб вода зачерпнулась поболее, притопила лодку и потянула тело за руку по воде к берегу. На мелководье обмыла раны. Но мужик не подавал больше признаков жизни, хотя жизнь в нем еще теплилась, это чувствовалось только душой, глаза видели, что мертв.

-Что ж мне с тобой делать? Не бросить же? - Думала Василиса, пытаясь влить чуть-чуть воды в рот мужика, но вода скатывалась со спекшихся разбитых губ. По виду трупов, не понять, сколько дней и ночей плыла эта лодка, но ясно, что не день, а может и не два. Да, слышала она от людей, что так с ворами, да убийцами расправлялись. Закон-Тайга. Но кто знает, могло и наоборот случиться. Затащила на берег, гнус и комар тут же облепил тело.

-Значит, живой.- Прикрыла ветками, нашла две валежины, покрепче, связала их, как смогла, затащила мужика на сооруженную волокушу. Байкал наблюдал за ее действиями. Путался под ногами, попискивал воропистельно.

Присела, достала узелок с мясом, баклажку с водой, попыталась из баклажки налить воды в рот мужику, вроде как прошло немножко, остальная вода - полилась

назад. Поела, отдала остатки Байкалу и, взявшись за концы жердей, потянула в сторону дома.

Путь домой оказался длиннее и труднее. Болели и плечи, и руки, и все тело отказывалось двигаться, но надо было идти дальше, и надо было тащить эту чужую, совсем незнакомую ей, жизнь. Байкал, тоже хватался зубами за ее одежду, и тоже тащил вперед, всем видом показывая, как он хочет помочь. Потом бросал, и убегал далеко, треща ветками по тайге и изредка взлаивая.

Василисе казалось, что путь ее бесконечен, пот заливал лицо, мошка залепляла глаза, ветки и сучки цеплялись за одежду. Обессиленная - Василиса ложилась рядом с волокушей, и лежала так, пока Байкал не начал лизать ей лицо и руки, тянул за рукав сильно и настойчиво. Поднималась и тащила все дальше от реки, и с каждым шагом все ближе к дому.

-Надо развести костер и заварить чай из трав и кореньев. Иначе я его и не дотащу живым.- Думала Василиса, присматривая место. Как назло, подходящего места не попадалось, и она все шла, и тащила свою ношу, сбивая в кровь руки, о шершавые валежины. Казалось, что позади ее кто-то вздыхает, иногда слышался треск сучка, будто под чьей-то неосторожной ногой, но оглянувшись назад, она видела только бесчувственное тело мужчины.

На небольшой полянке, остановилась, посидела, переводя дух, осмотрела мужика, и собрав сушняка, разожгла костерок. Котелок приставила к огню. Решила сходить за травами, одной ей известными. Места, где может расти та, или иная трава, Василису научил находить дед.

Она знала, что в овражке, неподалеку, растет редкий корень, который ей понадобится не только сейчас, но и еще долго придется его заваривать для восстановления сил человека, за которого, она теперь несла полную ответственность. И не только за его жизнь, за его дальнейшее здоровье. Можно сохранить жизнь, но человек останется калекой. Будет ли он благодарен за такое спасение? Нужно учесть все. Василиса знала, как это сделать. Корень нашла быстро, даже чагу с березы сбила, для навара, когда же подошла к месту стоянки, все посыпалось у нее из рук. Над телом мужика стояла медведица!

Его тело, находилось у нее между ногами. Она обнюхивала ему грудь, свесив нижнюю губу, и ворчала довольно и настороженно. Рыжие подпалины на боках зверя, ходили ходуном от глубокого дыхания.

Вообще, медведи к осени не опасны, они сыты, играют, валяются, едят грибы и ягоду, ловят рыбу, но больше ради забавы, чем для еды. Запасают, заваливая ветками добычу, впрок. Медведица вдруг начала подпрыгивать передними ногами, все выше и выше, будто исполняя какой-то танец. Василиса поняла, что это уже непоправимо, она сейчас прыгнет обеими лапами ему на грудь, чтобы раздавить своим весом, грудную клетку жертвы. Ружье спокойно висит на сучке, недалеко от костра, только незаметно к нему не подойти, времени нет. Кинулась вперед и встала напротив:

- Пошла отсюда, гадина! - Василиса вытянула руки вперед, как бы заслоняясь от зверя, и в то же время, прогоняя его.

Медведица медленно встала на задние лапы, и молча пошла на нее, пропуская между ног тело мужика.

Василиса, неожиданно для себя, уперлась спиной в дерево. Медведица подняла лапы, чтобы обрушить их на голову женщине.

Огромные когти торчали как лезвия ножей, готовые растерзать живую плоть, но, вытянув морду, стала нюхать ей лицо, грудь, обдавая, горячим дыханием. Вдруг, отступив назад, опустилась, и не спеша, направилась прочь, низко опустив голову, будто бы ища что-то под ногами.

Скрывшись за деревьями, заорала громко и тоскливо, словно жалуясь на свою судьбу, или навсегда прощаясь с близкими. Василиса осела у дерева, от слабости и неожиданно испытанного страха. Придя в себя, осмотрела мужика. Нет, не тронула его медведица! Даже царапин новых не было.

Вода в котелке почти выкипела, пришлось добавить. Собрала брошенную траву, и начала готовить чай. Остудив, осторожно вливалась в рот мужика живительный отвар, попила сама. Потом, отдохнув, потащила дальше. Ссадины на руках снова заболели нестерпимой ноющей болью. Она остановилась и приложила к рукам большие листья красноватой сочной травы. Боль будто бы притупилась, и Василиса пошла дальше. Байкал куда-то пропал. Она посвистела, но он не отзывался. Каждый шаг уже давался с трудом, будто ноша удвоилась в весе, а путь казался бесконечно длинным, болели содранные руки и оттянутые волокушей плечи.

Темнело, и надо было устраиваться на ночлег. Не выбирая места, Василиса остановилась у большого дерева, наломала ельника, устроила помягче постель, собрала хвороста. Проверила ружье. Попила приготов-

ленный заново отвар, попоила мужика. Он не приходил в сознание, но, приложив ухо к его груди, она ясно услышала стук сердца

6

Егор- то, Василису полюбил, от всей таежной души. Еще когда пришли они на заемку, к Прошке Косому, хотели про оленей расспросить. Следами то наслежено было, и олень не наш был, пришлый. У нашего оленя - след пошире бывает, а тут узкий след и подлиныше чуток. А вот далеко ли ушел- неведомо. Мимо проходили по следу, да и решили зайти за советом. Прошка все таежные дела знал. Откуда и куда кабан проследует, и с какой стороны ждать лося, и соболь будет нынче по прибылью или уже не стоит им заморачиваться. На все вопросы, у него ответы были. Вот и оленей пришлых наверно давно выследил, если знает, так не скроет, всегда поделится.

В доме вместо Прошки, девчонка оказалась, малая совсем, не по годам разумная. Лицом то белая, да пригожая, волос темный, почти черный, брови дугой, а глазенки вострые, да строгие! Смело она их встретила, Василисой назвалась и чая поставила настоящего, таежного, на травах, да на кореньях настоящего, и про охоту порасспросила и про здоровье. Уж потом и сказала, что Прохор-то, загинул. На два дня, будто уходил, а уже вторую неделю как нет. Виду не показала, но видно было, что комок к горлу подступил. Несхотела, слезой, перед людьми чужими-то унизиться. Егор поглядел – на оконцах занавесочки цветочатые разнавешаны, пол подметен, чистенько и уютно, хоть и деда нет. Одна

девка, боязно поди из двери выйти, тайга кругом, и звери, и люди всякие забрести могут.

- А ты с нами собирайся, чего одной-то тут куковать! В поселении и ребятни полно и лавка тебе рядом, а жить у меня пока будешь! У меня своих ребят, тоже полны хоромы, не помешаешь! А дед, если вернется, так мы ему заметочку оставим, где тебя найти! Ну, как, согласна? Лизавета, жена моя, баба добрая, слова худого не промолвит, соглашайся, не пожалеешь!- Выпалил Егор одним махом, аж вспотел весь, от такой-то длинной речи, не ожидал сам от себя, что такое вот выдаст. Мужики тоже поддержали, что иди мол, как одна зимовать будешь - не дело.

Согласилась. Мигом монатки собрала, все разложила по местам для деда, да и в путь. Егор для Прошки кисет свой оставил, что если придет, кисет узнает, так и будет знать, где девчонку искать. Но это больше для девчонки, чтоб ей спокойнее было из дому-то уходить.

За дорогу то не пискнула даже, хоть путь-то не близкий. Разговаривала да песни пела, будто и не уставала в пути. А как в дом к Егору зашли,

застеснялась вроде. Глазки запосверкивали, ребятня ее обступили, тоже глазеют, но ничего, прижилась быстро. Ребят полон дом, днем-то не соскучишься, то дела, то игры. Только, тосковала по деду очень сильно. Все крутилась по ночам на лежанке, да вздыхала горестно.

У Егора-то все в душе перевернулось, как в дом девчонку-то привел, и на своих ребят- совсем иначе, глядеть начал. Относился к Василисе то, как к дочери, только в груди щемило, когда видел, как она по дому-то хлопочет, птицей летает. И все-то у нее получается

справно, пока до печи дойдет, мимоходом и сопли малому подотрет, и половичку расстелет, и крошки со стола смахнет в горсточку. А уж как подрастать начала, так и вовсе сердце заходится начало. Все боялся, что уведут из дома, женихи-то. И сторожил шипко - то назойливых, и постреливал крупной солью по голяшкам. Пока самого не подсторожили, да ножик к горлу не приставили. Думал, все, конец его бесталанной жизни пришел. И пырнули так неожиданно, что и не заприметил, кто. Не узнал ни руки, ни голоса. Только ясно, что человек выше его намного был, если б пониже, так наверно кадык бы и срезал. А так, поболело да и зажило. Тело-то, оно всегда заживет, а вот душа, другое дело. Еще сильнее заболела, после ранения. Не знамо, сколько седины за все это время, у него повылезло по рыжим-то волосам.

А когда с Васькой, они благословления просить стали, ну что жениться Васька на Василисе хочет – думал, умом тронется. Ушел в тайгу. Душа криком исходила. Когда вернулся, Лиза сказала, что не живут они с Васькой-то. Так это, для вида сговорились, чтобы женихи поотстали.

Ну, вроде отлегло от сердца, попил на радостях неделю - другую. Только, как похмелье кончилось, любовь его, еще сильнее мучить начала. Труднее стало скрывать свои чувства, а признаться стыдно было, сам в отцы напросился, так и любовь должна отцовской быть. Была б другая, не Василиса, давно б уже силой взял! А к ней и подойти то боязно.

Еще год-другой, так и промаялся. Потом, Василиса затяжелела и по весне то, двойнят родила. Назвала сына - Гришей, дочь- Грушей. Опять поселение засудачило: -

Будто других имен нет! Василий- Василиса. Гриша – Груша. Во всем какой-то подвох искали. А Егору, и не до толков было. Жутко вспоминать, как он эту зиму то пережил! Как заметил, что Василиса тяжелая, возненавидел Ваську, всем своим сердцем. Не было этой ненависти, ни дна, ни предела! Знал Егор, что не жить им вместе на белом свете. Не было такой силы, чтобы помогла отцу повернуть свою душу к сыну. Ревность съела все чувства, слепая и жестокая ревность!

Не думал, не гадал Егор, что судьба сведет его с сыном на узкой дорожке. Хотя не единожды мечтал, как убьет он Ваську, за руки его поганые, что Василису обнимают! Как представит себе такую картину, так готов был на кусочки его порубить, гаденыша. Да и понял он, что Васька взгляд его на Василису перехватывать начал. Как дома, так и смотрит, и глаза колючие как угли становятся.

-Не я его - так он меня! Все равно, не жить нам уже вдвоем! Дышать вдвоем нам с ним нечем! Одна Василиса у нас на двоих, а она дороже жизни и для него и для меня! – Думал Егор. Так вот судьба случай и предоставила.

Случайно наткнулся Егор в тайге на Васькин капкан, ну и поставил у капкана самострел. Знал, что Васька придет проверить, не попалось ли чего. Ну и угадал видно. Не вернулся Васька с охоты. Ходили, искали, да не по тем местам искали! И Егор в ту сторону больше не захаживал - страх не пускал.

Шел после, как самострел поставил, радовался или злорадствовал. А как Ваську с охоты не дождались - муторно на душе стало. Ваську ухайдокал, а к Василисе ближе не стал! Как была она для него мечтой несбыточ-

ной, птицей райской, так и осталась. Вот, чего зверь внутри человека, сделать может!

Тут еще и Лизавета следом за Васькой покинула. Не любил он ее никогда, и во всем-то она у него виноватой всегда была. Но совесть Егора не мучила, только если червяк начинал подъедать, или в тайгу уходил, или пить начинал. Но дома старался не пить, чтоб по пьяному уму не набедокурить. К Катерине на заимку уходил, а то и у соседей.

Катерину то, он давно уже уломал, еще ее казах живой был. Баба она, по сравнению с мужем, была здоровенная, на голову мужика своего выше и силы в ней не меряно, не то, что болезная Лиза. Так что, как казах - на золотишко, Егор - под бок к Катерине. А уж как одовели оба, так и закрутилось, что пришлось для удобства и домой ее привести. Да и Василисе помощь.

Только не угадал, при Василисе то, на Катерину и глядеть зазорно было. Но хода назад не было. Опять рвалась душа на части, и не было покоя и радости. Пока глядит на Василису, дышать легче становится, а нет ее в доме, и тоска нападает, хоть волком завой.

7

Летом на дальнюю заимку, специально пошел. Хотелось побывать там, где Василиса росла, домом своим считала. Да и глянуть хотел, не объявлялся ли Прошка за эти годы. Человек он странный, мог и появиться, и пропасть неожиданно. Кружил по тайге дня четыре, никак не мог к заимке выйти, то ли запамятовал дорогу или лешаки кругалем водили. Пришел то уж затемно, переночевать на Василисин лежачек пристроился. Слышишт, ночью-то, голосок тоненький:

-Шмотри, мужик какой-то шпать привалился, а бородища рыжая кундрявитша. Давай ему бороду в ко-ши заплетем, чтоб он утром не шмог ее рашкудлить! А? Фу, как воняет! Он наверно шамогоном моетша. Хи-хи. - В ответ такой же голосок, только потоныше.

-Нее, не будем ему бороду жаплетать, уморим-ша пока жаплетаем. Давай ему в нождри перья тыкать будем, пока шпит! Он чихать будет, а мы пошмеемша над ним. Шоплей наверно полный нош! Хи-хи-хи. – По полу затопали маленькие ножки. Егор отвернулся к сте-не, закрыл лицо рукой и уснул, по утру-то, бес и попу-тал:

- Дай - ко, я золотишко дедово поищу! Не в тайге же он его прятал, и не с собой же унес.- Пока половицу выворачивал, поясницу прострелило, да так, что до лежака на корачках до вечера доползal. Кое - как замаст-рычился на лежачок и лежал, боясь шелохнуться. При любом, даже самом малом движении, спину так про-стреливало, что сознание от боли терялось. Ночью дед Прошка и привидился. Встал напротив, да пальцем так ехидно пригрозил. У Егора и спина сразу прошла, волосы на голове зашевелились, туман поплыл перед глазами, от страха - то жуткого, вроде бы как, и в штанах-то, отсырело. А дед-то и говорит:

- Ты Егор, все людские законы перешагнул! Нет тебе прощения ни на этом свете, ни на том. Сына сво-его, плоть от плоти, кровь от крови, из-за бабы жизни лишил! Это ты награду, что ли искал, под половицей, за свои подвиги? Ты спать сейчас будешь крепко, до само-го утра, но слова мои тоже крепко запомнишь на всю оставшуюся тебе жизнь.

Утром, возьмешь вот эту шкуру медвежью и унесешь домой. Схорони ее до шишкования, на чердаке. А после, отдай Василисе, с нижайшим поклоном, за все твои мерзкие помыслы. Не егозись, не надорвешься, легкая она, шкура то, как пух! Донесешь, не заметишь ноши.

А второе, тебе наказание за твои дела будет, что и во сне дурном никому не снилось. Вынесешь наказание, долго жить будешь, но всю жизнь меня помнить будешь и мою, горькую на тебя обиду, за Василису!-

Дед-то растаял будто бы, а на его месте Васятка уже стоит, малой еще, смеется и руки тянет к бороде, из слюней пузыри надувает. А потом разом вырос, стоит и смотрит одним глазом, а вместо второго дыра у него и на пол лица все вырвано до кости. Руки тянет, сказать, будто что-то хочет.

Тут Егор и проснулся. Подхватился с лежинки-то. Сел потом, подумал, что сон это все, а как увидел шкуру медвежью на столе, так спину-то снова и заприхватыва-ло. Поднялся кое-как, шкуру в охапку, да так переко-шенный, и подался домой. Но, передумал он по дороге, много чего. Решил твердо - что будет, то и пусть будет, но Василисе он свою любовь покажет!

- Даже и смерти не побоюсь, пусть узнает, хотя, что люблю ее больше своей окаянной жизни!

Страшно хотелось спать, глаза сами по себе закрывались, даже если не закрывались, то просто начинало отключаться сознание, но спать было нельзя - не было рядом Байкала.

- Вот подлый пес! Надо ж было умыкнуться куда-то в самый неподходящий момент! И не похоже на него, что б вот так бросил. Не случилось бы чего с ним.- Думала Василиса. Обидно было ночевать в тайге, когда до зазимки рукой подать, но как с такой ношей во тьме кромешной двигаться дальше? Василиса устроилась поудобней, так, чтобы побольше было обзора, чтобы и костер видеть и все, что он освещает.

Время тянулось медленно, гулял ветер по верхушкам деревьев,очные шорохи и редкий писк мышей не бодрил. За то холодало. Встала, походила, разминая затекшие ноги, прогоняя сон. Потрогала лоб у мужика - горячий.

-Ну, это, по крайней мере, лучше, чем холодный. Значит борется. Отвар начал действовать.- Василиса, снова присела к костру, подбросить крупные ветки, чтобы горели подольше. Вспомнился вдруг Василий, добрая он душа. Не в отца характером он был. Все старался Василисе жизнь облегчить. А как стали женихи под окнами бои между собой творить, предложил ей повенчаться, чтоб отстали все, а там мол, видно будет. Выберешь кого-нибудь другого - вольному воля. А со мной захочешь остаться, так уже и жена.- Ни разу не принудил, ни в чем, сама ж ему и покорилась. По лету дело то было, не чувствовала она к Василию, кроме благодарности, ничего. Просто защемило что-то, внутри, будто сошло что-то и наружу запросилось. Проснулась она в

ночи от этой сладкой истомы и не нашла в себе силы противиться своему желанию. Пришла к нему, обняла жарко, а он будто ждал. Не удивился, принял все, как должное. Казалось, не было никого лучше и ласковей Василия. Да и собой хорош он был, в мать. Егор-то рыжий, да злой весь, младшие дети, все в его породу. Только Василий был другим. Жили дружно,ссориться было не из-за чего, он свои дела делал, а она свои. Говорили только по делу, а так, лясы точить, оба не любили. Ночи были жаркими и короткими, но упоение было тела, а не души. При людях то никогда не приголубил, стеснялся, но и слова худого не скажет, да и не за что было. Горбатилась на всю семью как каторжная. А он не побоялся повенчаться, грозились парни, да и мужики, что убьют, если кто на ней женится. Он все посмеивался, что убьют, если, так вдова будешь, но все равно моя вдова, а не ихняя. Так вот и случилось, винила себя Василиса за смерть Василия, хоть вроде и не виновата была, а жалела, что через нее погиб. Повздыхала о своей нелегкой судьбе, да и мыслями опять к своей находке возвратилась.

-Вот, значит, зачем деда на Ишим то отправил! Надо же, как все получилось, приди я, на чуток попозднее и проплыла бы лодка. –

Искры от костра с треском взвились ввысь, и желтоватый дым пополз по земле, едко впиваясь в ноздри. Глаза начали слезиться. Василиса удивилась, обтерла подолом слезящиеся глаза и хотела встать, чтобы подправить огонь, но руки безвольно опустились.

Ночью тайга полна тайн. Оно и днем за каждым кустом может поджидать неожиданность, а ночью, все слышишь только краем уха, да по звукам догадываешь-

ся, что происходит в двух шагах от тебя. Только твои догадки не всегда то, что есть на самом деле. Они так и остаются догадками. Утром, с рассветом, не каждый охотник восстановит по следам картину, что предполагал под покровом ночи, определяя на слух.

Очнулась Василиса от звонкого пения птицы. Се-рая хохлатая пичуга сидела на ветке и орала во все горло так, что у Василисы заломило в висках.

Василиса долго ее рассматривала, думая:

- Откуда, в таком крохотном тельце, такой мощный голос? – Птичка все время поворачивалась на ветке, чтобы голос ее раздавался во все стороны. Создавалось впечатление, что она приплясывает в такт своего пения. Откуда-то издали, ей вторили такие же голоса. Было не понять, то ли это эхо повторяет ее пение, то ли это утренний концерт с множеством исполнителей.

Вдруг, птица резко прервала свое пение и вспорхнула ввысь. Василиса с удовольствием бы послушала еще, если б не было так громко. Ее охватило странное чувство, будто она должна была сделать что-то очень важное и забыла. Забыла сделать и забыла, что именно. Попыталась вспомнить, что с ней произошло, огляделась по сторонам. Справа - остывшее кострище, прямо перед ней - ельник, слева - старая ель, на сучке висит ружье. Чего-то явно не хватает в этой панораме, но чего? Не приходит в голову! - Подползла к кострищу, потрогала золу - совсем остыла, значит, спала долго. На глаза попадается котелок, встала, пошатываясь подошла, подняла и глотнула. Села и удивленно уставилась на место около ели, там должен лежать лапник, а на нем- мужик, которого она тащила весь день от самого Чулымка! Но, на том месте, где он лежал, не было ниче-

го! Только рыжая хвоя годами осыпавшаяся с дерева. Обошла вокруг ели, под ногами мягко пружинил природный настил. Осмотрела кору дерева - нет ни царин, ни ссадин на коре.

-Куда ж он мог подеваться? Или я все еще сплю?- Василиса прошлась вокруг поляны. Не было волокушки, на которой она тащила мужика, не было ничего, что могло ей подтвердить, что все, что с ней произошло – не сон. Еще раз обошла вокруг, осмотрела кусты, поискала следы от волокушки. Нет ни следа. Прикинула, как вчера шла к поляне и подалась в обратную сторону, искать. Все равно след должен быть! Идти далеко не пришлось, след от волокушки прорезался сразу за кустарником. Кусты кто-то аккуратно расправил и засыпал хвоей следы.

Василиса вернулась на поляну, сдернула с ветки ружье, подхватила котелок и бегом, не разбирая дороги, бросилась на заимку.

Все было на своих местах, как уходила Василиса, прикрыв дверь жердочкой, ничего не тронуто, Байкала тоже нет. Присела на скамейку и попыталась найти ответ.

- Сначала - исчез пес, потом треск костра и едкий дым, потом - исчез мужик, ничего подозрительного по дороге не заметила. Пес мог и в поселение податься, мало ли, по своим собачьим делам, мог и в капкан угодить. Но куда мог исчезнуть полумертвый мужик?! Зверь бы следов не заметал! Но кто? Мигом собралась снова в путь, прихватила все, что могло понадобиться, и веревку, и тряпицы, и патроны. На поляну бежала почти бегом. А уже от поляны, прикинула путь к жилью нежити.

-Только они могли, таким образом, украсть недвижимого человека! Это ясно! Но вот с какой целью? Почему не тронули ее?- У Василисы от таких мыслей, снова начинала болеть голова.

- Деда то, их - нежитью поганой, называл, не считал за людей, да не люди они вовсе. В поселке о них и слыхом, не слыхали. Если что и говорится, так байки разные, если скучно, да время убить надо. Для интереса других, от себя насочиняют всякие небылицы. Взаправду то, никто и не знает о них ничего, кроме деда. Вспомнился тихий дедов говор :

- Ты их не привечай, ведь знаю, что играть к тебе повадились. Тебе чудно, что они маленькие, но зла в них столько, что на всех людей хватит. Домовята, у тебя вон есть, даже двое, с ними и водись. Нежить лесная, запросто так, никогда с человеком не подружится! Опаться их надо, а тебе особенно. Они тебя с самого рождения сторожат, чтобы со двора свести, а ты и рада рашененька! Ты не знаешь, на какие дела они способны, за детей их принимаешь, а я их породы детей, за всю свою жизнь не видал! Вечные они и подлешие для человека сущности. Раньше-то они такие хоромы строили! Еже ли кому посчастливилось их поселение видать, так диву давались - красота неописуема! Во внутри - то едва ли кто бывал, малы жилища для людей-то. Кто забредал к их поселению, мало в живых оставалось! Иных они и сами к себе заманивали, а кого и крали из дома или от костища в тайге.

Видал я раз, их мастерство-то! Из человека все внутренности вынимали, да и промывали в ручье, потом в чане. Наполняли промытое -то, травами. Обратно все впихивали и сушили людей то, на сквозном ветре. А за-

чем? Пес их знает, надо видно им было. Интерес свой, какой-то имели. Сколько лет подряд все бабы пропадали, то старые, то молодые. Люди на зверье, да на каторжан грешили. Нежить то для них тема закрытая, не знают они нежити и не хотят в нее верить, даже когда видят, думают, с пьяни примерещилось. Потом и за мужиков взялись, ни один не вернулся, не ушел от них живьем.

Потом пропали они из тайги, жилища свои с землей сравняли. Я все исходил, искал, в какую сторону они ушли - без толка. А те, что остались, в норах живут и днем не ходят. Видала, глаза-то у них, какие большие? Это что ночью промышляют, потому и глазастые и зрачки поперек. Роста в них, больше чем до пояса среднему человеку, не бывает, а силы у каждого, вдвое поболее, чем у нас. Не приведи Бог, встретиться ночью с ними в тайге! Здорового человека, могут и не тронуть, а если заболел или кровью пахнет, ну поранился ежели, то пожалеешь, что на свет народился! Было время пристрели они меня, думал, каюк, мне приспичил! Случай помог - медведица вступилась. С медведем у них старая вражда! Они человека охмуряют и любое другое животное, а медведь не поддается им. Ничего они с медведем поделать не могут!

Вспомнились Василисе и игры. Как деда в тайгу, так они в двери. Придут двое, а то и трое. Камушки всякие цветные принесут, играем, то в прятки, то в салки. Весело было. Только говорить они не умели, гласные звуки издавали, как песня без слов получается. Побудут они, и сил не остается, лежала бы день и ночь, и с постели б не вставала. Деда потом и сказал, что силу они забирают. Отвадил их как-то, не стали наведываться. Но где они живут, и все их повадки поганые, и как их рас-

познать и как укрыться, все деда сказал, да вот позабылось все, не подумалось даже, что так может приключиться. Казалось, что детские это сказки – забавки.

Шла Василиса теперь осторожно, каждый шаг, осматривая траву и кусты, примечая все, как деда научал. Спустилась в овраг, услышала неясные низкие звуки, прошла вдоль кустов и замерла в ожидании. В нескольких шагах от нее, за кустом жимолости, сидела медведица! Разгребая одной лапой землю подле куста, она тихо, но грозно рычала. Увидев Василису, медведица встала и пошла в другую сторону от Василисы, оглядываясь и рыча злобно, угрожающе. Василиса подошла к месту, где сидела медведица, дернула со всей силы куст - не поддается, другой раз, третий.

-Ага! Вот оно логово!- дернула четвертый раз, он легко выдернулся из земли со всеми корнями. Аккуратно пригоршнями выбирала землю, тут же складывая ее в кучу. Дошла до сухой травы, закрывавшей лаз, и перегородки из тонких веток, убрала все. Лаз был широким, на четвереньках можно было пройти. Осмотрелась вокруг, послушала, нет ли звуков, каких, из норы. Нет, тишина. Достала два патрона и вынула порох, проползла немного внутрь, подожгла порох, и быстро задом вылезла наружу, спиной закрыла лаз. Посидела так, пока не потянуло из-за спины дымом от пороха. Взяла веревку, обвязала ее вокруг себя, накрутила конец себе на руку. Только потом полезла снова. Как она и предполагала, мужик лежал близко от лаза, в темноте она нашупала его ноги. Сняла с руки конец веревки и обвязала мужику ноги. Так и потянула назад к выходу. Пот заливал глаза и липко струился по шее. Наконец - свет! Еще несколько усилий, Василиса в ужасе отвернулась, от пред-

ставшей перед ней картины - лицо мужика представляло жуткую маску! В ноздри и уши были вставлены пучки какой-то травы, рот был открыт и прикус зафиксирован палкой. Василиса вынула палку и осмотрела глотку мужика - чисто. Убрала траву из ушей и ноздрей. Она знала, что мужик живой. Мертвых, нежити, не удостоят чести такого приема. Им надо, чтобы жертва была жива, до тех пор, пока они не сделают все процедуры. Вливая, какой-то раствор в рот, поддерживают работу сердца. Повернула мужика и вытащила пучок той же травы из заднего прохода. Еще раз осмотрела и с ладони из фляжки, полила ему в рот чуток воды, язык у мужика был совсем сухой.

- Значит, еще не успели они над ним потрудиться, не нанесли большого вреда его состоянию. - Обвязала торс тряпьем, пропустила ему под руки веревку и потянула в сторону заимки.

-Скорей, только бы скорее добраться до дома!- силы уже не покидали ее, близость жилья не давала расслабиться, и Василиса тянула и тянула свою ношу, с каждым шагом приближаясь к дому. Втащив мужика в дом, она быстро обтерла его сухим тряпьем, и с трудом взвалив на лежанку, укрыла одеялом из шкур. Затопила печь, поставила в котелке травки, а пока варились, обмыла раны.

Ночь прошла спокойно. Мужик в себя не приходил, но сердце билось ровно, дыхания было неслышно. Василиса вставала, трогала ему лоб и тихонько ложилась снова. Она знала, что сегодня они не придут, они придут завтра ночью и к их приходу надо хорошо подготовиться.

Голос деда зашелестел неожиданно. Василиса вздрогнула всем телом и широко раскрыла глаза, смотрела в сторону голоса, скамейка была пустой, но голос звучал из того угла, где она стояла.

- Ты все сделала правильно. И мысли твои правильные, они придут завтра ночью. Утром придет собачка. С ней тебе будет легче. Подношение поставь с вечера. А теперь спи, ты умаялась, я посторожу.-

Она прилегла на лежанку и сон послушно смежил веки. Снился Василисе чудный сон, будто она пришла к женщине, чтобы спросить у нее о каком-то деле, но когда она подошла к ней, то увидела, что это она сама, только уже старая. Как бы, она сама у себя пришла спросить, только переместившись во времени, в будущее. От удивления, она забыла свой вопрос и стояла в смущении, не зная как объяснить свой приход. Но вторая Василиса, все поняла без слов, и сказала ей все, что она хотела.

9

Байкал бился в дверь с такой силой, будто кто-то стучал кулаками, лаял громко и радостно. Василиса вскочила и бегом бросилась открывать.

- Намотался бездельник! Разбудил ни свет - ни заря!- но, открыв дверь, засмеялась и прижалась собаку к себе. Ругаться расхотелось, оба были рады встрече. Байкал, по хозяйски проскочил к лежанке, и быстро обнюхал мужика, ткнул несколько раз, ему мордой в бок, чихнул, и лег, уставившись на Василису. Она прибирала волосы, смотрясь в осколок зеркала закрепленного в стене. Он наклонял голову, то в одну, то в другую сто-

рону, будто бы любуясь ее красотой, потом отвернулся, положил голову на передние ноги и задремал.

Состояние мужика, почти не изменилось за ночь. Лоб покрывала испарина, время от времени Василиса обтирала его влажной тряпкой. Пот был липким и воюючим, желтовато-грязного цвета. Хорошего, в этом было мало, поэтому Василиса, пошла, поискать траву, которой в ее запасах не оказалось. Вернулась уже к вечеру. Байкал спал у ног больного. Подкинула дров в печь и поставила воду для отвара. Подошла к мужику и услышала тяжелое дыхание. Пота на мужике не было, и одеяло было скинуто на пол. Видимо Байкал стянул одеяло и вылизывал мужика с головы до ног.

- Ну, хоть задышал, и то хорошо.- Подумала Василиса, а вслух поругала Байкала за самоуправство. Он весело оттявкался от нее и попросился на двор. Рвало его долго, с надрывом, он даже от дверей не отошел. Василиса вышла и потрепала его по загривку.

- Что ты, Байкалушко? Отравился? - Байкал опрометью бросился прочь. Василиса вошла в дом и засуетилась по хозяйству. Беспокоиться за него не стоило, собаки быстро находят противоядье даже от змеиного укуса. Достала куропаток из мешка, которых подстрелила, когда за травкой ходила. Обработала тушки и поставила вариться.

- Попробую бульон в рот влить к вечеру, а то совсем силы потеряет. - Остудила отвар из трав и попоила больного, обтерла его этим же отваром. Раны не воспалились больше, опухоли спадали. Василиса смотрела на него, и пыталась представить себе, каким он был, его взгляд, голос.

Волосы у мужика были светлыми, давно не стриженными, лицо еще не очень-то рассмотришь под отеками и ссадинами, но, скорее всего приятное. Брови густые, выгоревшие на солнце, почти сросшиеся на переносице. Правая бровь была рассечена и здорово припухла. Длинные ресницы, тоже светлые как осенняя высокая трава, не дрожали, как бывает, когда человек просто спит.

Глаза плотно прикрыты. Василиса раздвинула пальцами веко и в испуге отпрянула назад. Она не увидала зрачка, глаз был просто розового цвета! Чуть помешкав, успокоилась, подошла и открыла второй глаз, он был залит кровью.

- Фу, ты! Они ж у него просто закатились вверх!- Вздохнув, присела на край лежанки и задумалась. Выживет ли мужик, она не знала. На затылке шишка с кулак, живот синий весь, справа до черноты.

- Да все ли у него будет в порядке с головой? Надо бы еще в отвар девясила и бородовую траву добавить.- Подумала Василиса.

Укрыв мужика, начала готовиться к приему гостей. Нежити обязательно придут сегодня. Надо ничего не забыть для их приема, иначе встреча может быть последней в ее жизни. У двери залаял Байкал, прося открыть дверь.

-Сиди там, не мешай мне! Тихо!- Собака замолкла.

Василиса взяла с полки банку с порохом, отсыпала на тряпицу с горсть, банку убрала на место, а с полки сняла мешочек с лун-травой. Трава зашелестела под рукой, ссыпаясь в мешочек вниз.

-Не маловато ли будет?- прикинула на вес рукой, положила на стол рядом с порохом. Налила в миску воду, поставила на середину стола.

Потом, медленно разделась догола, смачивая руки в миске с водой, обтерла все тело, достала с полки бутылочку с кедровым маслом, налила в ладонь и растирла по телу так, что смешавшись с водой на коже, оно стало белым. Долго досуха втирала, внимательно следя за тем, чтобы не пропустить, смазать всю кожу, даже между пальцами на ногах. Потом аккуратно достала ящик, из-под лежанки, в котором деда хранил всякие непонятные вещи. Но непонятными, они были до поры до времени, пока срок не пришел, все понять и уразуметь каждой клеткой своего тела, а не только головой.

Василиса сдула пыль с ящика, и прежде чем его открыть, положила руку на крышку и мысленно проговорила все, что учил деда при открытии ящика. Потом громко во весь голос:

- Бабушка Соломонида! Встань на защиту и на подмогу! Открываю я пути Истины от пути Истины! Вызываю я Силу Великую от Силы Величайшей! Эюян, Калоам, Галаеон! Встаньте подле, и за, и с краю, и где попадя! В руки войдите, ноги держите, язык прихватите, ветром голову просквозите! Не дайте, не выйти, не зайдти! Оюкола барали ма оштокорт аазуа Ваа! Ваа! Ваа!- упала лицом вниз и молча, ждала знака о том, что ее услышали. Ждала, пока холод не сковал мышцы.

-Значит пора!-Василиса открыла крышку ящика, ветер зашумел в печи, тени заходили по стенам. Она достала из ящика костяной гребень, две нитки жемчуга, золотые монеты. На монетах были просверлены дырочки и в них вдернуты черные кожаные шнурочки. На од-

ной стороне монет было изображение треугольника, в треугольнике звезда с семью лучами, над звездой крылья. На другой стороне монет, было изображение головы медведя с оскаленной пастью. Василиса прикрыла крышку, и, не вставая, начала расчесывать волосы, костыным гребнем. Разделила их напополам, на прямой пробор, спереди. Потом, на правой стороне разделила волосы на три равные части и начала плести косу, вплетая нитку жемчуга и монеты, предварительно разделив их на равные части. Потом так же, с левой стороны. Монет было по семь штук на каждую косу.

Окончив с прической, воткнула гребень, укрепив им седьмую, не заплетенную в косы прядь на затылке, потрогала, тряхнула головой - хорошо ли держится, поправила. Села на край лежанки осмотрела мужика. Знала она, что придется ей нелегко, в душу начало закрадываться сомнение, стоит ли навлекать на себя такое внимание, со стороны нежити, из-за незнакомого ей человека? А вдруг, этот мужик столько бед натворил за свою жизнь, что это все кара ему, за его деяния? Волосы больного были слипшиеся, растрепавшись по подушке, казались темнее. Василиса поправила ему волосы, прикрыла одеялом и поднялась. Нет, она не может его отдать. Если бы он был здоров, то решалось бы, совсем по другому. Сейчас его никто не защитит, кроме нее. Значит, надо защитить, а там видно будет. Василиса взяла веник и чисто вымела пол. Постелила половички у двери и поправила занавески на окнах. Ту половичку, что лежала у лежанки, скрутила в рулон и убрала за печь. Оглядела комнату, все ли в порядке.

Потом, начала убирать все съестные продукты, на полку под окном. Сложила и аккуратно прикрыла зан-

веской. Насыпала на стол щепотку соли, и взяв тряпку, начала растирать эту соль по столу. Втирала так, чтобы ничего не осталось. Пришлось капнуть чуть-чуть воды, потому, что крупицы соли не растирались по столешнице.

-Очищается тело дерева, телом соли.

-Скорбь, от скорби, пройдет.

-От боли, боль возвращается.

-От горечи - горечь, от огня - искра.

-Слово от слова.

-Дитя от матери.

-А Мать-земля, от чистого неба!-

Слова повторяются на протяжении всего действия. Василиса боялась запнуться, десятки раз повторяя одно и то же.

Василиса знала, что все нужно сделать тщательно, потому, что от этого зависит многое, в данное время. Дедушка заставлял ее переделывать несколько раз, когда учил очищать стол солью. У нее никак не получалась, эта, вроде бы, совсем простая работа. Почему-то, где-нибудь, хоть совсем маленький уголочек оставался нетронутый солью. Дед, всегда сердился по этому поводу, и заставлял ее переделывать до тех пор, пока она не начала руками чувствовать очищенное место или нет. Теперь уже все призабылось, и Василиса старалась изо всех сил. Когда она стала уверена, что стол очищен, бросив тряпку в печь, пошла к ящику. Поправила монетки в косах. Снова положила руку на крышку ящика и произнесла про себя следующее заклинание. Потом в голос:

-Оолаа! Ехоор! Сайда! Ухожу я в пути далекие, возвращаюсь путями близкими! Встаньте рядом с санями, ветры буйные, станьте моими конями! Эехр! Тоамчло хоует мо зауро кам ваает ор! Оола! Ехоор! Сайда! Камчедам! Ваахр!- И снова пошел ветер по комнате, зашумели ветвями деревья у избушки, завыло тонко в трубе.

Обтерев лицо ладонями сверху вниз, открыла ящик и опустила в него руку, достала оттуда золотой диск, величиной раза в четыре больше тех монет, что вплела в косы. Диск, с обеих сторон, держали в пасти две змеи, с зелеными камнями на месте глаз, был на кожаном шнурке. Василиса закрыла ящик, надела шнурок на шею, и диск лег между грудей, сверкая оскаленной мордой медведя. Молча, посидела, собираясь с силами и начала читать следующее заклинание, шевеля губами, время от времени выкрикивая:

-Оохр! Ээхр! Иихр!- и раскачиваясь из стороны в сторону, с каждым разом наклоняясь все больше и больше, до тех пор, пока не стала доставать до пола головой. Упала, разметавшись по полу, и снова ждала зна-ка.

За окнами осветилось и пошло серебряными искрами, опять заходили тени по стенам, застонали деревья от внезапного нападения ветра.

Василиса поднялась и села у ящика, положив руку на крышку, подождала, когда ветер утихнет, и открыла крышку. Теперь она достала тонкую легкую шкуру, шерсть на шкуре переливалась и будто бы искрилась, она была такой мягкой и теплой на ощупь, что казалась живой. Потом, вынула четыре браслета, в виде двух переплетенных змей, держащих в пасти диск, на нем, бы-

ли те же изображения, что на монетах и на большом диске. Что поменьше, Василиса одела на запястья, а те, что больше - одела на щиколотки, шкуру накинула на плечи.

Закрыла ящик и задвинула его под лежанку. Поднялась и подошла к столу. Долго нашептывала на миску с водой, медленно подсыпая в воду лун-траву. Потом насыпала щепотку лун-травы в тряпицу с порохом и тоненькой струйкой высыпая порох, обошла лежанку с мужиком, будто очертила черту, за которую нельзя заходить. Границу. Взяла еще несколько щепоток лун-травы и бросила их в миску с водой на столе, помешала рукой воду и обтерла себе лицо мокрой ладонью. Все готово, осталось только ждать гостей.

Мысленно Василиса перенеслась в прошлое, чтобы вспомнить все, чему учил деда.

- Четыре стихии царствуют: Вода, Земля, Огонь, Воздух. Каждая из этих стихий дает жизнь, каждая с легкостью может ее отнять. Духам этих стихий всегда поклонялись, эти духи сохраняли все живущее на Земле, в тех пропорциях, которые нужны для равновесия мира. Эти духи самые сильные и могущественные на Земле. Поклонение им, должно быть одинаковым, не отдающим никому из них предпочтение, они равны в своей силе, уважение их так же свято, как поклонение Создателю.

- Четыре стороны света: Север, Юг, Запад, Восток. Точки севера и юга фиксированы, запада и востока нет. Духи сторон света, живут около каждой живой сущности и никогда их не покидают. Поклоняются им, для облегчения передвижения, уважение этих духов дает свободу.

-Четыре времени года: Зима, Лето, Весна, Осень. Они тесно связаны, между собой. Зима, всегда плавно переходит в весну и нередко проявляет себя и летом и осенью. Так же, можно сказать о любом времени года. Духи времен года, дают перемещение во времени. Поклоняясь этим духам, и достигнув, их расположения, можно перемещаться в прошлое и будущее. Не телом, а душой и видеть все, что тебе нужно.

-Четыре времени суток: Утро. Вечер. Ночь. День.

День - время созидания, ночь - время разрушения. Утро и вечер- время подготовки к тому и другому. Ночью властствуют силы зла, днем - силы добра. Все четыре времени, имеют своих духов. Каждому из них поклоняются только отдельно. Они ревнивы и самолюбивы, потому что сильны.

-Четыре породы людей : Белые, Черные, Желтые, Коричневые. Белые люди медлительны и ленивы, жадны и непокорны. Черные люди наоборот, темпераментны и быстры, жизнь у них протекает быстрее, чем у белых. Они раньше созревают и раньше старятся. Их ритм жизни не совпадает с белыми людьми, поэтому они не понимают друг друга, поклоняются разным богам и духовные ценности имеют для них разный смысл. Желтые люди, и коричневые, отличаются от белых и черных, но близки между собой. Они жестоки и кровожадны. Весь свой ум они употребляют веками, только для того, чтобы покорить мир. Но беда в том, что они не смогут удержать покоренный мир. Везде будет только война. Поэтому, они не могут достичь своей цели. Существо Создателя пока этого не допускает.

Четыре породы нежити: Высшие, Земляные, Водяные, Летающие.

Высшие, это те, которые живут глубоко в недрах нашей земли. Это самые древние создания и самые мудрые существа нашей планеты. Они несут ответственность перед Создателем, за все, что есть на Земле. И правят всем они. Морями и океанами, холодом и жарой, ветрами и дождями. Они делятся на четыре вида, и только один вид выходит на поверхность, и управляет всей нежитью на поверхности земли.

Земляные, которые тоже делятся на четыре породы: Гномы - живут в горах, полевики - живут по равнинам, лесные - грибы, ягоды в их распоряжении, и те, что к тебе в гости ходят - они везде. Есть еще вампиры и вурдалаки. Но это особые виды - паразиты, между несытью и нежитью, о них и говорить надо отдельно.

Водяные - делятся на четыре вида- русалки, дождевики, проточные и озерные. От каждого вида идет еще одна веточка- куражные - тоже четыре вида, эти с людьми живут, людской силой и питаются, и еще - домовые, дорожные, лешие, болотные. Летающие - тоже четыре вида: - видимые, не видимые, светящиеся, мерцающие. Потом каждый вид делится еще на четыре и еще на четыре.

Четыре вида несыти - Пожирающая плоть, душу, пространство, время. В основном они действуют сообща, это враги всего живого, люди зовут их смерть.

Четыре религии: Христиане, Мусульмане, Буддисты, Католики.

Бог един для всех. Но все поклоняются не Богу, а только его приближенным. Бог – это Вселенная, бесконечная и безмерная. Все остальное придумали люди. Все что создано, имеет душу, все, что имеет душу - живое.

Все что живое, может быть тебе и врагом, и другом, если сумеешь найти общий язык, и жить в согласии - друг, а друг всегда поможет и поймет. Не сумеешь понять, обидишь - враг, что бы это ни было, дерево в тайге или камень. Люди, в этом плане - разговор особый. Нет на свете подлее существа, чем человек! Разум применяется человеком только себе во вред. Даже самый правильный и разумный человек, не может оставаться таким, потому, что существуя стаей, они зависят друг от друга. Люди принимают все, что диктует общество. Понятие, хорошо или плохо, узаконено большинством или силой власти, для остальных может быть все наоборот. Кто из них прав? На чьей стороне сила, тот и прав! Это закон стаи. Каждый в стае стремится к власти, достигнув ее, заливает кровью своих подчиненных, все, что ему принадлежит. Каждый из царей, уничтожает свой народ. На костях строит свое царство. Разрушает достижения своего предшественника, и снова топит в крови своих соотечественников. Зачем? Тешат свое самолюбие! Что хочу, то и ворочу! Хоть и этих вот возьми - нежить. Те, что еще в тайге сейчас живут? Тоже, вроде как разумные. Но они, почему нежитью зовутся? Души у них нет! Без страха они, без радости, без гнева. Вот возьми, если пожар по тайге, и звери бегут в страхе, и каждый листок и иголочка на дереве дрожит, боится,- а им все равно! Потому как, души - нет! Мы берестяные ложки на костре правили, а они из золота посуду вовсю вертели. Мы по землянкам жили, а они хоромы свои серебром отделявали - что творили? Никто не знает! Только свист на всю тайгу, да свет без дыма с их стороны, до сих пор ни кто из людей не объяснит! Я ж говорю - нежити. Но это если, по человеческим меркам. С

их-то стороны поглядеть, так люди вовсе для них, как блохи для нас. В какой-то год исчезли они из тайги, все разом, из высшей то нежити. Тебе их видеть не привелось, они, как и нынешние, только цветом светлее гораздо, да сила в них неимоверная. Те, что сейчас живут в тайге, слабее намного. Ходил я, потом на их места посмотреть. Нет там ничего, ни хором, ни их останков. Самородки слегка прикопали, да кустов сверху насадили. Где и наковыряли-то столько? Большие! С кулак не меньше каждый! Тоже, самородки-то не самородные, нет тут в тайге такого золота, чтоб с платиной смешанным было! Это они плавили и мешали все, да под самородки припудривали. Для чего? Тоже загадка. А этих, что сейчас живут, сторожить видно оставили. Вот, как сходил я на их стойбище, так они ко мне и привязались. Боятся видно, что на их сокровища людей приведу. Убить-то не сумели сразу, да и потом все козни строили. Было за что, конечно! Я ведь у них тогда, все их знаки власти и силы, в свой мешок сложил, да и унес!

На ночлег собрался, костерок развел, поужинал, чем мог, да и лег, мешок под голову. Не медведица бы, так и рассказывать сейчас тебе было б некому. Не знал я тогда, и не мог от них защиты иметь! Это сейчас они у меня в холопах ходят, а тогда страсть и жуть они наводили! Только не сдавался я никаким страхам, жил как зверь на стороже и день, и ночь, но не отдавал им то, чего забрал. Долго я, оружия против них найти не мог! Само пришло, сам и догадался. Сижу как-то, в избушке вечером, а дверь и открылась. Заходит нежить, и руку ко мне протянул. Что, мол, с миром он. Заговорил сразу по нашему, понятно все. Между собой - то они, не поймешь, что и балаболят.

-Тебе пока власть оставляю, на время своего отсутствия. Кровь моя в твоих жилах течет, и пока она в тебе будет, ничего не бойся ни зверя, ни человека, ни воды, ни грозы. Мы жители этой планеты, но гораздо древнее человечества. Основное наше население, весь цвет нашего общества, живет давно под землей. Сначала мы ушли под землю, из-за холодов наступивших повсеместно. Жили на небольшой глубине и выходили наружи по всяким надобностям. Но постепенно стали искать более удобные места для существования. В глубинах нашей планеты есть все, для того чтобы мы жили так, как нам нужно жить. Земля дает нам энергию и все вещества для усовершенствования наших достижений во всех интересующих нас направлениях. То чего нет на нашей планете, мы берем на других. Ты хранишь то, что взял у нас, но оно всегда было твоим, и некому претендовать на то, что принадлежит тебе по праву. Тебя преследуют охотники за материалом. Но когда они узнают, что ты им не являешься, они будут тебе покорны. Ты зря их боишься, они ничего не могут тебе сделать. Они берут людей. В человеке есть некоторые вещества, которые нам необходимы в небольших количествах. Для тебя все это, будет непонятно, если я начну объяснять, для чего и что именно, нам нужно от человека. Ты не принесешь потомства ни нам, ни людям, но ты будешь стражем и учителем. - Я о многом догадывался, но то, что он мне рассказал, все равно, было недоступно моему пониманию.

Сколько живу, а мертвого нежитя, ни разу не привелось увидеть, и детей ихних тоже, а вот живой, сам с миром пришел! Поговорили мы по душам тогда, научил он меня как с их добром обращаться, не велел никому о

них рассказывать, до времени. Сказал, что в 1908 году, летом, у реки Подкаменной Тунгуски, снова они появятся, после этого, жизнь на Земле изменится. Потом вспыхнул огнем и все. Ничего от него не осталось! Только другой породы он был, из верховых, видно оставался, чтоб за этими следить, да в порядке держать. А ко мне пришел передать, что следовало. - Много чего деда рассказывал, все-то разве ж упомнишь. Время тянулось медленно, и Василиса вспоминала все, что связано с нежитью.

- Перво - наперво, порох ежели, еще да с лун - травой намешать, так и зажигать не надо, не пройдут и не переступят, если сама не разрешишь, а без лун - травы, то зажигай, и не бойся, они уже на то место не придут, до недели срока.-

У дверей зашелся лаем Байкал, потом вдруг взвыл дико и затих. Пришли, значит. Василиса зажгла фитиль масленки, прошла к лежанке, перешагнула через линию пороха и присев рядом с мужиком, аккуратно прикрыла шкурой грудь и живот. Масленку поставила у ног. Дверь открылась неожиданно, будто сама. Вошли пять нежитет, и замерли, глядя на Василису широко открытыми глазами. Роста они были до пояса Василисе, головы круглые, с каким-то мохом, вместо волос. Глаза большие, на пол лица, зрачки черные и продолговатые как кошачьи, нос почти и не заметен, а рот большой, но без губ. Цвет кожи серый, а одежда из шкур, но одета мехом вовнутрь. Василиса услышала внутри себя голос:

- Отдай Беспалого! Он все равно у тебя умрет. Ты сможешь залечить то, что снаружи, а у него нарушения внутри. Мертвый, он нам не нужен. Тебе тоже. – Стояли, глядя на нее немигающими глазами. Василиса хотела

ла четко ответить, но губы не разжимались, и она мысленно дала ответ.

- Он мой. Пусть даже и умрет. - Ногой, подвинула масленку ближе к черте из пороха и лун - травы.

- Мы дадим за него выкуп. Мы не хотим иметь врага в твоем лице. - Вошел еще один и положил на стол камень, величиной с детскую голову. Нес он его легко, и положив без стука, сразу вышел.

- Нет! Не надо выкупа! Разговор окончен. - Мысленно ответила Василиса.

- Тогда заберем без твоего согласия, он нам нужен! - Нежити двинулись на Василису, но, сделав шаг, замерли, повинувшись поднятой Василисой руке. Шкура, закрывавшая Василису, медленно скользила по телу к ее ногам, постепенно открывая диск, на груди, браслеты на запястьях и щиколотках. Нежити отступили на шаг назад и замерли ошеломленные. Василиса нагнулась, подняла с пола шкуру, и, повернувшись к нежитетам спиной, укрыла ей мужика. При этом, явно демонстрируя гребень на голове, поддерживающий не заплетенную прядь волос. Потом, повернулась к нежити. По избушке прошел ветер, не шелохнув пламя масленки, и откуда-то сверху раздалось злобное рычание медведя. Оно постепенно заполняло всю избушку и казалось, что все, что в ней находится, и сама избушка, помещена в огромную пасть разгневанного зверя. Рычание резко оборвалось. Нежити постояли и что-то сказали друг другу, каждый по нескольку слов.

Василиса, застыла в напряженном ожидании. Троицки вышли, а двое сели за стол, и помочив руки в чашке с лун - травой потерли глаза. Покосились на черту из по-

роха, и опять помочив руки, потерли ими глаза. Василиса смотрела на все, не проронив не слова.

- Мы согласны, помочь тебе вылечить внутренние разрывы, у твоего беспалого друга. Ты должна разрешить нам приблизиться к нему.- Прозвучало в голове Василисы.

Она взяла шкуру, накинула ее себе на плечи и вышла из очерченного пространства, освобождая место нежити. Осторожно перешагнув черту, они встали подле мужика, и вытянув длинные пальцы, стали поочередно прикасаться к его животу и груди. На руках у них, было только по три пальца. Под их пальцами, кожа больного становилась прозрачной, и было видно, что внутри пульсирует кровь. Тело мужика скручивала жестокая судорога. Казалось, что хрустят, ломаясь, кости и рвутся сухожилия. Василиса смотрела на все это, без малейших эмоций. Нежити стояли и слаженно водили руками над телом мужика, будто бы, это одно существо с четырьмя руками, движется и делает свое, очень хорошо знакомое дело. Потом, развернулись и переступив черту, направились к выходу. Дверь открылась и закрылась сама по себе. Вскоре у двери, раздался лай Байкала.

Василиса встала, запустила собаку, задвинула задвижку на дверях, и сев у стола, долго рассматривала камень. Нежити не взяли камня, оставили ей. Как она сначала и подумала, это был самородок. Из тех, о которых часто рассказывал деда. Тяжеленным оказался, убрала под лежанку до времени.

Не спеша собрала порох с пола. Байкал лег у двери и наблюдал за ее действиями. Ссыпав порох в тряпицу, завязала узелком и положила на полку. Потом, по тому же порядку, что и одевала на себя, сняла наряды, и

прошептав заклинания, сложила все в ящик и задвинула его на место. Оделась, и как ни в чем не бывало, занялась своими делами. Под мужиком растеклась кровавогнойная лужа. Пропитав подстилку, кровь стекала на пол. Запах гниющего мяса, заставил Василису открыть дверь настежь. Обмыла теплой водой, обтерла мужика сухой тряпицей и попоила его сначала отваром из трав, а потом чуть-чуть бульоном из куропаток. Поела сама. Байкал есть не стал.

С каждой процедурой ухода за больным, Василисе становилось теплее на душе. Она видела, как затягиваются его раны, как постепенно сходят опухоль и лицо становится уже знакомым и родным. Василиса заметила, что на руках мужика не было мозолей, у таежника, руки с твердой кожей на ладонях, а у него мягкие, белые, не натруженные.

- Особо то, он не утруждался, не наш значит мужик, не таежник, на него другие работали, а он просто командовал или бумажки строчил.- Сделала вывод Василиса. И еще заметила, что не было у мужика мизинца на правой ноге. Как будто так рожденный был, без пальчика, ни шрама, ни следа, что он был. Вот почему нежити его беспалым называли! А я и не заметила сразу то. На что же он им, так нужен оказался? Василиса в раздумье присела на дедову скамеечку. Вроде, все постепенно проясняется. В лесу, медведица от нежити мужика охраняла, пока я за травами ходила. Это я от неожиданности решила, что она его убить хочет. И потом, она по следам за ними пошла, чтобы показать мне, где они его спрячут. Да уж! Все понятно, но как все это, воедино сплести.

Только на шестые сутки застонал мужик, заметался, забредил. Сваливался с лежанки и снова впадал в беспамятство. Василиса была рада тому, что хоть как-нибудь, понемногу, он оживал. Неустанно, днем и ночью, следила за его самочувствием. Каждый день меняла составы отваров, варила бульоны, а когда отлучалась по делам из дома, то бежала бегом всю дорогу, чтобы не оставлять его надолго одного. Мало ли, что могло случиться. Растирала в кашицу кедровые орехи и добавляла в бульон для силы и пищеварения.

Мало - помалу, вытянула его из того света. Только к весне начал он разговаривать четко и выходить на воздух. Получалось, по его- то рассказам, будто геолог он, и не один он сюда приехал из Москвы, а целая артель из восьми человек. Все лето на Чулыме они разработки вели и пробы отправляли в Москву на драгметаллы. Но не верила ему Василиса. Может, путал он что, после болезни - то, но назывался он Петром, а не всегда на имя откликался. И взгляд у него чуткий, колючий, если задумается о чем - то, лицо становится чужим неизвестным. А когда бредил, говорил на непонятном языке. В окно все смотрит, и так, озирается все время, будто боится, кого-то ждет.

Много рассказывал о других землях, о городах, о людях ученых и о машинах разных. Этому верила и слушала, внимая каждому слову. И ласки его принимала с радостью, а не по нужде. Слова- то какие он умел говорить!

Каждое слово в любви на вес золота - и тяжелое, и приятное. Баба- то, она всегда бабой и остается, даже если и одна в тайге живет. Вошла как-то Василиса, а он

отпрянул от лежанки, где она спала. Поняла Василиса, что самородком интересовался, тем, что нежити подарили. Чудной самородочек оказался! Много она самородков видела, деда показывал и рассказывал, как по виду и цвету определить, с какого места взято золотишко. Но это, было совсем другого вида. Красные тона, перемежались с более светлыми и переходили в совершенно белые. Как будто их сплавляли специально. Не раз она самородок рассматривала и при дневном свете и при свете огня, да только всегда, он разным видом показывался. Не был бы так тяжел, наверно из рук бы его не выпускала, а смотрела и смотрела на него каждый миг. Насилу заставила себя отбросить это занятие. Деда из угла кулаком пригрозил:

- Глаза не проглядишь? –

Потом, за ненадобностью, опять туда закатила, под лежанку, чтоб на глазах не мозолился. Петр мог бы спросить запросто, а тут - крадучись. Василиса виду не подала. А он через день-два выспрашивать потихоньку начал, где, да как такой нашла. Василиса и сказала, что место знает, где их валом навалено. Удержать этим хотела, да все наоборот и вышло. Разве волка сътой жизнью удержишь? Все равно сбежит! Пока с Байкалом на охоту ходили, ушел Петруня и самородок с собой прихватил. Тяжеловата ноша-то, для больного! Давно уж заподозрила Василиса, что он уйти хочет. О дорогах все выспрашивал, как идти на поселение и на Чулым, что в какой стороне находится. Василиса его таким окружным путем поднаправила, что неделю за ним наблюдать можно, как он по тайге плутать будет. Охоту- то, она тоже нарочно придумала, чтобы убедиться, права ли в своих догадках. Стояла тихонько, за ельником и смот-

рела, как он крадучись уходил. Следил, видимо, в какую сторону она с Байкалом направится, а сам следом в другую сторону ушел. Не плакалось Василисе, ни от обиды, ни от разлуки. Посмотрела в след, да и пошла своей дорогой.

- Самородка не жалко, на что он нужен! А вот душу жалко. Руки целовал, все благодарили за свое спасение, любил жарко и ненасытно, как в последний раз в жизни, и ушел, молча, не попрощавшись. Значит придет. Только жаль, что не ко мне и не один! - Думала Василиса. Сердце болело, долго прислушивалась к каждому шороху, в надежде, что Петр вернется. Вспоминались по ночам его теплые руки. Как сладко томилось тело, когда он лежал голый и беззащитный перед ней, но уже оживавший в своих мужских потребностях. Как сама она, не выдержав такой пытки, наваливалась на него со всей своей страстью и любовью. Как он слабо отвечал ей на ее старания, но от болезни, а не оттого, что это, ему было неприятно. Как благодарно смотрел на нее, уставшую, и умиротворенную, и по своему, по бабы - счастливую!

- Ты Василиса, думки-то свои припрячь подалее. Не о том, тебе думать надо! Пройди, со тройной завесой по кругу от заимки, версты так за две, чтобы потом, по непогоди, идти не пришлось. Придет к тебе мужик то этот, и неизвестно, кого за собой притянет. Тебе-то не надо лишнего ни глаза, ни слуха. Помнишь, все как делать надо, я знаю! - Дед снова сидел на скамеечке и говорил строго. Байкал попискивал в его сторону, но с места не поднимался.

- Медведь, за ним вслед направился, вернул я мишку-то, не для того выходила, что б медведь заломал!

И чудно, что нежити за него, с тобой торговались. Хочу узнать, в чем тут причина? Темен он для меня, а я этого не люблю. Во всем, ясность быть должна.

- А что ж ты деда, меня спасти его отправил? Теперь и бояться что ли его надо? Сама себе страха нажила, выходит, да и ты пристарался! - голос Василисы задрожал. Она обрадовалась, что дед от медведя Петра спас, но виду подавать не хотела, хотя и знала, что дед все понимает, каждое движение ее души.

- Не кручинься, люди все такие. Не твое видно счастье в этом деле, но и не его тоже. Задумал он, не своими руками, да жар загребать. Пусть потешится чуток. Потом и мы с тобой потешимся!

11

Егор долго плутал по тайге,脊背 болела так, что ноги отказывали идти. В крестец, будто бы кол вколотили, и ноги, поэтому разъезжались в стороны. Шел, просто потому, что надо было идти, а когда осматривался, то оказывался в том месте, где вчера проходил. Снова выбирал направление и шел, почти в беспамятстве от боли, и бессильной злобы на себя, за напрасно пройденный путь. В который раз, обнаружив себя на пройденном вчера месте, упал и горько заплакал в голос:

- Лучше б я сдох! Чем вот такие издевательства терпеть! - В кустах что-то зашелестело, и детский голосок прошепелявил:

- Шмотри, еще и плакать может! Хи-хи, лишь бы в шкуру не завернулся!

- Ага, дед наш потом мытарить будет, ешли он по дороге домой шлежами не умоетша раж шорок! Хи-хи! - опять в кустах зашелестело.

Егор, не вставая, расправил шкуру, и, укрывшись ей, забылся. Когда проснулся, спина не тревожила. Поднялся и пошел, уже видя перед собой дорогу домой. Шкуру повесил на плечи, только перед тем как выйти к поселку, снял, и свернув, понес подмышкой.

Домой-то сразу не пошел, через сеновал да на чердак, шкуру схоронил, посидел, подумал:

-Как бы к Василисе подкатиться? Чем же растопить ее ледяное сердечко? - Но, представил ее насмешливый взгляд и слова все из головы, те, что по дороге сочинил, вылетели. В доме Василисы не оказалось. Катерина встретила его смиреной улыбкой:

-Ты, Егорушка садись, поешь, с дороги-то. А я побегу баньку подкину, да бельишко тебе чистое приготвлю!- Кинулась в сени.

-Кто поймет этих баб, чему радуется? Знает ведь, что видеть ее не хочу, а елозит под ногами как сука!- Злость закипала в Егоре с каждым проглоченным куском. Но он сумел подавить в себе эту злость, иначе бы пришла ярость. Поднялся, пошел к ручью, чтобы не видеться с Катериной. Через ручей были проложены три жердочки, мосток значит. А на этом мосточеке, так прилежно, устроилась Василиса - белье стирает. Стоит на коленках, одной рукой за жердочку держится, а другой с тряпичкой, по воде полощет. Потом поднимается и выжимает обеими руками, кладет тряпичку в кучу справа. Потом, берет следующую тряпичку – слева, и опять наклоняется к воде. У Егора даже дыхание перехватило! Сил нет смотреть, и нет сил - уйти.

- Василиса!- голос звучал глухо, будто горло перековали. За шумом воды Василиса не услышала зова. Да и сама напевала, что-то себе под нос. Егор подошел к

воде, Василиса медленно распрямилась и подняла взгляд на Егора.

-А, прибыл пропащий! Назавтра мужики уж искаль тебя сговорились, с утра-то. Ты пойди, покажись, чтоб не собирались. - И наклонилась со следующей тряпкой к воде.

-Не ждала, значит, и душа не болела, коли - песни распевает, радуется, когда я пропал, по их меркам! – обида захлестнула Егора, пошел прочь чуть не бегом. Слезы подступали, пощипывая глаза. Ну, он сходу - в баню, а после бани-то, как положено всегда было - понеслась пьянка.

Мыслей своих, Егор так и не оставил, становился наглей и настойчивей. Василису, раз даже спяну, пониже спины хотел ущипнуть. Она-то тесто каталла, от скалки, враз прорезвел, мужики водой окатывали, чтоб в себя пришел.

Да опять же не затих, где выловит, чтоб одна была, так и конючит о том, что душу, она ему всю наизнанку вывернула. А ей что, Василисе-то, смеется над ним.

- Ну, погоди ужо, по осени-то враз обхочочешься! Я все одно свое возьму!- грозился Егор.

Так оно лето-то и просквозило, за делами, да за работами. С каждым днем, все тревожнее становилось Егору. Помнил он срок, чтоб шкуру Василисе отдать. Хотелось - то принародно, чтоб все видели, какой он ей подарок подготовил. Ни кто ж не знал, чья это передача. Вот и решил покуряжиться.

Не думал Егор, что Василиса, так на шкуру то, удивится! Побелела, затряслась вся, да как схватит шкуру и бежать! Кинулся, было за ней, а в дверях-то, Прошка Косой стоит, пальцем ему грозит.

Тут Егора кандратий и хватил! Очнулся, лежит без штанов, но в рубахе. Сел, глянул, а что в штанах-то проживало, будто и не его вовсе, синим цветом покрылось! А Прошка, склонился к нему и говорит:

- Ты, о втором наказании забыл, и все, что я тебе говорил, видимо ветром выдуло! Василиса то, никогда вашей и не была. Крови в ней человеческой мало, не жить она наполовину, потому и тянет вас всех к ней, окаянных! Помнишь, Дуняшку Ковылеву? Пропала она тогда из дома? Нежити ее со двора свели, заморочили. Я ее месяца через четыре, у них отбил, да у себя держал на заемке, пока не родит. Как она, с пузом-то, домой бы пошла, позориться не захотела. Родила девчонку, а сама и двух дней не прожила после. Вот Василису-то, я и вынинчил. Медвежьим молоком выкормил. И все годы от нежити укрывал, они ее тоже свести хотели. Ты думал, она с вами жить станет? Не понимает она забот ваших, другая она! Живи и помни мои слова, а забудешь, я приду, напомню!

Людишки тут заскочили, а его, Егора-то и переклинило. В себя-то пришел уже по снегу. Катерина, добрая душа, к исашным ходила, за него просила. Исашные – люди простые, безхитростные, по нашему мало-мало понимают, между собой по своему говорят. В помощи никому не отказывают. Повели они Катерину-то, к старухе ихней, она для Егора воды талой и прищептала. За воду, семь собольих шкурок взяла, да сережки золотые с ушай вымотала. Катерина, пока домой добиралась, думала так и загинет в тайге! Знамо дело, одной в такой путь не пристало бы никому сроду! Но принесла воду, да и в бражку помалу подливать стала, пока Егор засыпал, ну а потом от страха, что он услышит, всю и

бухнула ему в ковш, что оставалась. Легче ему, вроде, стало. Она потом, еще раза четыре к этой старухе мотылялась, но Егора все-таки выходила. Женщины, они не для себя в основном живут, ради кого то. Вот и Катерина, всю свою жизнь для Егора и положила. Смысла жизни без него и не видала. А случись что, ради его детей бы, жила. Куда их оставить? На то она и женщина.

Из дома он, дальше лавки, уже ходить не захотел, но работал. И шкуры выделявал и табуретки там, или еще дела, какие, все споро у него получалось. Ребята у него, уж и подросли которые, и на охоту уже и везде, куда надо могли. Да и за Катериной - как за стеной каменной. С Егором она, и на лицо вроде как, посветлее стала. А то раньше ее прозвище Головешка было. Черная, значит. Не прогадал, когда с пьяну, ее в дом привел. Всему своя судьба!

12

Погоревала Василиса, но все сделала, как деда вел. Срубила березу, распилила ее на мелкие полешки. Просушила чуток и начала палить в костре, на угли. Угли от березы остужала, да в мешок складывала. Работы хватило почти на неделю. Потом нашла старое ведерко, да набила в нем дырок побольше, чтобы угли в нем гореть могли, и не задыхался б жар. Пошла на утренней зорьке, мешок с углами на плечо, ведро в руках. Версты за две отошла и запалила костер, насыпала в него угли от березы из мешка и пока разгорались, читала заговор на тройную завесу от нежданных гостей:

-Язык мертвячий! глаз вертячий! Помоги, Батюшко, от беды отвертесь! Не вели худому человеку пройти через твои врата! Пусть врата твои, адовыми вратами

оборотятся! Житом бесовым обмолются, дымом черным окостыжатся! Белые березы тут не стояли, сока от родной земли не собирали, а собирали горе-кручину, чертову личину, за каждый куст, да за каждое деревце. Как болело тело у березы от огня, от пламени, так и у худого человека, пусть, на этом пути, пузо болит, разрывается, тело струпьями покрывается! Не я беду несу, а худо в человеке. Ключи в березе, замок в угле, а грех не на мне. Да будет так! И так будет!-

Потом, собрала разгоревшиеся угли в ведерко и пошла, кадить по кругу вокруг заимки. Когда угли прогорали, возвращалась за мешком, опять разжигала костер и снова засыпала в него березовый уголь и читала заговор. Заимку тройной завесой обошла, чтоб чужой человек не смог к ней пройти.

Байкал охотился и добычей с ней делился по честному, да и нежити не забывали, то шишек кедровых, то живицы, то травы разные, за которыми идти по гибким местам надо, все приносили. Только подумает о чем, оно уже утром у порога дожидается.

А как хороша тайга ближе к осени! Воздух такой ядреный, такой густой, насыщенный всеми запахами лета! Листва на деревьях уже окрасились в цвета осени: красная до бордового - осина, нежно-желтая, еще с про-зеленью - береза. Темно-зеленая, почти черная - пихта, светло - зеленая, с серебрянкой - сосна. Смотришь, с пригорка – душа радуется, забываются все печали! Понизу, стелются поздние цветы, они ярче и изысканнее ранних цветов, каждый неповторим по форме, цвету и запаху. Не хочется срывать, портить такую красоту, а просто смотреть и видеть, запомнить навсегда цвет, и

запах, и чистую природную прелесть. Ведь на следующий год, все будет цвести по другому, другие цветы, запахи, цвета.

- Теперь Василиса, буду учить тебя, тому чего не успел. Многое мне надо тебе показать, да рассказать еще.- Дед сидел на своей скамеечке, как раньше бывало. Щурился и смотрел ласково, будто бы Василиса в детство свое попала.

- А на что оно мне, все это, деда? Ты вот мне свои знания передаешь, учишь, рассказываешь. И что толку с этого мне или другим? Вдвоем мы тут и некому мне, все это рассказать и не с кем, всем этим поделиться!

- Да ужо, с людям-то, делиться! Ты все своим потомкам передашь!- вздохнул дед.- Нажилась ты среди людишек, память-то любовью повывертело. Когда малой была, все понимала, и знала для чего! Теперь - мысля наперекосяк пошла? - Дед пропал из виду, но появился снова, уже у печки, сел у стола и заговорил тихо, каждое слово, вкладывая, будто в самое сердце Василисы.

- Дел у нас тобою еще полно, Василисушка! Столько дел, что и не переделать.- Покачал головой, задумался.

Василиса была рада приходу деда, смотрела на него с любовью, было с кем поговорить, спросить и поспорить, если придется. Роднее и ближе его, у нее никого никого не было. Она иногда задумывалась над тем, как же дед относится к ней? И жалеет он ее, и оберегает, и учит всему с радостью, но ведь оставил настолько лет одну, не появился ни разу, не подбодрил.

- Где ж ты был все эти годы, деда?

- А меня и сейчас нет, да и тогда, был ли я? Это ты только душу мою видишь. Давно уж я не здесь. Я то, живу в своем времени, а ты в своем. Нам с тобой на дальнюю сопку идти надо, там я тебе показать должен многое. По дороге и поговорим обо всем. Много вопросов и ответов с тобой обсудим. Сейчас, не о нас с тобой речь пойдет, есть тема и поважней, чем эта.

Сопка-то сама, не природой созданная - выработки это. Из глубин земли доставали то, что нужно, а ненужную землю в сопку и сложили. А сопкой она прозывает-ся, не потому, что гора, а потому, что сопит. Время от времени такие звуки из нее раздаются, будто сопит кто-то. Деревья прямо большими, пересадили из других мест, чтоб не заметно было чужому глазу, что работа велась, или еще по какой причине. Придем - сама увидишь, такие работы наработать людям-то не под силу. Эта ж тоже нежить и трудится, только роста они, поболее человека то - втрое! Другой породы они с нежитью малого роста и задачи у них на земле разные. Те - на земле алмазы, золото, и другое - если что сгодится – промышляют. А эти - под землей, и под водой, и по воздуху, везде пройти могут. С людьми они не хотят знать-ся и видеться. Если случайно человек на них попадает, то чаще всего погибает. Такие у них правила. Строят они в земной глубине, какие-то свои стройки. Но земные это создания. Человек как устроен? Что видит, то значит- есть, а чего не видит, значит - того и нет. Если что увидел – подай сюда! Надо убить, поймать, изучить, сломать, попробовать на вкус! Вот они, по глухим местам и промышляют, чтобы их человек не видел и не знал! Люди ж, если до чего доберутся, как дети малые. Все по - своему, через жопу переделают, чего бы им это

не стоило! Человек слаб разумом! Ему, всю силу, если дать, и знания, что нежить имеет – он всю землю уничтожит! Нет, не нарочно, а как ребенок, если ему дать в руки обрез от ружья, к примеру, он и родителей постреляет и себе мозги вышибет, потому, что не понимает, что острое и где край. Люди - если силу, какую и заимеют, сразу на войны применяют, да на убийства. Повелевать им хочется над всем миром, а мозгов-то нет! Был бы он, разум- то если, так и жили б по-другому! Строить-то мир надо, а не войну! Один человек, достоин и уважения, и жалости, когда ему плохо. И помощи, если она ему требуется. А вот, в общем, человечество, большая беда на Земле.

Но, человек - то тоже, в этом не виноват, как создали, так и живет. Умнее веками не становится, одно делает - другое ломает!

Надо себя-то в сравнении видеть, тогда может и пойдет у людей разум, или хотя бы подражание тому, кто выше разумом и сильнее. А люди то только с животными в сравнении и могут себя на высшую ступеньку поставить! Цари природы! Впереди-то равняться не на кого, вот и цари! А ведь было промежуточное то звено, между людьми и нежитью! Высшая человеческая раса. Было с кем и нежити общаться, вся она в подчинении у них и была. А теперь и люди без умственного роста производятся и нежити с умом, да без души остались. Всем плохо... Пытались нежити восполнить то, что потеряно, думали, от людей с нежитью – дети, станут высшей расой. Нет, не стали. Люди их не понимают, не дано им, детям от человека и нежити, то, что было утрачено, и нежити им подчиняются, но не все, а так, какой-какие.

Вот и хочу я, Василиса, показать тебе то, что есть на земле на самом-то деле, а не то, что люди себе создали и придумали. И ты, в свое время, то же сделаешь, и покажешь, и расскажешь.

Люди-то, они тоже разные. Одни - чтобы тяжелым трудом заниматься, другие – что мозгами кумекают, трети - управляют всем этим, но есть и такие, которые видят все, что есть на земле, которые и людей, и нежитей понимают. Такие, как мы. Мамка-то, тебя умом и добрым сердцем наградила, душу свою горемычную тебе передала. А вот, что со стороны нежити в тебе прибывает, не знаем пока мы с тобой. Неизвестно, когда оно проявится. Поэтому, должна ты быть готова, к любым поворотам судьбы. Ты, будешь способна видеть то, чего не видят простые люди. А раз видишь больше, то и понимаешь намного шире, все в этом мире. Только до людей, это не доходит! Раз ты ни такая как все, значит, ты не нормальная.

-Что ж если, рассказать людям-то, все чего сама буду знать и видеть?- Василиса смотрит вопросительно.

-Да были и такие, что говорили и рассказывали. Только их косточки потом, по кострам, да по омутам расположились. Не нужно это людям! А что не нужно - то враждебно.

Нежить-то, раньше тоже пыталась с людьми общаться, но не готовы они к таким переменам, не верят своим глазам и не хотят верить. Мы-то с тобой в тайге живем, а ведь на Земле-то, и другие земли есть и страны другие. Люди там тоже живут и каждый посвоему, старается. Но и нежить, там тоже живет, по всему свету и тоже старается людям помешать, Землю нашу – матушку, уничтожить. У них, у нежити- то, под землей какие

заводы понаделаны, и все вокруг как было, так и есть. А люди, если фабрику мануфактурную соорудят, так столько природы нарушат, что душа кровью обливается. И во всем так, за что не возьмутся, только вред природе и себе. Потому как трудятся люди-то, не для великой цели, а для личного блага. Каждый сам для себя, а то, что в общем то, плохо всем получается, до них не доходит! Если доходит, то уже изменить ничего нельзя. Так и в нашей с тобой жизни, ничего не изменишь.

Пойдут от тебя отросточки, будешь им объяснять, что да как, почему они не такие, как все люди. Сама, пока жизнь проживешь, многое поймешь, и узнаешь и о людях, и о нежити. Только не пристало нам, людям в услужение идти, а к нежити и подавно!

Василиса, слушая деда, не смела слово сказать, прервать его речь. Кивала тихонько головой в знак согласия. Не все понимала, может, но ничего, потом спросить можно. Ее радовало то, что дед снова с ней, и уходить вроде как не собирается, а там видно будет, что и как сложится. Долго еще сидели так. Обсуждали поход к сопке, да чего с собой взять, да каким путем лучше туда добраться.

13

По дням-то, и на сопку засобирались. Ушли на рассвете, и путь неблизкий был радостным и светлым для Василисы. Дед идет впереди, дорогу показывает, да про все то, что вокруг рассказывает.

- Посмотри-ка дитятко, какая полянка расчудесная! Так и тянетесь душа и тело на ней отдохнуть с дороги! Травка непримятая сочная, да зеленая. Только беда неминучая, если ты поддашься этому соблазну! Сту-

пишь на травку-то, и – нет тебе! Даже и пискнуть от неожиданности, не сообразишь. Топь тут, дошли мы до места самого опасного в нашем путешествии. Но, если знаешь, как в таких местах ходить, то и нет опасности вовсе. Сейчас передохнем тут на корнях, у дерева, и пойдем сторонкой, поближе к кустарнику. Вот и слегу себе выбери сейчас, далее-то, сплошняком болото пойдет, негде будет слегу взять.-

Дед сел, начал из мешка доставать веревочки всякие, потом наломал веток, обчистил их от листьев и мелких веточек, и стал, переплетая между собой, связывать. Трудился, молча, когда все готово было, сказал:

-Как к болоту то подойдем, вот эти сплетыши, на сапоги и привяжем, чтоб по болоту идти легче было, и чтоб ноги не засасывало.

Болото перешли благополучно. Только смешно было Василисе с таким устройством на ногах по болоту идти!

-И откуда деда, ты такие мудрости знаешь? Мы ж с тобой не на болоте жили, тебя научал кто-то или это ты сам придумал?

-Голова у нас для того, чтобы думать и придумывать, как свою жизнь сохранить. Я по этим местам, не раз хаживал, вот мысли-то всякие и думал, как безопаснее пройти. Сейчас болото кончилось, дня через два, к сопке выйдем. Давай костерок разведем, да обувку просушим, ночами уж и прохладно, как бы ни застудиться.

Скоро в котелке забулькала каша, когда загустела, дед отставил котелок от костра и бросил туда голубики горсть, собранную по пути. Поели пока мясо вяленое, потом уж как каша упрела, поели каши, да и на отдых.

-Ээу! Ааауу! – Зов разносился по тайге, и не понять было, с какой стороны он слышится.

-Деда, зовет, что ли кто-то?- Василиса прислушалась.

- Пущай зовет! Ему больше делать-то нечего, вот и орет, как душа запросит.- Дед подпихнул лапник под бок, чтобы удобней было лежать, и сладко зевнул.

-Оооа! Эйеей!- снова раздался крик.

-Так ты знаешь, деда, кто зовет то?- Василиса удивилась равнодушию деда.

- Не знал бы, может, и сбегал, посмотрел. А так, че елозиться-то, завтра пойдем мимо, и поглядишь. – Дед привстал, почесал под бородой, вздохнул тяжко.

- Я думал, подох бы он уже, а вот ведь, и земля его принять не хочет, и на небе он не нужон! Весь сон мне сбил! Выпороток. - Дед снова лег и пытливо посмотрел на Василису.

-Деда, ну расскажи, кто это! Все равно под крик-то не уснем.- Василиса села поближе к деду и приготовилась слушать.

-Ну, слушай, коли охота. Тут неподалеку, семья жила, парнишка у них был лет уж к четырнадцати, да двое совсем малые. Захаживал я к ним, когда по дороге было. То пороха занесу, то и свинца на дробь, да на пули.. А когда там, соль или еще чего, по надобности. Маруся была приветливая, добрая и мужик у нее такой же. Сколько лет, вот так мы с ними и дружковались. Еще когда первый-то, родиться должен был, она все боялась, что родить не сможет. Все просила, чтоб я ее, куда к людям поближе увел. Пока собиралась, так и родила дома, мужик-то роды и принял, заместо бабки. Где ее тута возьмешь, бабку-то!

Потом, мы все смеялись над ее страхами, да и до этого уговаривали, чтоб не боялась. Все, мол, рожают и ничего себе, а ты что хуже всех, что ли? Ходить специально чтобы, я не ходил к ним, некогда шипко то было, а если чуть по пути, так обязательно загляну на ночлег. Вот, по осени то был, посмеялись, вспоминали, какие истории друг дружке порассказывали, а в другу рядъ, только уже весной угораздило. Смотрю, беда видно пришла. Не видать никого у жилья то, и живым-то вроде бы, не пахнет. Зашел, а они-то, все мертвые лежат. И Маруся, и Павел, , и мальчишечка старший, и младшие-то девчушки. Почти скелеты уже стали. Посмотрел я, чо к чему получилось. Зарубили топором и жену, и мужа, и мальца, а малые, с голоду поумерли.

Такая меня боль взяла! Ну, думаю, все равно найду, кто их убил! Время-то немало прошло, а все равно следочки, то там, то тут, проявились. У исашных по зиме, тоже семью порешили. Потом, двух старателей, да все топором.

Вот и нашел я, потихоньку, рубаку-то этого. Привел сюда, поближе, где Марусю и Павла с их детками, похоронил. Вот и орет он, уже какой год. Сперва-то, он у меня на цепи сидел, пока всю траву не выест. А потом, я ему ужо и домишко пристроил. Нашел дерево подходящее, да середку выдолбил. Верхний-то слой древесины, что под корой, аккуратненько раздвинул, середку выбрал всю, да и поставил его туда, солдатиком. А потом, на место все сдвинул и хорошо веревкой скрутил. Ходил, ухаживал за деревом-то. Сростил все, только для морды дупло и оставил. Вот живет он так, в дереве. Когда надо, иногда приходжу, покормлю если, а так орет, да грехи свои не знамо кому, замаливает.

-Деда, а как же он зимой -то? И неужели уж так несколько лет? А по нужде-то, как он? Не может быть, деда, что б в дереве, да и жить вот так!

- Сама и посмотришь, по утру-то, мимо пойдем, вот и узнаешь, как. Не мог я ему, такого зверства, простить! Не придумал, я ему еще наказание, достойное его подвигам! Как придумаю, так и накажу, а сейчас он просто дожидается, когда ему отплата за все придет. Все золото награбленное, я ему под зад положил, пусть оно его греет. По нужде, он на свое золото теперя ходит! А помереть, говоришь? Да кто ж ему даст! Нет, пусть проживет, да помается, пошибче, чем грешники в аду маются! Его тут нежити охраняют и от зверя, и от гнуса, и от мороза. Только дерево-то, свое тело потихоньку нарощивает, и его, между тем, в себя всасывает. Питается им. Жестоко, думаешь, я с ним поступил? А я думаю, что мало ему такого наказания! Если б каждого изверга, да вот так наказывать, поменьше бы их на белом свете родилося и думал бы каждый, какая расплата будет. По герою и награда!

Не должно нам, в такие-то дела ввязываться, но когда переходят дела людские, все человеческие и не человеческие границы, то надо. Не прихвати я его? Так бы он, и лютовал по тайге то, сколько б душ еще загубил безгрешных? Не щадил ни молодое, ни старое, и кто он, после всего этого? Золотишко-то, мыть надо! Руки землей марать, горб наживать, в воде по самые шули полоскаться! А тут и делов! Чего люди годами понастраивались, раз, и твое! А то, что по самую маковку, в крови? За то сейчас жопа в золоте! На него теперя, на золото свое кровавое, срать только и может! Ты Василиса,

его увидишь, так и жалеть начнешь со своим человеческим началом. А подумай о том, что если к тебе бы он пришел, да золото стал у тебя вымогать и рубил бы тебя по кусочку, пока не скажешь. А как скажешь, так и конец! Нет от таких иродов, ни спасу, ни оберега! Ты вот в огненное кольцо предками своими взята, но тебя это кольцо от лиха не спасет, только ты сама! А вот наказание за твою обиду, или твою гибель, будет страшным. До седьмого колена весь род обидчика будет проклят! Ни чем, это проклятие не снимается и ни кем не убирается. Так и кольцо огненное, по твоей крови передается, веками жить будет. Вот и делай выводы сама!

14

Дед повернулся на бок и тут же заснул. Василиса посидела еще чуток подумала над его словами, подновила костер и тоже легла спать.

Поутру- то, опять от воя встали, чуть забрезжило, и заорал узник дедов. Наладились в дорогу, зашли и к узнику, повидаться. Еще издали Василиса увидела дерево огромное, редко такие исполины, даже в тайге встречаются. Подошли ближе, а в нем дупло, из дупла бородатое лицо выглядывает и орет во всю головушку. Дед Василису приостановил, а сам подошел и потихоньку что-то сказал. Тот замолк, и деду так же тихо, отвечать начал. Долго они говорили. Потом дед Василису позвал.

-Вот гляди, как люди-то в деревьях проживают. Ежели захочешь, так я тебя премудрости такого поселения научу. Не одного я так-то поселял, да и ежели присчит, еще поселю, дело не хитрое, за то стоящее! - Дед похлопал рукой по дереву.

Василиса обошла вокруг. На вид, дерево крепкое и здоровое, если б не дупло, из которого лицо, волосами обросшее, выглядывает.

-Ну, как работа? Смотри, как хорошо заросли все рассечены! Будто и не было никаких разрезов на стволе.- Дед погладил рукой ствол дерева.

-Деда, вот ты говоришь не первый это, а чо мне не показывал ни разу?

-Так дите ты была, как тебе такое показать? Ты бы, меня, за изверга, считать стала. Это теперь, ты уж все знаешь, и понимаешь, что к чему. А тогда? Ну вот, то-то же!- Дед махнул рукой.

Василиса подошла вплотную к дереву, и в упор посмотрела в глаза убийце.

-Чо сучка, зыришь, радуешься! Я, таких как ты, пачками на кол сажал! Вас по тайге зверем растаскано, посля моих-то радостей, не перечесть сколь! Не дерево бы, так я б прошуровал у тебя промеж ног сухостоиной, ты б у меня как есть завизжала! Я раньше ничего и никого не боялся, а теперь мне все по дереву! Хуже чем есть ужо, не бывает!- Василиса отпрянула назад, повернулась и быстро пошла прочь. Дед догнал и молча, шел рядом.

-Деда, вот ты про нежитей рассказывал, ну что они людей потрошили, травами всякими набивали и сушили на ветру. Может, они их тоже наказывали, за какие-нибудь плохие дела?

-Нет, там совсем другое. Они это лекарства какие-то делали. Им все равно, что человек-то живой, и что больно ему, и что дети у него или сирота он. Люди живут мало, по сравнению с нежитью. Они ищут причину короткого века людей, пути продления их жизни, и на-

оборот. Раньше люди долго жили, почти как нежити, а как стали вред приносить, и им век урезать начали.

Люди-то, всякие лекарства придумывают для себя, от болезней всяких, и долго будут еще идти по этому, ложному пути. Их лекарства лечат один, а другой орган губят. Это все равно, как одной рукой перевязывать, а другой резать дальше рану, которую перевязываешь. Все лекарства, от всех болезней, в самом человеке! Нежити, это давным - давно, знают. Вот и испытывают все, что людям надо и что им вредно, изучают, по мере взросления человечества разницу в тех людях, что жили давно и что теперь живут. Рассчитывают, какими они будут в будущем. Контролируют все болезни и численность людей. Если много народа, они им мор устроят, или войну, какую, чтоб лишних поубрать, а если мало, то плодовитость повышают. Один человек для них, что одна иголка от елки для тебя. Сорвала, походя, бросила и забыла.

-Вот как, они к людям-то относятся! Я думала, что для них есть те, кого они признают и уважают, а есть такие, кого ненавидят за дела какие-то нехорошие. А оказывается, люди для них, просто как звери для людей, кого полезно для чего- то - используют, вредно - убивают.

-Если люди подойдут близко к уничтожению нашей планеты, на которой мы все живем, то нежити тоже погибнут. Человек, мало живет, да много гадит! То, что начали предки, заканчивают потомки, не понимая того, чем это грозит. Нежити следят за поколениями и видят всю картину, в общем. Они, нас производят, вместе с людьми, а потом сами боятся нас. Люди боятся и нежити тоже. Между людей и нежитей мы живем, но ни к

тем, ни к другим не примыкаем. Отдельные мы. Не соединительное звено. Но стремление наше должно быть направлено на то, чтобы и люди, и нежити, могли быть друг для друга, полезны. Вот в этом, весь смысл нашей жизни, основная цель.- Дед замолчал.

15

Еще полтора суток по тайге шли, ровно, не сбиваясь в стороны, не обходя завалы и чащи.

Дошли до камня, выступающего из земли примерно на аршин, красно-коричневого цвета, похожего на спину медведя. Дед отвел Василису на опушку, сам пошел к камню и долго молился подле. Потом залез на камень и, распластавшись на нем, лежал, произнося заклинания тихим шепотом, постепенно переходящим в крик. Встал, поднял голову вверх, кричал в небо слова непонятные Василисе. Небо над камнем озарилось, опустился яркий луч, и дед стоял освещенный этим лучом, камень под ногами деда светился красным светом, и лицо деда, казалось в этом свете, тоже красным и совсем чужим. Потом он упал на колени, и стоял так, опустив голову, пока луч не потух под его ногами, дышал тяжело и сипло. Когда Василиса подошла к деду, он не реагировал на ее зов. Будто ничего не видел и не слышал. Василиса ждала, потом, присела к камню.

-Поднимись сюда и сядь рядом!- Лицо деда ожило, по щекам разлился румянец. Она поднялась и села рядом с дедом, камень был горячим. Тепло от него, проходило по телу приятными, ласковыми волнами. Чувство восторга и легкости наполняло все тело!

-Настало время, рассказать тебе Василиса, кто ты есть в это мире. Садись поудобней, разговор-то будет

долгим.- Дед погладил бороду и помолчал, глядя на Василису.

-По зиме уж это было, лет наверно, двадцать назад, а то и поболее. Шел я по этому месту домой, на заимку. Дело у меня, между прочим, было, по следу ходил, сохатых провожал, до Матвеева хребта. А тут и за-позднилось уже, ну, я в снегу ночлежку вырыл, притоптал все как надо. Да уже и на сон пристроился. Слыши, будто бы стонет кто-то или плачет, понять не могу. Место-то это, и сейчас для несведущего - не лучшее для ночлега, а тогда и вовсе, гибель верная. Встал я, да тихонько на голос и пошел. Камень этот немного пониже был, а снега на нем никогда не было, даже в лютый мороз, он всегда теплый. Подхожу, а поверх, камень, как бы шалашом прикрыт. Да так хорошо все обложено, что и не догадаешься по темну, что к чему. Ну, а голос оттуда, из шалаша и слышится. Я позвал шепотком. Отозвался голос девичий. Ну, разгреб я ветки, с одного угла, залез. А она на привязи, руки и ноги все завязано. Расплел кое-как, да и вылезли мы с ней. Ночевать уже и не пришлось. Варежки свои меховые ей на ноги одел, да веревками и привязал, чтоб не спадывали, по снегу-то идти. С себя, что мог, поснимал, укутал, мало-мало и в путь. До Павла с Марусей избушки дошли, а там считай, что как дома. Отогрелись, да Маруся, одежонку, кой-какую дала. Даже и за стол присесть не успели, а они вот, уже под дверьми елозят. Нежити-то. Павел, хотел, было с ружьем на них выйти, да я не пустил. Сам вышел. Слово у меня, против них, было заветное. Пошипели они, покрутились, да и ушли ни с чем. Ну, мы уж и не ложились спать-то. Девушка рассказала, что не знает она будто, как ее зовут, и откуда родом, тоже не ведает.

Помнит, как в бане была, да как чудище глазастое увидела. Только, помнит еще, что лето было. Ну, да и ладно, все равно найдем, чья будет. Чуть забрезжило, домой ее к себе повел. По дороге, она вспоминать начала, что и как было, да только не все рассказывала. Все просила, чтобы я домой ее не уводил. Дома нельзя ей оказаться. Да и мне не очень хотелось, чтобы в такой путь дальний, по снегу переться. До весны, думаю, пусть у меня поживет, а там уж, и видно будет. Жили мы с ней мирно, нежити еще пару раз приходили, все отбить хотели, да так ни с чем и уходили. Месяца два или три прошло, она мне и сказала, будто у нее в животе, что-то трепещется. А я уж и сам догадался, нежити не зря ж ее добыть хотели. По весне ее и приспичило на роды. Сам принял, поджидали мы с ней, все со дня на день. Дождались. Вот она Василисой тебя и назвала, мамка твоя. Только не долго, она тебя понежила. Всего-то денька два или три, да и истаяла как свечка. Поплакал я тогда, а деваться некуда. Надо тебе сиську искать. Положил тебя к груди материнской, пососешь, думаю, пока не остыла, а сам в лес.- Дед замолчал, задумался, вздохнул горестно.

-Пошел к медведице, знал, где берлога. Думаю, должно у нее уже медвежата есть. Подкрался тихонечко. Смотрю, не выходила еще из берлоги-то. Пошептал ей через дырку в снегу, ну что б узнала меня, не кинулась. Слыши, сопит, не сердится вроде. Засунул руку в берлогу и шарю там, ищу, чтоб подстилки чуток взять, если повезет, да навоза хоть бы с горстку. Повезло.

Домой прибежал, снега натаял на печке в чугуне, бросил в воду навоз медвежий, да еще там какую траву в берлоге наскреб. Настоялось все это в теплой воде, я

тебя и помыл. Это чтобы от тебя человечиной не пахло. Чтоб медведица тебя не съела. Тряпки потом тоже в этом деле замочил, да сушить у печи скорей начал. Завернул потом, да и потащил тебя к берлоге. Ничего, понюхала, стерпела, медведица-то. Покормила. Ну, я опять бегом домой. Так поначалу и бегал, туда-сюда. Потом и оставлять начал. Боялся, правда, что придавит она тебя нечаянно, но обошлось. Молоко у медведицы жирное, ты как пососешь и спиши себе. В общем, когда забирать начал тебя, думал заломает, она меня. Кое-как уговорил, не давала взять и все тут. Кормила она тебя справно, поперек толще была ты, чем, повдоль. А ее медвежонок хиленький какой-то был. Я-то с ней, давно подружился, а тем летом, ногу она чем-то поранила. Думаю, что в реке о корягу, когда рыбу ловила. Нога нарывать начала, а кормиться-то ей надо было чем-то. Вот, я ее и кормил, чтоб не пропала. Думал, к осени, если жира не нагуляет, спать не заляжет, плохо это. Ну, вот обошлось все, и она мне пригодилась, в беде выручила. Потом, придет к избушке, и орет, тебя зовет, кормить хочет. Так вот ты и выжила. Матери твоей годков к семнадцати было, не больше. Померла она, наверно потому, что пока носила тебя, все болело у нее. Как будто чужеродное что-то в себе держала. Ни есть, ни пить, толком не могла, и все живот не переставал, болел. Ну, а нежити ходили вокруг, да около, все сторожили, караулили. Да только не к родству, ходили, а к изгольству! Боялась она их. Одна дома оставаться не хотела. Да, ладно, дело прошлое.- Дед махнул рукой, опять замолчал, задумался.

-Вот здесь, Василиса, живет любовь твоих предков. Здесь ты всегда найдешь тепло и понимание. Этот

камень даст тебе силу, а если понадобится и новую жизнь. Раньше, вокруг камня располагались жилища тех, чья кровь течет в твоих жилах. Их сейчас с нами нет, но они верят в тебя и надеются на тебя и таких, как мы с тобой. До сей поры, в тебе жило только человеческое начало, то, что досталось тебе от матери. Ты прожила нелегкие годы. Знаешь, что такое труд, обида, боль, голод и утраты. Претерпела унижения и оскорблений, насмешки и коварство. Тепло и энергия, заключенная в этом месте, разбудит в тебе силу и знания, которые должны были перейти тебе от отца. Но ты никогда не применишь это, во вред человеку и против человека. Ночь проведешь здесь, я буду рядом. Слушай себя...-

Василисе вдруг показалось, что камень, на котором она сидит - мягкая и теплая спина медведя, она даже почувствовала запах шерсти. Ей захотелось лечь и погрузить ладони в мех. Ощущение покоя и комфорта. Василиса закрыла глаза, и ее сознание растворилось в собственной сущности. Она лежала на спине огромного медведя, который неторопливо шел своей дорогой, мерно покачивая ее. Под толстой шкурой чувствовались плавно движущиеся мышцы. Василиса открыла глаза, и увидела огромную луну, падающую на нее с неба. Рука невольно вздернулась в поисках деда.

-Слушай себя

Луна быстро приближалась, и вот Василиса уже видит треугольник, заключенный в диск луны, треугольник светлее самого диска. Луна, еще ближе, в треугольнике образуется семи конечная звезда. Звезда темнеет, и внутри ее распластываются крылья, которые несут Василису далеко в прошлое или далеко в будущее.

-Слушай себя...

Я живу в мире, который придумали люди. Они придумали дома, построили отношения между собой и с остальными жителями этого мира. Все живое используется в пищу или в работе. Растения тоже в пищу или для строительства жилья, для изготовления лекарств. Все в этом мире используется человеком, в той или иной форме. Он уничтожает свой мир, потому, что фантазия его безгранична. Человек живет в мире грез, в вечном поиске изобретения чего-то нового. В результате, человек ходит по кругу, не изобретая ничего нового, а просто повторяясь в своих изобретениях, используя различные ухищрения и обман. Забыв, что это уже было. Иные миры, существующие рядом, развиваются по другим принципам. Их основная цель сохранить и преумножить то, что дано свыше. Человек, созиная - разрушает. Пишет для себя самого законы, для того, чтобы было что нарушать. Придумывает религии, чтобы одуречивать близких своих. Все давно придумано! И законы и религии, от их количества не улучшается качество общества людей. Человека надо усовершенствовать, но нет пути для достижения этой цели. Мы, ищем эти пути и мы должны успеть их найти. Если человек зайдет за грань разумного, он будет уничтожен!.....

- Слушай себя...

Василиса видит приближающуюся к ней фигуру. Это нечто источает доброту, нет диалога слов, есть диалог чувств. Она не видит лица, она чувствует тепло исходящее от него. Чувствует руку, которая прикасается к ее голове. От этого прикосновения молния пронзает мозг Василисы, и она теряет сознание.....

Дед сидит рядом на камне, камень сырой от утренней росы, Василисе зябко. Они, не сговариваясь, спускаются вниз и разводят костер, чтобы отогреться и обсудить все, что было этой ночью.

- Ты-то по своим, сегодня ночью, делам прошла, а я про геолога все выведал. Было их восемь человек, и старались они на Чулыме все лето, с самой весны. Золотишко там обнаружили и еще, кое - какие минералы. Вот золото-то и не поделили. Троє, что в лодке были, это все ученые, да начальники, а пятеро, что работники ихние - отчаянные головы. Они и поехали только с целью золотом разжиться. Убить, они раньше чем в путь собирались, решили. Золото для них дороже любой жизни. А этот, что нежити Беспалым зовут, какую-то трубку с алмазами раскопал, для нежити это, хуже не бывает!

Они эти трубы наперечет все знают, и человека редко когда пропускают к ней. Ежели уж совсем ни к чему им, или алмаз там перестоявший, что для нежити непригодный. Тогда пускают, пусть, мол, потешатся людишки! Настоящих-то сокровищ, человеку, ни кто не даст и не покажет. А сам человек никогда и не поймет, что на самом деле цену имеет. Так суют им, что блестит , да что самим ни к чему. А так, ни-ни! Ну, он трубку-то обнаружил и скрыл ото всех, сам хотел попользоваться, видно. А пасюки их и прибили ночью, да по реке и сплавили. Нежити потеряли его до поры. Он тоже не из простых людей Василиса, он как мы с тобой. Только далеко его нежитная кровь живет, за океаном где-то. Потомок он, каких-то переселенцев из-за океана. Все они беспальми рождаются, кто от нежити с другого конца света. Мало их на земле, особенно тут, за океаном мо-

жет и поболее. У наших, земляных нежителей, к нему два интереса было, трубку из памяти стереть, да проверить, вошел он уже в силу или пока в детячье возрасте. Трубка-то ему, неспроста же открылась.

Значит, что - то, в нем уже проснулось, только он видимо сам еще не понимал этого. Теперь-то, уже и не поймет никогда. Память о трубке алмазной, они под видом лечения у него стерли, когда к тебе приходили, его выкупить. Ну, и над способностями пристарались, чтоб не проявились совсем. Крови-то, сколько из него они выжали? А нам, больше всего вред, когда кровь теряешь. Человеческая остается, а та, что силу нам над человеком дает, уходит, и всю жизнь не восполняется. В крови наша сила, в ней и наша разница от людей. Хозяйка Чулымы мне сказала, что наш человек в лодке, что живой он еще, сама как могла, не давала ему погибнуть до твоего прихода. Думала, видимо, что мы его кровные или еще как. Вот я на Чулым тебя за ним и направил, по ее распоряжению. С ней не споришь, сама знаешь, какое ее величие. Да не знаешь, что в ее голове плещется, и с каким умыслом. Те пятеро, что Беспалого с начальством - то забили, не вышли из тайги. Между собой за золото стали биться. Сначала трое двоих ухайдохали. Потом друг друга сторожить начали, не спали ни днем, ни ночью, в страхе, что убитыми будут, так с ума и посходили. Вдвоем третьего убили, потом поняли, что вдвоем золото не донести будет, закопали половину - больше. Потом каждый думать стал, как от другого избавиться, чтоб одному за золотом вернуться. Сцепились потом, как звери лютые, и пока друг дружку не поубивали, не отступилися. Один другого задушил, а сам кровью истек, порезал его другой-то, пока он его душил.

Так что, придет твой геолог, с ним-то, ничего не случилось. Не за тобой, так за золотом, все равно заявится. Только не нужен тебе он будет, ни радости, ни горя, он тебе больше не принесет.

Вторые сутки шли до темна. Остановившись, костра уже не жгли. Заранее отдохнули и поели. Обговорили все возможные неприятности. Просто, дошли до определенного места, и сразу на ночлег.

Василиса проснулась, от какой-то вспышки, полоснуло будто бы, по глазам светом, а глаза открыла - темно. Полежала еще, вставать не хотелось. Заря уже и осветила немного небо, но все равно темно, деревья свет прикрывают. Опять сверкнуло. Она успела заметить осветившийся в сполохе верх сопки - там, над вершиной сопки, зависла фигура огромного человека! Подняв руки, фигура поплыла вверх и медленно растаяла в воздухе.

-Деда! Смотри, человек там!- Василиса повернулась, а деда и нет на месте, где вчера ложился.

-Нежить это. Сейчас все увидишь.- Дед стоял рядом с Василисой, в руках был хворост для костра. Видно дед, давно уже не спал. Василиса посмотрела на сопку, там было уже пусто.

Встала, развели костерок, поели мяса, попили чай, и дед начал свой рассказ, изредка показывая рукой на сопку, и слегка поддерживая огонь в костре, так чтобы он горел, но не дымил.

-За сопкой, Малая Тунгуска протекает. Вот там они и обитают! Не знаю я, что там у них, но уже многие десятилетия они отсюда не уходят. Еще сопки не было, но и тайга здесь была реденькая, чахлая.

Сейчас сопкой закрыта и смотри, какая поросль на ней сильная, на сопке-то. Все это, за несколько дней, создали, и деревья, и сопку. Не было - и на тебе!

-Смотри Василиса, вон он снова появился! – над сопкой плыла фигура огромного роста, она медленно подняла руки вверх и устремилась ввысь, все больше и больше озаряясь солнцем. На ней была одета облегающая одежда, цвет которой менялся от освещения. Чем ближе он поднимался к солнечному свету, тем темнее становилась одежда. И вдруг, он исчез из поля зрения, внезапно растаял, испарился, будто и не было его вовсе.

-Деда, а как это они исчезают? Не высоко вроде поднялся, и раз, и нету?

-Не исчезают они, просто уходят в другой мир, там дорога у них, чтобы отсюда туда можно было и обратно тоже.

-Мы с тобой тоже так сможем, если на сопку поднимемся? Или только они так могут, и в этом мире, и в другом быть, как дома?-

-Нет, Василиса, мы так не сможем, хотя это и наши предки, здесь мы все-таки чужие, и находимся в опасности. Но потому, что рядом живет несъять. Здесь соприкасаются два параллельных мира. Там, на медвежьей спине, ты тоже летала в другой мир, только пока не осознавала этого. Но со стороны было хорошо видно, как ты ушла в другой мир и как оттуда вернулась.- Дед огляделся по сторонам.

-Вон, смотри!- От вершины, вниз поползли огоньки белого цвета, быстро приближаясь к людям. Вот они уже почти рядом, можно разглядеть, получше. Это шары, величиной с человеческую голову, перед местом, где сидели Василиса с дедом, шары замедлили движе-

ние. И стали кружиться вокруг, как бы изучая и рассматривая гостей. В воздухе сразу создалось напряжение. Шары, сделав несколько кругов, повернули в обратную сторону и вскоре скрылись за вершиной сопки. В это время, из нутра сопки начали раздаваться странные звуки, они на самом деле, походили на сопение. Василиса с дедом поднялись и пошли в сторону сопки. Идти было легко, воздух был сладким и чистым. Земля под ногами слегка подрагивала. Растительность вокруг, была самая разнообразная, Василиса никогда не видела в тайге таких растений, цветы были огромными, но их цвета были совсем не броские. Они как бы стеснялись своих размеров и поэтому маскировались под цвет листьев и почвы.

-Это уже чужая земля. Здесь ты не увидишь знакомых животных и растений. Здесь другой климат и другая жизнь. Даже время здесь идет совсем по - другому. Если сюда нечаянно забредет, например молодая кабарга, то через два – три часа, она умрет от старости. Хотя веку ей дано три - четыре года. То же самое происходит и с человеком. Мы с тобой, почему на камне предков, на медвежьей спине ночь провели? Чтобы силы набраться. Для простого человека здесь побывать, силу и здоровье потерять. Годы жизни впустую будут потрачены, за несколько часов. Иные детёныши сюда забегали, а выходили глубокими старцами.-

Василиса ужаснулась.

-Деда, я что, старухой отсюда выйду?- Дед улыбнулся, хитро посмотрел на Василису.

-В какой-то степени, да! Ты не состаришься телом, но ты станешь мудрее любой бабушки ведуньи. Со стороны-то и не заметишь, что сопка эта, особенная. По-

том, когда зайдешь повыше, увидишь, что все здесь, по другому устроено. Нельзя здесь трогать ни листьев, ни цветов, ни земли. Все это на самом деле произрастает, но совсем другую основу для жизни имеет. Не зная если, да потрогаешь, или само растение к тебе прикоснется, вдруг, можно получить ожег, который будет годами гнить и не заживать при любом лечении. Нам с тобой все это не грозит, потому, что ты теперь это знаешь.

Ведь знания, основная цель нашего прихода сюда.-

Поднявшись на вершину, они стояли, взявшись за руки, и любовались панорамой, открывшейся им с высоты. Кругом бескрайняя тайга, подернутая сизой дымкой, манящая и загадочная, опасная и привлекающая, зовущая и отталкивающая! У самого подножия сопки, клубился густой непроглядный туман, он отрывался кусками и немного плыл над тайгой, потом быстро рассеивался. От него пахло страхом. Василиса невольно содрогнулась и не стала смотреть в туман. Но глаза, сми тянулись заглянуть в это белое нечто.

-Там, за туманом, Малая Тунгуска. Жаль, что ничего не видать. Воды в этой реке пить совсем нельзя. Она, подземной протокой, соединена с озерами, Чертов Глаз и Око Дьявола. Они образуют треугольник, два озера и исток реки, этот треугольник, место силы. Только не той силы, которая на благо, это обиталище несущий. Дед потянул ее за руку, и они прошли дальше, отвлекаясь от тумана.

На самой середине вершины была круглая блестящая площадка. Василиса подошла и потрогала. Это был металлический диск, золотого цвета и на нем было изображение оскаленной медвежьей головы. Диск был настолько холодным, что Василисе показалось, что у

нее прихватило пальцы. Как зимой в лютый мороз. Она отдернула руку, посмотрела – пальцы действительно были белыми, она начала их растирать и почувствовала покалывание и ноющую боль, как при обморожении.

-Я же сказал, ничего не трогать! Это очень опасно!- Дед смотрел с укором. Даже брови у него топырились, как всегда, когда он сильно сердится.

-Еще бы чуток и руки бы у тебя не было! А может не руки, а тебя саму было бы уже не разморозить. – Дед прошел вокруг диска.

-Ты догадываешься, что изображено на другой стороне? Это символ, знак силы и власти. Ты тоже имеешь эти символы, значит, имеешь силу и власть. Под этим диском находится вход в другой мир, в мир подземный. Я много раз там был, он гораздо интересней и удобней нашего мира, но там все непонятно и сложно. Для того, чтобы там жить, надо там родиться. Нежити живущая в земных глубинах, сотворила там дворцы. Все, что там есть, не похоже на земное. Человеку не создать такой красоты. Потому, что там красота мощи и разума, у человека же все построено на красоте души. Там огромные арки и залы, различные машины и механизмы. Они используют энергию земного ядра. Для человеческого ума, это непостижимые знания. Для нас с тобой эти знания, тоже недоступны, но со временем, что-то должно произойти в мире, и то, что в малой доле доступно нам, откроется и всем людям. Если бы не было смысла, то нежити не творили бы таких, как мы. У них все построено на расчете. Человек рассчитывает на определенное время свои задачи. На время своей жизни. У нежити век другой. Они не считают лета и зимы, там под землей нет ощущения времени. Вот все люди лета-

ют во сне, из снов они выносят ощущение полета и им становится радостно. Мы тоже летаем во сне, но мы, выносим из своих снов, знания.

-Деда, а кто же мне ее дал, и силу и власть? Ты же учил меня с малых лет пользоваться этими вещами? Значит это твое?- Василиса смотрела прямо в глаза деда, он не отвел взгляда.

-Нет, это твое. Всем детям, рожденным от нежити и человека, предназначены эти знаки. Для того, чтобы могли опознать друг друга и чтобы враги наши знали, что за нами стоит нерушимая сила, подвластная только нам! Только у всех они разные, знаки- то. Зависит от того, от какой нежити кровь живет в человеке. - Дед присел на корточки, чтобы не касаться земли оперся рукой на колено. Смотрел на Василису снизу вверх.

-Мое, всегда при мне. - Он поднялся, и задрал рубаху, между грудей у него был выжжен круг, а в нем оскаленная медвежья морда. Рубцы были кроваво – красного цвета.

-На спине тоже, только другая картина. А почему так? Потому, что я родился мужчиной, а ты женщиной. - Дед опустил рубаху.

-Но я никогда у тебя этого не видела?- Василиса в недоумении подняла бровь.

-Потому, что это появляется тогда, когда нужно. Если мы здесь пробудем, дольше положенного нам времени, то из рубцов пойдет кровь. Видела, они уже совсем красные, наливаются кровью.

-Пойдем тогда, деда. Что тут делать, все видела и слышала.- Василиса повернулась, чтобы идти вниз.

-Ты не хотела бы видеть, как они поднимаются и возвращаются , прямо отсюда?- Дед показал рукой на диск.

-Я думал, что ты познакомиться захочешь, узнать поближе, поговорить?- Дед хитро сощурился.

-Нет. То, что мне покажется, будет совсем не то, что есть на самом деле. Я знаю, как они выглядят. Мне было бы проще, если бы они, не так часто меняли свое обличие. Трудно представить, что я тоже часть Этого.- Василиса начала спускаться с сопки, дед пошел за ней. Вдруг, под ноги Василисе бросилось странное существо. Шерсти на нем почти не было, со всех сторон его тела торчали какие-то отростки и колючки. Василиса остановилась, существо присело напротив, и начало грызть свою лапу. С аппетитом отгрызла пальцы, проглотило, и с наслаждением облизало кулью. Потом потянулось к руке Василисы. Василиса направила на существо ладонь, и оно, медленно растворилось в воздухе. Сначала исчезли все конечности, потом уже голова и туловище. Дед, наблюдавший эту сцену, только головой покачал.

-А ведь и вправду поняла все!- Спускаться с сопки оказалось труднее, чем подниматься на нее. Ноги скользили, пришлось поддерживать друг друга, чтобы нечаянно не ухватиться за растения. Сопка сопела, и время, от времени содрогаясь, покачивалась под ногами. Но с каждым шагом, на душе становилось веселее, и легче, как будто после трудной, но, все-таки - проделанной работы. Остановились только у стоянки, где ночевали. Развели костер, и присели молча, глядя на огонь. Каждый думал свою думу. Поэтому не сразу заметили опасность.

-Бежим!- сказал дед, Василиса увидела приближающийся к ним фиолетовый шар вдвое меньше белых. Вскочив, они побежали, быстро, не разбирая дороги.

-Это несъсть! Не хотят нас здесь видеть. Это даже и не угроза, нас хотят уничтожить!- дед сильно дернул Василису за руку и они кубарем вкатились в землянку. Дед захлопнул дверь и сказал:

-Лежи тихо. Может быть, и пронесет мимо нас с тобой, нашу смерть.- Занемела脊на, затекли руки и ноги, но они лежали, боясь шелохнуться, до тех пор, пока не ушло предчувствие опасности. Дед сел и подтолкнул Василису:

-Че, задремала, небось, с перепугу? Это хорошо, что я поутру, когда хворост для костра собирал, на эту землянку наткнулся. А то бы крышка нам с тобой! Даже и лохмотьев бы от нас не осталось! Сжигает этот шарик дотла.

Белые шары, это разведчики, только чем же мы им не понравились? Теперь надо потемнеть, убираться отсюда, чем скорей и чем далее, тем лучше. Будем идти без остановок, еда осталась у костра, а туда нет возврата. Про ружьишко-то тоже позабудь. Тайга прокормит, лишь бы уйти! Зря ты ту зверушку растворила, ну ту, что свои пальцы съела. Может, они и не озлобились бы так.-

-Так она за моей рукой потянулась! Что , отдать надо было по локоть? Пусть на здоровье кушает?!- Василиса посмотрела на свою руку. Дед осторожно выглянул за дверь землянки, махнул рукой Василисе и они двинулись в путь.

-Потеряли они нас, значит! Эти видят только то, что над землей движется. Мы с тобой так неожиданно

провалились! Искать, думаю, не будут уже, но все же, по сторонам-то поглядывай. Потому ночью и идем, что их заметить нам легче, шарики-то эти в темноте светятся. Если шар белый - не боись, а ежели синий или того хуже фиолетовый, только земля спаси и сможет! Да, много чего я тебе показать-то хотел, но видно не сложились показушки. Сама видела, что там делается, а ужо остальное, поверишь на слово. - Дед замолчал, задумался видно. Огоньков не высвечивалось, в сторону сопки, они даже и не поворачивались, будто сговорились.

Начал накрапывать мелкий дождь и путники старались идти под прикрытием ветвей деревьев. Останавливаться было опасно, поэтому дед шел впереди, так как знал дорогу, а Василиса, запинаясь иногда за корни деревьев, шла позади и тоже молчала из осторожности. А хотелось спросить, отчего ноги такие тяжелые стали, да так и промолчала.

К утру набрели на медвежью берлогу, под вывороченным бурей огромным кедром, и спустившись по корням вниз, уютно устроились на мягкой сухой подстилке. Усталость взяла верх над опасностью, оба уснули крепко и безмятежно. Они и не слышали, как на рассвете пришла к кедру хозяйка их временного пристанища. Медведица понюхала воздух, шумно втягивая его ноздрями. Походила вокруг, сожалея, что обжитое место, занято непрошеными гостями, и недовольно покрутивая, ушла, в сторону сопки, по их, еще не успевшим выветриться, следам.

16

Непогодилось. Дождя не было, но солнце было закрыто тучами, было сумеречно и настроение не располагало на разговоры. Встали и отправились дальше, в обход болота, прибавляя к пути еще день.

Торопиться было некуда, поэтому такой, более легкий и менее опасный путь, был не в тягость. Развиднелось только к обеду, соорудили костер и сидели, разогревая косточки. Каждый думал свою думу, и каждый знал, о чем думает другой. Поели орехи, грибы, ягоды, собранные по дороге запасливым таежником.

-Деда, ты помоги мне разобраться. Вот круглый диск - это земля, треугольник в круге - это место силы, семиконечная звезда-это вселенная, крылья – означают свободу перемещения. Что означает голова медведя, на обратной стороне диска? – Василиса смотрела на деда вопросительно. Было видно, что она знает ответ, просто хочет убедиться, правильно ли она расшифровала знаки.

- Осколенный медведь, не медведь вовсе, это не жить, охранная грамота для тебя, в любом месте земли, где водится этот зверь. Он и сейчас, и всегда, находится рядом. Он охраняет нашу человеческую сущность. Наша тела. Ты перед приходом нежити, когда геолога спасала, читала заклинания и творила обряд защиты. Ты, этими заклинаниями пробудила ту силу, которая заключена в диске, она вышла наружу и охраняла тебя от не-жити. Ты думаешь, они пороха испугались? Нет, они не любят его запаха и боятся лун - траву, но это бы, их не остановило! То, что заключено в диске, означает полное их повинование тебе. А вот этого, они и вправду боятся! Сходство с медведем, конечно, есть, но тут совсем другое. То, что тебя медведи не трогают, это не из-за

диска, ты выкормлена молоком медведицы, они тебя своей считают, запах свой на тебе чуют. А я с ними, общий язык давно нашел. Умные они, медведи, даже и людей умнее бывают. Даром, что зверь.-

Сновали белки туда-сюда, забивая свои закрома, перед холодной зимой. Всегда суэтливые и бесстрашные, когда человеком непуганые, они, пока спиши, и карманы обшарят, не завалялось ли там сухарика, или подкладку прогрызут, если так достать не могут. Белка в тайге крупная, ярко-рыжего цвета, но ближе к западу мельчает и сероватый оттенок у нее по зиме. Хороша она конечно на шубу, но так наблюдать гораздо занятие. Бельчата уже большие, почти с материнским ростом, а она, как опасность чувствует, хватает детеныша за загривок и в дупло тащит. Он цокает, отбивается, а мать будто и не замечает сопротивления. Одного затолкает в дупло и мигом за другим, даром, что первый уже следом вылез и по веткам носится как оглашенный. Грибов на ветки наизано, полным - полно, сушат белки на зиму. Белый-то гриб еще вовремя сорвать для просушки надо, пока он молодой, да малой. Они вырастают большие, в котомку не влезет! Но уже и на заготовку не идут, сырости в них набирается, да и вкус не тот. Так, ежели, на жареху.

-Ты Василисушка от Шаманской зыби, сама пойдешь на заимку, там и дело по дороге пристрянет. А мне в другую сторону надо будет, я на озеро «Чертов глаз» пойду, но на четвертый день я приду. - Дед затушил костер и цикнул на белок, которые совсем осмелев, прыгали под ногами.

Шли споро, путь в основном под уклон, приходилось останавливаться, чтобы перевести дух. Старались идти повыше, в низинах, после вчерашнего дождя, клу-

бился туман, и рассматривать путь было сложнее. Василиса шла следом за дедом. Вдруг, она почувствовала на себе чей-то взгляд. Повернула голову и увидела огромную гадюку, свернувшуюся кольцами на дремучем, обросшем зеленым мхом, пне.

Змея, подняв голову, смотрела на Василису, можно сказать в упор. Василиса невольно отступила на шаг и остановилась. Она не испугалась гадюки, она удивилась ее размерам. Никогда раньше ей не приходилось видеть гада, длиной и толщиной с березу четырехлетку.

Дед почувствовал, что что-то не так, обернулся и тихонько свистнул, змея зашипела, но с места не сдвинулась. Дед посвистел еще, махнул Василисе рукой и спокойно пошел дальше. Василиса догнала, спросила:

-Откуда же такая, змеища тут, раньше таких огромных, вроде, как и не было?

- Одна она здесь такая, просто не встречалась ты с ней раньше. Заприметила она тебя, запомнила. Вся змеиная семья, тебя теперь почитать станет. Ежели помочь, какая, понадобится или защита, свисни тихонько, как я свистел. Кто из их рода поблизости окажется, тот и приползет не мешкая. - На что оно мне, деда, помочь ихняя, змеиная-то?- Василиса на ходу развернула руками.

-Сама увидишь, когда нужна станет. В лесу живешь. Тебя уважают, и ты уважай, тебя обижают, и ты отпор давай.-

У Шаманской-то зыби, разошлись в разные стороны. Василиса пошла к себе на заимку, думая по дороге:

-Как там Байкал один управляет? А то может, и бросил сторожить, да и в селение подался.- Думки-то всякие в голове роятся, путь дальний, иди да и думай себе, все, что в голову приходит. Остановилась у ручья отдохнуть, да воды напиться. Присела на поваленное бурей дерево. Красота! Птицы поют, заливаются, прощаются с летом.

Лосиха вышла с лосенком к ручью. Морду вытянула, нюхает воздух своими чуткими бархатными ноздрями. А Василиса, сидит не шелохнется, будто и нет ее вовсе. Но лосиха что-то почуяла, прикрыла собой лосенка и пошла тихонько в заросли, так и не испив ступеней воды.

Вокруг ног суетились муравьи, все озабоченные проблемами зимних запасов для потомства. Чего только они не тащили в свой, огромных размеров, муравейник, макушка которого выглядывала из-за зарослей вишняка. И огромный жук усач, с поперечными серыми ласинами на крыльях и с усами длинней его самого, и шершень, с ярко оранжевым полосатым

брюшком, и какие-то травинки и соломинки. Так же тащили домой и своих раненых и убитых на охоте сородичей. Ничего не проходило мимо изучающих усиков, этих странных и очень трудолюбивых насекомых.

Василиса долго наблюдала за возней муравьев, невольно задумываясь над их действиями. Смотрела, как они слаженно работают и делают общее дело сообща, но все же, каждый в отдельности принимает решение, что именно ему делать. Вместе с другими нести тяжелого жука, или тащить раненого, который еще и упирался, и пробовал укусить своего спасителя.

Где-то, почти рядом, раздался выстрел. Сердце у Василисы екнуло от неожиданности. Она встала, и, прячась за деревья, пошла в сторону выстрела.

Мимо нее пробежала, ломая ветки, лосиха. Она ломилась, не разбирая дороги, и ужас застыл в ее глазах. Все стало понятно. Охотились всегда на молодняк, потому, что мясо взрослого лося жесткое и сухое, а у лосенка нежное и вкусное.

Василиса решила посмотреть, кто охотился, осторожно прошла дальше. Лосенок был в кустах, пытаясь встать на ноги, но, неуклюже заваливаясь на бок, мекал громко и жалобно. В стороне за кустами, Василиса увидала распластанное тело. Голова мужчины была неестественно запрокинута. Кровь, фонтанчиком била из, напувшейся шишкой, пробитой шеи, забрызгивая траву. Правая рука, все еще сжимавшая ружье, была вмята в землю. Лосиха напала на охотника, защищая детеныша. Крик лосенка, напоминал, плачь, больного ребенка, у Василисы сжалось сердце. Поняв, что охотнику, ни чем уже не поможешь, Василиса направилась к лосенку. Она понимала, что сильно рискует, что в любой момент, она может оказаться под копытами обезумевшей лосихи. Но жалобные стоны лосенка не оставляли выбора. Тихо говоря с лосенком, она кое-как успокоила его и осторожно осмотрела. Пуля попала в мякоть ноги и пролетела насквозь. С обеих сторон текла густая кровь, кость была цела, но лосенок был обречен. Он истечет кровью. Василиса кинулась к телу охотника и быстро сняла с его пояса веревку, метнулась к лосенку и связала ему передние ноги, чтобы он не мог биться, так немного меньше будет течь кровь. Собрала и смяла какую-то траву, покусала ее, чтобы появился сок, и вставила

пробками в обе раны. Лосенок выкатывал глаза и то-ненько стонал.

Василиса отошла за дерево и огляделась, прислушалась, вроде тихо. Но она знала, что как бы, ни была напугана лосиха, она не уйдет далеко, и все равно вернется к детенышу. Даже когда он умрет и его плоть отделятся от костей, она будет ходить вокруг, и охранять эти кости, и будет убивать любого приблизившегося человека или животное. Лосенок замолчал, обессилев. Василиса пошла к телу охотника, потянула за ствол ружье, рука от локтя выдернулась из земли и потащилась за ружьем. Василиса присела и стала разжимать пальцы. Они легко отпустили ремень. Осмотрев ружье, убедившись, что оно целое, Василиса взяла патрон из кармана охотника и перезарядила ружье. Вскинув ружье на плечо, все время, озираясь по сторонам, собирала валежник, чтобы закрыть тело. Мешок с патронами и едой, валялся недалеко, видно охотник егобросил, когда начал охотиться, на лосенка. Василиса, со вздохом, подняла его с земли. Темнело, лосиха так и не появилась. Лосенок забился снова и закричал, когда Василиса стала подходить к нему. Она, погладила ему голову, говоря спокойно и ласково, он затих. Василиса осмотрела раны. Кровь не текла.

Пришлось снять с него веревку, если придет мать, то это будет уже невозможно. Но он будто понимая, не стал пытаться встать, ослабевший, лежал смирно. Василиса не могла уйти, звери, учтя кровь и легкую добычу, все равно убьют лосенка, надо дождаться матери. Покосившись на наваленную поверх тела охотника, кучу валежника, Василиса пошла в сторону ручья, выбрала дерево, на которое было легко забраться и удобно уст-

роиться. Угнездившись на ветвях, постоянно осматриваясь, поела то, чем должен был ужинать, теперь уже мертвый, охотник. Попив из его фляжки, стала ждать лосиху. Мать не пришла к вечеру. Василиса ночью услышала, как она позвала лосенка, и он откликнулся на ее зов. Василиса облегченно вздохнула. До утра он в безопасности.

Привалившись к стволу, Василиса задремала, сквозь сон, прислушиваясь к тайге, четко контролируя каждый звук и движение. Утром она видела, как лоси пошли потихоньку к ручью. Лосенок, подняв раненную ногу, хромал на трех, но все-таки шел, повинуясь, зову матери. Попили и через ручей пошли дальше в тайгу. Василиса спустилась с дерева и осмотрела их следы, крови было не видно.

Набирая в пригоршни воды, умылась, попила, а когда подняла глаза, пришлось замереть на месте. На противоположном берегу ручья стоял тигр. Он, слегка согнув передние ноги, нюхал следы лосей. Шерсть на его загривке то поднималась, то опускалась. Это говорило о волнении зверя.

-Значит, голодный. – Подумала Василиса, стараясь не выдать свое присутствие, даже дыханием. Только деваться некуда, вот она, вся на виду стоит. Это он следами увлекся, сейчас голову повернет, и в один прыжок достанет. Василисе показалось, что под ногами у нее, что-то происходит. Почудилось какое-то движение. Она покосилась под ноги и увидела, что вода в ручье под ногами у Василисы, беззвучно забурлила и начала подниматься вверх.

Все выше и выше, и вот уже не видно тигра, перед глазами кружит водяная масса, и голос журчит, знакомый и непонятный. Василиса узнала по голосу хозяйку Чулыма. Сердце забилось в груди, от волнения и радости. Василиса протянула руку, чтобы дотронуться до нее, в знак благодарности. Вода резко упала вниз. Тигра не было. Василиса постояла, ошеломленная видением и быстро пошла в сторону заимки, теперь уже с ружьем на плече и с чужим мешком на спине.

17

Байкал встречал радостно, показывая, какой он молодец. Сначала грозно залаял, будто не узнал хозяйку, потом лай превратился в пронзительный визг. Было хорошо на душе от сознания того, что ты уже дома и что тебя здесь ждали. Даже ночное приключение, не портило приподнятого и праздничного настроения.

Василиса принесла воды, вскипятила, и заварила травы. Расплела косы, разделась, и долго мылась, чтобы дать свободно вздохнуть телу, крепко поспать и отдохнуть с дороги. Отдельно запарила другую травку и попарила ноги. Легла и сладко вытянулась на лежанке. Последняя ночь, проведенная на дереве, не дала отдыха, а наоборот отняла все силы.

-Лосенок - то твой, ничего, хромает за матерью потихоньку!- Дед сидел на своей скамеечке и посмеивался в бороду.

-Ой, деда!- Обрадовалась Василиса.

-Я думала, ты послезавтра придешь!-

-Да давно я уж тут . Ждал когда помоешься, да приляжешь. Там травку я тебе принес, с озерца, попей по утрам, до еды, чтобы регулы тебя не мучили. Тебе

сила для здоровья нужна, а с кровями-то все уходит, когда оно вхолостую. С неделю попей, а на следующий месяц, опять с неделю. Больше не будут приходить, тебе свою кровь беречь надо. Детей тебе рожать ни к чему. Да и не сможешь ты более. Кровь твоя третьим коленом выйдет, от внука девочка образуется, все твое в ней и проявится. И через нее тоже третьим коленом, опять твоя кровь силу возьмет, над сторонней.- Дед испытывающе посмотрел на Василису. Она, слегка смущившись, молча, кивнула.

-Лосенка-то, Гришка Чалый стрелял. Не повезло ему, когда ружье перезаряжал, запнулся, вот она, лосиха - то, и перекинула его через себя. Шею ему сломала, потопталась еще на нем. А ты молодец! Не растерялась. Я когда мимо того места проходил, у ручья тоже попить остановился. Гляжу, сидит куколь лысая, на том дереве, где ты ночевала. Ну, это-то я уже потом определил, что и как было. А сначала насторожился, раз сидит, это точно мертвец где-то рядом есть. Она по таким только делам показывается. Крылья расширила, и зиркает глазищами туда-сюда, шипит будто змея! Живое-то не видит, только мертвое. Разобрал я ветки-то, что ты на него навалила, узнал кто. Яму рыть нечем было. Отнес я его под дерево вывороченное, закопал. Сколько их по тайге безымянных могил!? Счету нет! Что поделаешь. Твоего Василия, тоже я, хоронил. На самострел он напоролся, у своего же капкана. Но не печалься более, не житые вам с ним все равно бы было. Прошел бы год другой, тебя бы все равно колдуньей нарекли. Не убили бы если, так все равно из поселения бы прогнали. Так уж повелось, испокон веков, нас люди, вне закона объявляют! А так, хоть детишки без клейма позорного вырастут. Люди

злые, памятью злой и живут. Добро-то, оно, быстро забывается, короткая память о добре у них. Сами набедо-курят, приходят за помощью, а потом нас во всем и обвиняют! И жгут, и калечат, и топят. А ведь людям-то, без их же просьбы, мы никогда, худого, не желаем, и не делаем. Зависть их гложет, что они не могут того, что мы можем! Жадность их мучает, потому что в чужом амбаре добро считать любят! Сами себя и колдунами провозглашают, да не от добра и не для добра, а только из корысти! Истинного богатства не видели и не дано им. Вот и хорошо, что не дано! Дай им все - сами себя уничтожат.- Опять замолчал надолго. Василиса задумалась о деде. Не знала она, чего в нем больше человека или нежити. Он в основном, говорил о людях плохо, и даже с какой-то злобой. Но все равно, это было так, как мать, бывает, недовольна своим дитем, ругает его, но, в то же время жалеет и понимает, как никто другой.

-Деда, а ты сказал, что куколь лысая там сидела, ну на дереве у ручья, где я ночевала. Что за тварь такая, я что-то не припомню, что б видела?-

-Может, видела, а может, и нет. Вид нежити это, они появляются, когда несъть рядом пирует. Или в том месте, куда несъть собирается. Они попутчики. Выглядит она, как большая птица, только тело у нее без перьев и на человеческое похоже. Крылья перепончатые, как у летучей мыши. Днем-то они не летают почти, где-нибудь в укромном месте сидят, где покойник рядом не прибранный. А ночью и в большом городе могут появиться, если там беда будет вскорости, с большими людскими жертвами. Плохо, когда они человеку показываются. Если не увидел их человек, может беда-то и мимо пройдет, а если увидел, то нет уже обратного хо-

да. Я хотел, как-то было, поговорить с этой тварью, мосты дружеские навести. Где там! Шипит да язык выставляет. А язык у нее черный и острый как у птицы. Будто копье изо рта выглядывает, того и гляди проткнет тебя своим жалом. Мозгов нет, видимо совсем, так бы хоть мысли ее услышал. Нет и мыслей вовсе. Запах смерти, больше ничего она не понимает и не знает. Ты отдохтай, Василиса. Я приду завтра, пора мне уже.- Дед встал и засеменил к двери. Василиса не ответила. Она вспоминала, где и когда видела такую тварь.

Утром чуть свет, Василиса была уже готова к новой дороге. Свистнув Байкала, поправила на плече ружье и быстро зашагала в сторону рассвета. Байкал догнал и пристроился рядом, время от времени попадая под ноги спешившей Василисе. Она спешила, чтобы вернуться до прихода деда. Ей не хотелось, чтобы он узнал о ее походе и тем более, о ее намерении. Дойдя до хребта, Василиса начала взбираться по камням наверх. Там, за уступом, была пещера. Эту пещеру не было видно снизу и не было видно сверху. Наткнуться на нее, можно было только случайно, или нужно точно знать, где она находится, иначе не найти. Василиса знала. Ее туда водили нежити, когда она была маленькой. Даже не водили, а носили, наверное. Потому, что когда они играли, то Василиса вдруг забывала обо всем и во время игры, они все оказывались в этой пещере. Она не помнила убранства пещеры, но точно знала, где она расположена, и то, что ей необходимо в ней побывать. Из-под ноги неожиданно посыпались мелкие камушки. И нога скользнула, больно ударившись об острый край скалы. Василиса присела на несколько минут, чтобы перевести дыхание и успокоить боль. Байкалу велела сидеть и

ждать на этом уступе, дальше пошла одна. Вход в пещеру был свободен, и легкий теплый воздух струился изнутри пещеры. Василиса зашла и вся вздрогнула, настолько разительной была перемена температуры и влажности воздуха. Сняла с плеча ружье и мешок, достала из мешка тряпку пропитанную жиром медведя и прикутила ее к небольшой палке, соорудив факел. Зажигать не стала. Вскинула на плечо мешок и ружье, с незажженным факелом в руке медленно пошла вглубь пещеры. С каждым шагом становилось все темнее, но Василиса помнила, что там было светло, когда она в детстве была в пещере. Потому не спешила зажигать факел, а несла его на всякий случай, если детские воспоминания ее обманули, или за эти годы что-то изменилось в самой пещере. Внезапно Василиса наткнулась на глухую стену. Она пошарила руками вправо и влево, проход закрыт. Повернувшись назад, увидела, что прошла поворот, он был в нескольких шагах от нее слева. Женщина смело прошла дальше, теперь она уже не сомневалась, что знает дорогу в пещере. Свет начал струиться со всех сторон. Сначала едва заметный сумрак, но чем дальше проходила Василиса, тем светлее становилось в пещере. Василиса услышала тихое шипение в момент, когда вошла в первую залу пещеры. Да, она помнила эту залу. Тут жили эти самые твари, о которых рассказывал дед. Воздух в зале был чист, свет струился отовсюду, но он был слабым. Надо было присматриваться, чтобы хорошо разглядеть все вокруг. Стены пещеры были ярусами и на них сидели и лежали странные существа, похожие на людей с крыльями и коротким широким хвостом. Они шипели друг на друга, разговаривая или ругаясь между собой, но не видели Василисы.

Их было много, Василиса прикинула по пальцам, оказалось, что больше чем пальцев на руках. Существа не были агрессивными друг к другу, Василиса тоже их не интересовала. Они смотрели сквозь нее.

-Может быть, шипение помогает им переваривать пищу? –Подумала Василиса, потому, что они и друг друга тоже будто бы не замечали. Это сначала ей показалось, что они общаются. Нет, они вели себя так, будто не видят друг друга. На стенах залы, кое-где были видны какие-то черные потеки, она подумала, что это твари нагадили на стены, но потому как воздух был свободен от запахов, как после грозы, засомневалась. Василиса подошла и потрогала, это было похоже на черную застывшую смолу. Она знала, что это за смола. Дед приносил ее и выпаривал в чане на костре, потом лечил ей животных и людей. Это мумие. Но дед никогда не рассказывал ей, где брал мумие. Василиса пошла дальше. Следующая зала была белоснежная. Вся переливалась, как снег на морозе и не соответствовала эта белизна теплому климату залы. Вся зала была заполнена соляными столбами. На первый взгляд, казалось, что стоит толпа людей, в белых одеждах. Некоторые столбы были и в самом деле похожи на человеческие фигуры. Василиса увидела фигуру женщины со склоненной головой, мужчины, стоявшего на одном колене и протягивающего руки к женщине. Стало не по себе, здесь Василиса почувствовала себя лишней, и быстро прошла в следующую залу. Где-то высоко вверху чувствовалось какое-то движение, но увидеть что-либо, было невозможно. Вся зала была заполнена туманом. Под ногами у Василисы было подземное озеро. От воды медленно поднимался пар, и приобретая самые различные очертания, посте-

пенно уплотняясь, устремлялся в выс. Вода в озере время от времени пузырилась, будто бы кипела, и поднималась, почти касаясь ног Василисы. Потом кипение прекращалось, и вода опускалась вниз. Василиса прошла, придерживаясь за стену, чтобы не скользнуть в воду, на другую сторону залы. Там лежали, сваленные в кучу, детские игрушки, тряпичные куклы и множество женских украшений. Украшения были из золота с драгоценными камнями, просто из самоцветов. Можно было бесконечно перебирать их, восхищаясь красотой и блеском. Игрушки были влажными на ощупь, но не было, ни следа плесени или гнили. Она помнила эти игрушки и украшения. Нежити говорили, что все это для нее. Василиса так увлеклась воспоминаниями, что не заметила, как вода в озере, за ее спиной забурлила в очередной раз. Страх напал внезапно, сзади. Спину сковало, ноги будто бы были мягкими, без костей, а волосы на голове зашевелились. Василиса стояла и не в силах была пошевелиться. Казалось, что душа сейчас вылетит из тела и в ужасе умчится прочь, оставив нерадивое тепло, медленно превращаться в соляной столб. Она не могла повернуть головы, было немыслимо посмотреть в лицо такому ужасу. Вверху захлопали огромные крылья, и жуткие звуки наполнили пространство. Василиса почувствовала какое-то движение со стороны озера, и вспышка яркого света ослепила ее. Когда вернулась способность видеть, страх прошел, Василиса почти бегом бросилась прочь. Она не помнила, как прошла обратный путь. У входа в пещеру она бросила ненужный факел, и выйдя, стала спускаться вниз. Байкал сидел на том месте, где она его оставила. Присев рядом, Василиса посмотрела на солнце, оно находилось в том же по-

ложении, едва касалось верхушек деревьев. Ей казалось, что она провела много времени там, в пещере. Но здесь, солнце будто остановилось, на время ее отсутствия. Байкал даже не поменял позы, будто бы она отлучилась на миг.

По дороге к землянке, у Василисы начало перед глазами все сливаться, ноги стали тяжелыми и непослушными. Кое-как добралась до дома, легла на лежанку и будто бы провалилась в черную пустоту. Когда снова открыла глаза, дед, склонившись над ней, обтирая лицо мокрой тряпкой.

-Ну, вот и очнулась! Слава Богу! Я уж думал не выхожу тебя.

-Как не выхожу? Что, спала долго?- Василиса округлила глаза.

-Да ты уж почитай, второй месяц, как уснула-то! Глянь в окно, снег уже лежит.- Дед засуетился около печки. Василиса подняла руку и увидела тонкие длинные пальцы. Рука была настолько худой, что Василисе с трудом верилось, что это ее рука. Вспомнила она, как ходила в пещеру, и лицо невольно загорелось от стыда перед дедом.

-Чо глазки-то забегали? Отстегать бы тебя хворостиной, чтоб знала! Это еще ладно, что ты с безделушками задержалась, а прошла б дальше-то, так и возврата не было б!

-А ты почем знаешь, где я была? А если знал, что туда пойду, почему промолчал?

Дед пригрозил кулаком Василисе от печки. Налил в кружку горячего отвара, и подойдя, подал ей в руки. Брови у деда шевелились сами по себе. Так было всегда, когда он сильно сердится. Василиса знала, что сейчас

лучше всего молчать. Стала маленькими глоточками пить. Глотать было почему-то больно. Но Василиса не подала вида.

-Это поначалу больно, потому, что ты же не ела, столько времени, ничего. Сейчас пройдет. Попьешь, так попробуй на двор сходить, а то тоже застой пока будет.- Дед отвернулся и будто бы начал поправлять половички. Василиса понимала, что сильно виновата перед дедом. Он ей не раз говорил, чтобы забыла все тропы, по которым ее нежити водили. Там где они ходят, девушку дорога закрыта. Она и сама помнила, как после таких путешествий силы ее покидали надолго, это не смотря на то, что нежить ее вводила в особое состояние, когда не так сильно влияет на здоровье человека их энергия. Думала, что после похода на сопку, нет ей уже вреда от этих мест. Оказалось, что ошибалась. Поняла, что ошибалась, когда страх напал. Да поздно уже было, что-то изменить. Думала конец пришел.

-По этой пещере, можно ходить веками. После перехода от озера в следующую залу, путь назад закрывается. Там другое время. – Дед прошел и сел на скамеечку. Василиса приготовилась к длинному разговору.

-Ты Василиса, отдохай пока. Поняла уже и сама наверно, что тут, в этом мире, нежити тебе бояться не-зачем. Они попугать могут, а навредить, уже нет. Здесь только человек и друг, и враг. А в их мире, ты можешь погибнуть. Без знаний и по болоту ходить опасно, а уж подземное-то царство нам с тобой не выдаст своих тайн до конца. Жизни не хватит, чтобы хоть чуточку приблизиться к этой непостижимой для нас науке самостоятельно. Погоди уже, что здесь надо, все узнаешь, а чего не дано, не стремись, без толку.

Василиса чувствовала себя уже хозяйкой тайги. Она знала все премудрости охоты, рыбалки. Дикие пчелы свили свое гнездо у самой земли и щедро делились с ней сладким медом. Дед исчезал надолго, иногда на все лето или на всю зиму, но назначал срок своего возвращения. И возвращался всегда во время. Обитали вокруг земли и зверушки всякие, кого Василиса из капканов вытаскивала, да лечила потом. Кто по суровой зиме, к ней за подкормкой, сам приходил, обессиленный от стужи и голода, а рысенка ей Байкал принес. То ли из гнезда выкрал, толи от матери отбил. Жил, рысенок-то, у Василисы в доме, как простой домашний кот. Дед после отлучки пришел, так шуму было из-за этого рысенка! Прогнал его в лес.

-Не дело, чтобы хищник в доме жил. Придушит сонную, и пикнуть не успеешь! Домовята, меня за Волчьей падью нашли, жаловались, что жизни им, рысь твоя не дает!- Стыдно Василисе стало, о домовятах-то, она и не подумала даже. Нехорошо это. Но на поиски рысенка все-таки отправилась. Не сможет он сам теперь прожить в тайге, погибнет. Не умеет ни птицы поймать, ни чего другого, на еду себе. Ни от голода, так от волка, все равно пропадет. Пошли с Байкалом на поиски. Байкал след сразу взял и умчался по следу, только Василиса его и видела. Идет, зовет потихоньку :

-Рыся! Рыся!- А далеко уже от земли ушла. Замяукало что-то в стороне, она туда, а мяуканье, уже в другой стороне слышится. Так металась по кустам, да по овражкам, пока не поняла, что леший ее разыгрывает. Села на дерево поваленное, начала Байкала звать. Видит, тень какая-то промелькнула в стороне. Байкал,

думала, нет, он бы уже голос подал. Поглядь, а между кустов опять что-то промелькивает. То с одной стороны, то с другой, не по себе стало. Ни ружья с собой, ни ножа даже. Пошла-то недалеко, да и ненадолго, не думала, что так получится. А тени все мелькают, да ближе приближаются. Не может понять Василиса, кто ж это? Не то волки, не то нежити? Да и смеркаться уж скоро начнет, дело-то к вечеру. Подняла ветку сухую, очертила вокруг себя круг. Пока чертила, от нежити зачитку нашептала, встала в кругу, да и свистнула тихонько. Что тут началось!

Василиса и не ожидала такого оборота . Как поползли ото всюду гады. Из-под дерева, на котором она сидела, и из-под коряги напротив. Из-под всех корней и веток, из-под каждого листика и кустика! Сплошным потоком идут, растекаются вокруг круга, в котором Василиса стоит, и от него в разные стороны. Ни глянуть, ни наступить некуда! Никогда Василисе не приводилось видеть сразу столько змей.

-Живешь и не перестаешь удивляться! Вроде знаешь каждый кустик и каждую травинку, но получается, что удивительное, рядом с тобой живет, и каждый день ты с ним общаешься, только не знаешь этого и не видишь. Правду деда тогда сказал, про змеиную-то царицу! Не успела свист закончить, а их, уже видимо - не видимо, оказалось около меня. - Подумала Василиса. Змеи отползали в стороны, образуя круг, свивались в огромный тугой жгут и вот, уже вокруг Василисы образовалось кольцо диаметром в несколько метров, которое извивалось и шипело на все лады. Оно поднималось одним краем над землей, и извиваясь передавало движение по всему кольцу. Неясные, но наводящие ужас зву-

ки, стали раздаваться со всех сторон. Движение кольца стало медленнее, и, наконец, оно перестало отрываться от земли, но еще двигалось по окружности. Потом, оно поползло во все стороны. Постепенно, полчища змей, начали редеть и вскоре уже не было видно ни единого гада. Василиса направилась к дому, вспоминая по дороге, каких змей она видела. И ужи, и гадюки, и медянки, толстые и тоненькие, как ивовые прутики. Золотого и совсем черного цвета, пятнистые и полосатые, блестящие, от сырости. И большие и маленькие.

-Каким же законам они подчиняются? Откуда взяться такому количеству рядом со мной, или они так теперь и прибывают вокруг меня, до поры пока не поймобятся?- Удивлялась Василиса.

-Хорошо хоть вспомнила, надо деду рассказать!-

Деда, дома не оказалось, разозлился наверно на нее, что поскакала рысенка по лесу искать, обиделся. А может, и просто так ушел. Приходил, наверное, для того, чтобы порядок навести, да и снова в путь?

18

В окно резко постучали. - Это кто-то чужой, некому тут по окнам тарабанить.- Подумала Василиса. Присела на лежанку дожидаясь, постучат ли еще. Не дождавшись нового стука, Василиса вышла и увидела худенькую девушку, почти подростка. Девушка при виде Василисы горько заплакала, не в силах даже поздороваться.

-Заходи в дом дева, успокойся. Сейчас поужинаем с тобой, чаю с медом попьем, да и поговорим потом, зачем пожаловала. - Вошли, захлопотала Василиса у печки, а девушка как присела на скамеечку, так и уснула

сидя. Добиралась видно долго, спать в тайге боялась, вот и сморило. Василиса на стол накрыла, и еду, и питье поставила, как для гостя дорогого. А разбудить не осмелилась, жалко стало.

-Ну, ни долго она, сидя-то, поспит! Пусть немного остынет с дороги, да со встречи. - Василиса поела, чай попила, прилегла на лежанку и тоже задремала. Снится ей сон, что стоит она на большой горе. А с обеих сторон горы, две реки текут и сливаются в одну. Потом, вдали, эта река, снова раздваивается, и обе реки текут в разные стороны, только одна по верху течет, а другая под землю. Проснулась и задумалась. Горе предстоит, да стороною обойдет. Из одной беды, две получится. Смотрит, а девушка тоже проснулась уже, сидит, с Василисы глаз не сводит.

-Ты садись, поешь с дороги-то, потом и расскажешь, зачем пришла в такую даль.- Василиса подсела к столу, тоже немного поела, чтоб девушке компании составить. Потом и рассказала она, зачем пожаловала..

Зовут девушку Надеждой, живет она с отцом, да с бабушкой. Стал к ним захаживать друг отца, еще с прошлого лета. Теперь вот замуж звать начал, а ей он не нравится вовсе. И старый он, и кривоногий, и пьет не в меру. А отец за друга против дочери.

-Не любишь, так полюбишь! Как сказал, так и будет!-

Бабушка заступаться начала, так он и ее вместе с Надей в чулане запер. Бил обеих не на жизнь, а на смерть. Все дело-то, так вышло. Надина мать убежала из дома, с каким-то охотником из города. Оставила Надюшку-то, маленькую, и мужа своего забулдыгу. Может и не оставила бы, если б не мать. Мать благословила, и

пообещала девочку вырастить, пока жива, не бросать. Осталась бабушка при внучке, да с зятем. Вот и кочевряжился он над ними, с тех пор, как жена сбежала. Сколько синяков изношено, да слов обидных прослушано. А как выросла Надя, так вовсе житья не стало. Как специально жениха смешней пугала ей привел, да еще и замуж идти за него приказал. Закрыл, бабку с внучкой, в сарае, пока не одумаются, а сам пьет уж какой день. Бабушка и говорит:

-Беги к Василисе, защиты проси. Иначе убьет он нас, или будешь с пьячугой, век вековать! - Они за две ночи, под стеной сарай подкопали, и побежала Надя, что есть мочи, куда бабушка показала. Вот и дошла, а сердце разрывается, жива ли бабушка-то, после ее побега. Отец-то пьяный, все случиться может. Послушала Василиса, покачала головой.

-Ты отдохай пока, ложись на мою лежанку и никого не бойся. Уйду я сейчас на часок-другой. Вернусь, поговорим еще. Оделась Василиса, все, что надо для дела, с собой прихватила, да и вышла. Встала между домом и скрадочком, уже и круг начертала. Смотрит, а деда рядом стоит.

-Не спешай, Василиса, я этого Кузьму, сам возьму! Ты домой иди, да с девушкой поговори, много чего, у нее для тебя рассказать есть. А утром ее домой отправляй, не оставляй ни на минуту дольше чем надо. Я поутру домой приду.- Пришла Василиса, а Надя ждет ее. Про любовь свою рассказала, к парню смирному, да работящему. Как в Томск они сбежать собираются, от его родителей. Не хотят они брошенку в снохи, вдруг тоже как мать, деток бросит, да за хахалем убежит.- Посидели они поплакали, пошептались вволю. Василиса собрала

ей узелок с едой, да жемчуга отсыпала, что ей хозяйка Чулымка дарила. Его сколько хочешь дарить можешь, не убывает, если от чистого сердца. Да самородков несколько дала, на счастье, в городе так просто, тоже не приживешься. И проводила. Зашла в дом, а дед уж на скамеечке пристроился, сидит, сам довольный. Все видно у него удачно сложилось, как хотел наказать обидчика, так и вышло, видимо. Села Василиса рядышком, и потекла беседа, за прошлое и за будущее, обо всем говорено было, и не было этому разговору конца. Не знала Василиса или во сне они беседуют или еще в реальности. Впереди были долгие зимы и лета, с походами и приключениями, с радостями и горестями. А в уголке тихонько шепелявили два детских голоска.

19

Василисины детки промеж Егоровых тоже по-взрослели. Катерина, разницы, что Василисино, а что Егорово, не признавала. Сын, в старатели подался, далеко куда-то, на Калыму - реку, а дочка в Томск, в няньки, уехала, да так там и прижилась. Замуж вышла за грамотея какого то, не то адвоката, не то пристава вдового. На детишек у них общих не было. Не то, грамотей в годах уж был, не то, сама бесплодной оказалась. Его ребят подняла, а своим деткам и не порадовалась. Да с такой красотой, какой ее природа одарила, можно было в царском дворце жить! Но не на каждую красавицу, царь находился.

Давно уж шел промеж людей слух, что живет в тайге баба таежная, что спасает, будто людей от верной гибели. То геологов из топи выведет, то медведем помятое - выходит. И что, если без надобности к ней пой-

дешь, из любопытства, не найдешь ни тропы не дороги, вокруг земли ходить будешь, а ее не увидишь. Но если сердце плачет исходить будет, и душа о помощи просить станет, то будто сама эта баба таежная к просящему выходит и никто от нее без помощи, да подарка дорогого не уйдет.

Как-то, понеехали в селение, всякие умы научные, искать ведунью по тайге начали. Одному человеку, большого видеть чина из Москвы, помочь сильная потребовалась, или еще чего. Вона где она Москва, а где тайга наша дремучая! Погнал он подчиненных своих на поиски, да и сам погодя явился. Подручные-то его, уже весь красноярский край обсвасили и томскую сторону всю объездили, записали много преданий всяких, да рассказов.

И выходило из них - что жил в тайге человек старательный, одинокий и мудростью своей с живой природой общался. Откуда он пришел, ни кто не знает, его, будто деды и прадеды помнят, да только все в тех годах он и всегда был. Все вокруг рождались и старились, а он все, такой как был. По словам выходило, медведица, будто ему за место матери была долгие годы, а потом жил бы и промеж людей, да только не доверял им и не якшался ни с кем, и чтобы там водку или бражку - никогда не приваживал.

Потом, будто бы с медведицей ребеночка прижил и воспитывал будто сам, на дальнем прииске. А как время подошло, ушел с прииска в другие места. Девушку егонную, охотники забрали, да только пока мала она была, ласковая, да пригожая, а как в силу вошла, будто и мужика своего примяла и свекра, что после смерти мужа приставать начал, так приголубила, что до

самой смерти, с синим задом, промаялся. Уж тут и скажешь, что язык без костей!

Но, вся-то эта история, прямо к Василисе наметками и приводила. И опять же, кто знает, может на каждый-то край, по такой Василисе-то и приходилось, и каждый про свою, сказку сказывал? Народ-то по тайге разный шастал, сегодня тут, а завтра там, только кто на лесоповале по сроку - задерживался, зато потом, по всей России-матушке эти побасенки рассказывались, со своими уже добавками да придумками. Народ-то, до историй разных, жаден был всегда, если что не по правилам, так вдвое и интересней.

Ну, чин-то этот, московский, сам в тайгу наладился, без провожатых, провианту набрал, патронов. Да нет, не приняла его Василиса. Гонял туда, сюда вокруг заемки, верст до двух по округе, а ближе так и не подступился. Нашли его потом, все вокруг усрата да утоптано, и сам лежит смирнехонько, только муhi вокруг жужжат. Сапоги кожаные на кочке поставлены, портянки на кустах развешаны. Говорили мужики, что у чина у этого московского, мизинца на ноге не было. Может и откусил кто, пока он лежал, а может, и вовсе его не было. Ну, тогда ужо и солдатов напривезли, и полиции. И всех, кто из селянов по ту пору, в тайге-то был, в ката-лажку, да в Томск. Понагнали страху, а чин-то не убитым же был, а так, сам чего-то скапустился, может, ягоду какую съел, или еще чего, что все внутренности из себя повысырал. Таежников-то помурлыши, да и отпустили. Затравили Василису, как зверя лютого, и с солдатами искали, и охотников с собаками по следу пускали, да только ни шиша не выловили. Это потом уже открылось, когда дознаватели московские охотников, да ста-

рателей, на дыбу подымать начали, выпытывали, да вынюхивали, с какого места геолог, самородок золотой, с дитячью голову в Москву привез. Будто, баба таежная его им одарила, а место он и показать не смог. По карте вроде находят, а по местности не сходится. За золотом они прибыли, а не за байками, да сказами таежными! Только знающие люди говорят, не уходила, будто Василиса никуда, а просто заемку свою от глаз людских склонила. И живет себе там, если кто поплакать, да за помощью, то завсегда примет и обязательно поможет. Дорога-то, говорили, от нее короче шага воробышного, туда сутками добирались, а обратно, через порожек перешагнешь и на своем пороге уже стоишь – во, как!

И болезнь эта у мужиков, которые по несправедливости к женам живут, то там, то тут, проявляется, только врачи руками разводят, почто от пояса до самого низа, чернеет все и раздувается. Даже гипотезу выдвигали, будто бы клещ, какой то, заразу эту разносит, но люди-то верно говорят, что это Василиса наказывает, если жинка какая пожалобится. По осени-то клещей не бывало уже, а мужиков-то прихватывало и по зиме будто бы. Да, че там, говорить! Может и придумывали все бабы, чтобы мужиков немного приструнить, кто знает?

Потом уже власти меняться начали, понагнали народа видимо-невидимо, бараков понастроили, флагов красных понавесили. Которых, в одиночку пригоняли, а кого прям семьями. Стужа зимами лютая в те года была, с непривычки, сколько по померзло - ни кем не считано. Лютовали власти, зверствовали. Да таежному-то человеку, мало чего от этой лютости перепадало, что не по нашему - шасть в тайгу. А там ни какая свирепость не достигнет. И грибы тебе и ягоды, и дичи было руками

не переловить. Тетерева сами в котелки прыгали. А сохатих, бабы по задворкам доили. Так что таежному человеку, власти не причем, были! И теперь землянок по тайге не пересчитать, сколько завалено, а то все людишки, проживали.

Войной-то всех приурезонило. Кто из тайги на войну побежал, по молодой дурости, а кто от войны, еще далее в тайгу укрылся. Свои -то понимали, в чужую даль, да от семей, нельзя было. Разве ж баба, со всей сворой детишек, да с делами мужичьими управится? Были, конечно, и такие, что любого мужика заломает, да не все ж. А кого из дезертиров-то, прямо и забивали, по наводке людей-то добрых. Ну, а у многих и паспортов не было никогда, в тайге родился - тайга и заберет, не в юности, так в старости, а бумажка, она ни к чему была, многим.

Так стороной и прогремела, война-то. Куда там,войной, да на тайгу идти!

В тайге сила такая, что не немцу, не англичанину ввек не осилить! Кто ушел из мужиков местных, так никто не вернулся, кого на войне поубивало, а кто другие земли увидел, да и на новую жизнь позарился. Постались бабы, по одной, детей-то подымать. Но тогда и таежники помогали, приносили из тайги, совсем-то бедствующим. Выручали, чем могли, люди ж.

Какой год приспичит, а то по тайге мужиков ложится поболее, может, чем на войне бывало, ни кто ж не считал! Одних каторжан, мрет, видимо-невидимо. Ладно, хоть бабы не скучают, приложивают, а то совсем на людишек, тайга- то, оскудела б.

20

Василисин-то внук, это что от сына, Гришки Крымова, на то время, с Калымы - реки уже вернувшись были, жили в Киреке. Гришка сам уже выработанный весь был, а Васька, сын-то его, в аккурат жениться стал. Выбрал то себе ревизоршу, Нину Масумян, из потребсоюза, и постарше она была, и ребенок у нее уже был, лет этак, до трех. Жила она с матерью в потребсоюзовском бараке. Ну, и слюбились, видно. Отцу-то че, пусть живут, а люди не перемоют костей - не успокоятся. Перво - наперво, так хорошо у них заладилось, да видно Васька-то мамаше ее, не больно по нраву пришелся. Вся- то она из себя, культурная была, вся нигудями наверчена. Подполковника вдова. Васька мужик простой, таежный, да еще и с норовом. Нинка на работе, теща Ваське как кость в горле. Вот и куролесил Васька, пока жена по сельпам, да по ревизиям разъезжала.

Волков в ту пору развелось - тьма. Раньше, охотники поголовье держали, все свои волчихи наперечет были, если много, так им еще в щенячестве головы сворачивали, а тут, все самотеком пошло.

Знамо дело, какой у ревизора транспорт? Лошадь да санки, постелет тулуп, да им и укроется от мороза, да чтоб лицо снегом из-под копыт не посекло и дует так верст по пять, а то и все двадцать, тока счеты костяшками бренчат. А оно-то не токма волки, в страхе всю округу держали, еще и рысь по дороге-то разбойничала. Прихоронится на дереве, а как путник-то поравняется, она с верху, да за глотку сразу. Много таких случаев было. А еще и людишек склизких полно было, Нинката и с мешком, а то и двумя денег-то, бывало, проезжала. Выручку собрать иногда заставляли, что б еще ко-

го не посыпать. Ну и по темноте возвращалась домой, да волки и подкараулили на дороге. Лошадь как понесла по сугробам, да по суметам, того и гляди вывалит из санок, а волки не отстают, следом так и гонятся. Лошаденки тогда все приученные были, идет по дороге и сыпом спит, а скажи так негромко – «Волки!»- так птицей и полетит и вожжей не надо.

У Васьки, сердце, видно почуяло, видит, что поздновато уже, а Нинки нет еще. Ружьишко за спину, на коня, да на встречу по верхам, во весь опор.

Насилу отбил, отстрелялся. Он-то егерем тогда в лесничество пристроился, и Нинку с работы увольнять начал, что не дело, мол, в одиночку по лесам на кобыле рыскать. Сиди, дома, чего не хватает.

Теща-то, тоже подзуживала, свои какие-то интриги плела, но Нинка уже и на сносях была, лето-то еще промоталась по продмагам, а к зиме дома уж сидела. Васька ревнивый был до одури, он Нинку, чуть вилами не запорол, когда ее мать, сказала, будто к Нинке другой свататься приходил. Это, еще поначалу было. Люди сказали Нинке, что ее Васька ищет, злой будто, убить грозится, она в сеновале и склонилась под сено, прижалась к стеночке. А он по сену-то вилами, так все и истыкал, ладно, что не попал. Потом, с перепугу, и окрутилась с ним.

Тут уже и родня, Егоровы-то последыши, родняться начали, и сами к ним в гости, и их к себе зазывать стали. Они-то, все Крымовы, так и жили в поселении Смокотино, от Кирека не ближний свет. Да и ладно, чем дальше родня-то, тем роднее.

Нину, с родами-то, в худое время прихватило, 31 октября. Стары люди говорили, будто в ночь-то с 31 ок-

тября, да на 1 ноября, вся нечисть силу большую имеет, все под себя гребет, а уж новорожденных-то, и вовсе себе приирает, нету у них защиты еще. Так ребеночек народится, его в тряпицу, да на печь клали, чтоб в тепле не продрог, а поутру-то, поглядь, а там веник-голик в тряпке-то. А дитя будто и не было вовсе.

Не ходили в этот день ни на охоту, ни на рыбалку, а кто ежели по глупости или незнанию куда потаращится, тут ему и конец приходит. Какие позамерзнут, а какие и вообще дурачками домой добираются . А кого в тайге застанет, то и будет плутать пока в болотную топь не заведет, а оттуда пути нет. Вот и сидели все по домишкам своим, кто на печи, кто на лавке, даже рукodelничать не велено было. И говорили только шепотком, чтоб сила нечистая не досыпалася. Кто верил, кто и не верил, а один-то вечерок в году и посмирничать можно было. Раньше-то и попы молодухам ума наставляли,

чтоб не починали они на конец-то января, всеж тем днем-то страшили. Ну а Нинка-то не таежная, не то с Каспия, не то еще с места какого, и знать не знала, про эти-то хитрости.

К вечеру, как корежить начало, она сердешная, дрова из сарая в дом таскать начала. А чо, время-то по-пусту тратить, и разминка, и польза, и время поскорей тянется. Васьки дома не было, по своим делам егерским, не то в районе был, не то в тайге сидел, домой пойти побоялся. А дров он много натрандыбачил, сарай полон, да еще поленница. Нинка без него и сподобилась. Берет по несколько полешков, да и в сенцы потихохоньку складывает. Чтобы потом, апосля родов, по холоду в

сарай не бегать. Потом уж и матери сказала, что худо-то ей.

Мать побежала по соседям, чтоб ее в Смокотино в больницу свезти, да где там! Так ни до кого и не достучалась. Мать-то сидит на лавке дома, в окошечко поглядывает, может Ваську поджидает, а может так, не увидит ли кого. Нинка ходит из сеней в сарай, из сарая в сени. Уж и сумеркаться стало. Заходит в сарай, а там, будто баба стоит, улыбнулась Нинке ласково, и рукой на землю указывает. Нинка глаза опустила, куда баба-то указала, не видит ничего, а когда подняла глаза, ан - нет никого. Боязно стало, но она пошла в дом да спички прихватила, присветила место, а там уголочек какой-то торчит. Нинка, потянула за уголок, и какую-то досочку вытянула, с ладошку - побольше величиной. Она и проворишки призыбала, домой скорей прошла, да досочку-то помыла, тряпочкой сухой обтерла, а на ней, так Богородица и заиграла всеми цветами. Ну, Нинка нехристь чистая, а и то перекрестилась, иконку на тумбочку к койке поставила, да и прилегла.

Лежит себе, не болит ничего-то у ее. На иконку поглядывает, душой радуется. Да и ладно. Так до полночи и пролежала смирнехонько, даже и водицы не попила. Все думала, что за видение такое ей было? Кто эта женщина, что на иконку ей показала? И взгляд ее, такой ласковый, все тело будто теплом пронизывает. Откуда ей знать, что это Василиса на помощь ей приходила, кровиночку свою, что Нинка носит, из беды спасала, от силы нечистой прикрывала.

После полуночи, быстрехонько разрешилась, без мук и страданий, девчонка родилась крепенькая, да еще и в рубашке. Нина испугалась спервости, понять не мо-

жет, чем дитя окутано, но мать-то, как могла, помогала, и рубашечку с младенца сняла, ну пуповину там обрезать, воды нагреть. А так Нинка сама все сумела, хоть и страшилась. Рубашечку, потом промыли, да и просушили, как положено, прибрали на место, до времени.

А что на первое-то ноября народилась, так день-то всех святых почитается, вот и хорошо, будто. Да и снег поутру пошел, такой густой, большими хлопьями, что старики, такого чудного снегопада, не помнили.

Васька спозаранку домой пришел, а там радости полные хоромы. Сына ждал видно, да не вышло по жданке-то. Морду скривил сразу, но как девчушку поглядел, смягчился вроде, даж и Нинку в щеку обмусливал. Забегал по дому- то, заелозился. А потом неделю и гулял, как положено, и подрузьям, и по родне, везде спал, и в сенях, и на лавках. Даже не понял, как дома оказаться посчастливилось. Как проспался, да в себя-то пришел, и Нинке строго так сказал, что Софией назвать велено. А уж кто велел, объяснить не смог, не помнил. Да так и назвали.

Васька тогда расшипился весь, гордый по Киреку шастал, ну и научил по весне, завалил сохатого. Охотник-то он отменный был, и белку в глаз стрелял, и дичи в доме всегда насолено, да наморожено было, а тут бес попутал. Лоси, тогда на особом учете были, за лосят годков к десяти дать могли, да и по деньгам не откупишься. Нашлась же добрая душа, доглядели, да и донесли. Начали копаться, что да как, ну и шкуру и мясо лосевое все обнаружили. В суд дело завели. Васька, совсем духом упал, кому ж по дури, в тюрьму охота. Тут Нинка про рубашечку и вспомнила. Говорили в народе, что кто в рубашке родится, тот счастливым будет, а ес-

ли, беда, какая или суд там, то если рубашечку при себе иметь, то и не засудят ни за что. Нина рубашечку Ваське в одежду и зашила, когда на суд-то поехал. Так и оправдали.

У Нины, первая-то, тоже девочка была, от первого мужа подарочек- Наташа. Смугленькая, черноглазая, волосы густые да черные, в три года уж в косу заплелаась. Ничего Васька-то девчонку не обижал, и конфетку когда припасет для Наташки и от зайчика гостище из тайги завсегда передаст. Мужики-то, когда из тайги домой прут, где если ягода какая подвернется или орешков, в лопушок приворачивали, да ребятишкам, будто от зайчика или лисички, передачный гостище преподносили. И ребятишкам радость и мужикам на душе-то теплее. Так и жили б, если б Васька не в дедов характер удался. А то ведь как припьется - так и в драку, если ни с кем кулаками не почешется, так и Нинке припечатает. А для этого причину найти, по пьяному уму, всегда можно. Если еще и родня над ухом пожужжит вовремя. То де своих девок в поселке не перетоптать, а он с ребенком чужим воландается, да хоть бы сына принесла, то ведь тоже - девку, по кустам-то потом не набегаешься, от чужого прикормыша, сраму не оберешься.

А Васька все слушал, да помалкивал, до поры. Тошно слушать-то было, вот и вымешал по случаю, эту тошноту. Пришел как-то домой, пьяным- пьян, а Нинки дома не оказалось. Теща сидит - носки вяжет. Покрутился, к чему б привязаться, не вымыслил причины, ну и схватил спящую-то Софию на руки. Испугал ли дитя, или взял как-то неловко, только закричало дитя и долго успокоиться не могло. Бабка-то на кухне сидела, а дитя в комнате спало. Забежала на крик, а он уж детеныша в

кроватку кладет, а она орет - спасу нет! Ну, Нинка-то, как пришла домой, бабка ей все и высказалась. Да пока Васька по заимкам, да по родне выгуливался, собрала что можно, да девчушек и поминай, как звали.

Искал он ее долго, и в район ездил, и мужиков, что до района Нину с матерью, да дочками довезли, бил боем смертным, и запил так, что уж искать позабыл. Но не для того сбежала, что б нашел. Да и люди, которые знали, не раскрыли Ваське, Нинкиной дороги. Жалели все-таки, что ни за что, баба страдает. А может и к лучшему все это станет, со временем. Ваське-то скажи, так потом, как припьется, и будет дубасить, все зло срывать, и на правых, и на виноватых. Так и разошлись пути дороги ихние навсегда.

На другой год, ему родня девку присватала. Женился тогда, все чин по чину и в сельсовете расписался и свадьбу играли. Успокоился вроде, не стал по Нинке горевать. Новая- то жена, настрочила ему потом, четверо девоек, зря Нинку за дочку гнобил.

Так и потянулась его жизнь день за днем, без особых вспышек и не без мелких радостей. Крутая беда стороной обходила, а как напьется, то и плачет горько и безутешно, но причину слез никому не говоривал - с перепоя - мол. Нинка-то уехала, а рубашечка родильная, будто у Васьки так вся и осталась. Жена искала везде, но так и не нашла, может в тайге, где в дупло спрятал.

Приберег видно, для, от какой опасности, если.

Часть Вторая

21

Тропинка к заветному озеру вытоптана моими босыми ногами, ее почти незаметно, но я туда доберусь в любое время суток и даже с закрытыми глазами. Кожа, на моих пятках, такая толстая и твердая, что не надо никакой обуви. За зиму, твердая кожа облазит, и к лету становится розовой и нежной, когда весной выходишь на траву, становится щекотно, но это только первое время, а потом уже не чувствуешь ни колючек под ногами, ни камней. Я нашла его случайно, это озеро. Ходила, собирала малину и забыла, в какой стороне поселок. Немного поискала дорогу домой и неожиданно вышла на поляну, сплошь покрытую листьями земляники, приподняв листики, я увидела крупную спелую ягоду! Было так здорово!

На другом конце поляны стояли кусты жимолости, а сквозь них была видна вода. Я раздвинула ветки и увидела чудное голубое озеро, оно казалось круглым, спокойная гладь воды напоминала зеркало, в котором отражались облака, голубое небо и немного, позади стоящих, кустов. Но больше всего, поразил сам берег озера, он был из крупного черного песка. Такая широкая черная полоса, отделяющая воду озера от травы, низенькой и чахлой у самой полосы и сочной и зеленой ближе к кустам. Так же полоской, вокруг озера шла, будто посевенная, трава фиолетового и синего цвета, с мелкими листиками и мохнатыми шариками по верхушкам. Это производило впечатление неземного пейзажа.

Я уселась на этот песок, и стала представлять себе сказочную добрую фею, которая сотворила для себя, такое круглое зеркало в черной раме. Представляла, как

она смотрится в него по утрам и расчесывает свои длинные волосы, любуясь своей красотой. И тут мне стало невыносимо жарко, как будто я сижу на раскаленных камнях, а сверху палит нестерпимое солнце. Я встала и подошла к воде, хотелось попить, вода манила своей прохладой, и я, подняв подол, чтобы не замочить, вошла в озеро шагов на десять. Дно было гладкое и твердое, без ила и водорослей, а ногам становилась все холоднее, с каждым шагом от берега. Вода уже почти закрыла бедра и я, наклонившись, черпая ладошкой воду, стала пить. Вода была холодной и вкусной, ноги стали замерзать, и я быстро вернулась на берег, греться. Контраст был поразителен, горячий песок на берегу и ледяная вода, от которой ломило зубы. Полюбовавшись еще немного чудо - озером, я отправилась обследовать его окрестности.

На противоположной стороне озера, оказалось, несколько не больших водоемчиков, в которых, во все горло орали лягушки. Они привлекли меня, не только громким кваканьем, они были в два раза крупнее обычных, совсем меня не боялись, и я без особых усилий ловила их. У каждой из лягушек было неповторимо окрашена грудка и брюшко. Розовое - в коричневую или зеленую крапинку, желтое - с красными и оранжевыми разводами, голубое - с чудным фиолетовым рисунком. Я долго рассматривала каждую из них, и удивлялась - какую красоту может сотворить природа! Потом, я увидела нечто необычное, такого водяного дракончика, с большим красным гребнем, как у петуха. Он, не торопясь, выполз на кочку, пересек ее и снова опустился в воду. Яркая раскраска и вид необычного существа озадачил и ошеломил меня, но время шло, и мне надо было

пулей лететь домой, иначе мне крепко может попасть от мамы. Пообещав себе, что обязательно сюда вернусь, я быстро выбрав нужное направление вприпрыжку помчалась домой. На ходу думая, что это мой секрет, и я никогда никому не выдам его. Это мое озеро!

На другой день, прихватив с собой жестянную кружечку, хлеба, пару вареных яиц и огурец, я бежала с корзинкой к заветному озеру. Корзинка для земляники, а все остальное для меня. Я собиралась не только по-трудиться, но и отдохнуть. Корзинка наполнилась быстро, и я уселась под кустики в тень пообедать. Вдруг, слышу за спиной глубокий вздох, я затаилась, сижу, жду. Выходит к воде огромный лось, рога короной, шерсть на нем лоснится на солнце, у меня и дыхание перехватило. Лось понюхал воду, опять вздохнул, и пошел подальше от берега вглубь озера, но резко провалился в воде, и она накрыла его вместе с короной. Он быстро вынырнул и рывком кинулся к берегу. Постоял ошеломленный, понюхал черный песок, и вздохнув скрылся в зарослях. Сердечко мое колотилось еще долго, все никак не могло успокоиться. Вот это встреча!

За то, каким вкусным был мой обед! Оказалось, что я проголодалась и с жадностью подмела все, что принесла с собой, если б было еще что-нибудь съедобное, то я бы съела все до последней крошки. Но, к сожалению, ничего больше не было, и я поела еще землянику из корзинки, в надежде, что наберу снова. Да и уснула. Проснулась под вечер, в тайге темнеет быстро. Сразу подумала: «Как хорошо, что здесь нет комаров, а то бы съели меня заживо, пока спала!» Я спрятала корзинку в кусты, и помчалась домой, на ходу придумывая, что сказать бабе Шуре, я ж по землянику отпросилась. Баба

Шура поворчала лениво, даже и на визг не переходила. Сказала: «Не найдешь завтра корзинку - все волосы повыдеру!»

- Ну и ладно, там и волос-то этих! Все поподстриженые, как на овечке! Пусть и остатки повыдерут, не жалко. - А с утра, я уже побежала, будто бы корзинку искать. На озере, тишь да гладь, ни тебе комаров, ни гнуса поганого, ни бабы Шуры. Земляники наспело за ночь, собирай – не хочу.

Так продолжалось до конца лета. Каждый день я бежала туда, к своему, заветному озеру, и мне казалось, что нет места на всей земле красивей и лучше. Вечерами, я засыпала с ощущением счастья и в предвкушении завтрашней встречи с озером. Каждый день оно было новым, когда я сидела и смотрела на противоположный берег, то лес за озером оживал, испарения от воды преломляли свет и деревья, будто шевелили ветвями и наклонялись друг к другу, как живые. А то, когда смотришь на озеро с берега, кажется, что в воде отражаются огромные крылья птицы, видно каждое перышко. Смотришь в небо – птицы нет. Как это так получалось? Я даже пыталась половить рыбу на этом озере, раз есть вода, значит должна быть и рыба. Мне не везло с рыбалкой или рыбы там действительно не было.

22

Закончилось лето, и нудная дождливая осень не дала возможности бывать на озере, только зимой я выбралась на лыжах к заветному месту. Как же я удивилась, что озеро не замерзло! Только черный песок покрыт коркой льда, а вода потемнела и пар, как от горя-

чего. Посидела в сугробе, и слегка удивилась, вокруг озера не было ни одного следа!

Прошла по кромке берега на другую сторону. Там со стороны болота прямо к воде, шли огромные трехпальые следы. Я померила своей ногой в валенке, как раз, два следа получалось. След как будто бы птичий, только совсем большой. Не бывает таких птиц. От каждого следа было четыре моих шага. Я представила, что за машина прошла из болота в озеро. Обратно следа нигде не было. Скорей надо уходить, страшно что-то. Чуть отошла в сторону - и лисы, и лоси, и мелочь какая-то непонятная, всех не перечесть, кто наследил! Пошла домой ждать лета, больше меня на лыжах в тайгу не пустили. Весной, тоже домашние следили, чтоб я не очень-то разгуливалась. Волками пугали, да медведями, что голодные они с зимы, корову будто зарезали и козу в соседнем поселке. Да и змеями тоже пугали, что если на свадьбу змеиную попадешь случайно, закусают до смерти. Так что детей, не пускали без присмотра.

И вот, долгожданная свобода! Я ног под собой не чую, бегу по заветной тропинке, только ветер в ушах свистит. Вот уже и поляна земляничная, и кусты жимолости, и я замираю от неожиданности и удивления – вместо черного песка, вокруг озера белое пульсирующее нечто. Подхожу ближе, и восторгу нет предела – весь берег вокруг озера сплошным ковром, покрыт белыми бабочками! И я уже бегу по берегу и бабочки вспархивают вокруг меня и кружатся в неистовом танце вместе со мной или я вместе с ними! Не знаю, сколько длилась эта пляска, но нет таких слов, чтобы выразить чувства охватившие меня!

Наконец я устала и поплелась на свое, заветное место, чтобы отдохнуть и помечтать. Села так, чтобы, не вставая, можно было полакомиться еще не совсем спелой земляникой, и чтоб тень от кустов прикрывала от солнца. Набрала целую пригоршню крупных ягод и отправила все сразу в рот, закрыла глаза от удовольствия, а когда открыла, почувствовала, что что-то происходит, что-то изменилось, но не могу понять, что именно. Встаю и смотрю на озеро, а там на самой середине, вода поднимается конусом вверх и кружится, движется по кругу как верхняя часть юлы. Конус сверкает всеми цветами радуги и становится все выше. Скорость вращения увеличивается.

Постепенно конус белеет и от его основания начинает отделяться и расти небольшой водяной вал, об разовывая кольцо, вал растет ввысь, и кольцо становится шире, приближаясь к берегу. Из вершины конуса вырывается луч яркого света и устремляется вверх, конус рассыпается, оседает, в это время волна накрывает берег. Захлестывает мои ноги по щиколотки, и я падаю от толчка в грудь..

Полная темнота. Ясное сознание того, что я лечу в черную бездну, состояние полета или даже не полета, а просто какого- то удаления от какой- то точки. Все дальше и дальше, и ты уже растворяешься в этой пустоте, сама становишься этой пустотой. Нет сил и желания вернуться, состояние неизбежности и безразличия, и вдруг, далеко-далеко улавливается слухом какой-то звук. Тут же начинает просыпаться сознание, звук ближе, но еще не ясный, очень далекий. Вот уже почти рядом слышу голос мамы. Она зовет меня по имени, и я возвращаюсь к исходной точке. Чувствуя, ласковое

прикосновения холодных пальцев на своем лбу, этот холод приятен. Лежу и думаю, как мне сейчас попадет от мамы. А пальцы все гладят мое лицо, как будто изучая, ровно, без нервной дрожи. Нет, это не мамины руки, это не ее запах. Осторожно приоткрываю глаза и вижу темные волосы, заплетенные в толстые косы, вернее часть косы, с вплетенными в нее нитками жемчуга и какими-то монетками желтого цвета, монетка величиной с желток куриного яйца, а на ней голова медведя с оскаленной пастью. Волосы пахнут хвоей и свежестью. Мои глаза начинают открываться сами по себе, от удивления и страха. Надо мнай сидит женщина, моя голова у нее на коленях, она смотрит мне в лицо, а на ресницах ее карих глаз дрожат слезы.

-Ты кто?- Спрашиваю я.

-Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого. Пойдем, я покажу тебе, где пить воду, не пей воды из озера, она вкусная, но вредная для здоровья.- Голос ее звучит тихо и ласково, хочется слушать его, бесконечно, не улавливая смысла сказанного. Но она замолкает, поднимает меня на ноги и ведет за руку к огромному кедру, опускается на колени и раздвигает руками желтую хвою у корней дерева. Там круглое углубление, величиной с футбольный мяч, заполненное прозрачной водой. Дно этой криницы, все усыпано прозрачными оранжевыми шариками, из застывших капелек живицы - смолы скатившейся с дерева.

-Пей София, всегда здесь, никогда не будешь болеть и домой носи водички отсюда, а мне пора. - Она проводит рукой по моему лицу сверху вниз и уходит легким неторопливым шагом.

-Тетенька, а ты кто?!- Кричу я вслед, стараясь не упустить ее из вида. Она не оборачивается, но я слышу издалека ее чудный тихий голос.

-Василиса я, твоя .....бушка.- конец фразы почти растворился в воздухе, я не расслышала последнего слова.

-Избушка что ли?- Подумала я, но сразу переключилась на воду, сильно хотелось пить, бежать домой, и никому не рассказывать обо всем, что здесь случилось. Я оглядываюсь вокруг, смотрю на озеро, вся поверхность воды, покрыта белыми бабочками, как будто озеро усыпано лепестками сказочных цветов. Они все мертвые.

23

В поселке все люди наперечет. Все знают все о каждом, и каждый знает все, обо всех. Двери не закрывают на запор даже на ночь. По соседству с нами жил паренек, Костя-сукоручка. Я думала, что сухоручка, но когда рассмотрела, что руки у него нормальные, стала спрашивать у мамы , что означает такое прозвище. Но мама не ответила, сказала, что сама разберусь, когда подрасту. Случай разобраться в значении прозвища быстро представился.

Я шла на озеро, немного обходным путем, чтобы баба Шура из окна не узрела, в какую сторону я направилась. Слыши, впереди меня ветки шуршат, будто кто-то идет мне навстречу. Присела за кустики и смотрю, а это Костя-сукоручка. За спиной одностолка, и руки об траву вытирает. Прошел, не заметил меня. Ну, я дальше трусцой, а в голове так и крутится :

- Где ж он был? -

Слышу писк на поляне, подхожу, а там котята соседские. Два убитых валяются, а один мне навстречу ползет, голова вся в крови и глаз на ниточке болтается. Кошка у них была, Шурка, пушистая сибирская трехшерстная, вот котята от нее и были. Веселые котята такие, играют в траве целыми днями.

Моя бабушка не любила эту кошку, но только за то, наверное, что ее тоже Шурой звали, неприятно иметь тезкой кошку. Кошке наверно тоже.

Увидела я этого котенка, сердце от жалости сжалось, ком к горлу подступил. Подошла, а он не видит ничего и не слышит, его видно головой об дерево ударили с такой силой, что глаз вывалился. У меня слезы градом, не помню, как до озера добежала. Сижу, тоскую.

-Вот гад!- думаю - Даже убить не смог, или помучить хотел?

Но то, что он их без спроса взял и убил, это я знала точно. На этих котят хозяева уже были, их потому и оставили, не утопили сразу, как родились, потому, что их заказывали при мне. Хохлушка, тетя Галя, просила. И соседка наша, тетя Рая, тоже просила оставить котенка. Кошка у них пропала, а без кошки, что за дом. Тут рука мне на плечо ложится и гладит. Голос слышу знакомый.

-Не плачь деточка, много в жизни горя бывает и несправедливости. Надо привыкать быть сильной, в нашем роду все сильные.- Монетки на косах звякнули, оглянулась, а нет никого. Может - показалось? Или правда Василиса приходила, почему ж так сразу и ушла?

Все непонятно с этими взрослыми! И ничего-то их не интересует! Или они все на свете уже видели и знают? Когда мне грустно, я не иду к маме или к бабушке,

я иду в тайгу. Там все ясно и спокойно. На пригорке растет Марын корень, чудесный весенний цветок, а по дальше на поляне - венерин башмачок, большой такой, я всегда хожу, смотрю, когда он расцветет и радуюсь. А знакомых саранок и ирисов вообще не перечесть! А какие ящерицы живут на камнях! Зеленые с коричневыми узорами и совсем меня не боятся!

Мысли прерывает какая-то возня за кустами и веселый мужской голос:

-Ты что София, здесь одна?- Это дядя Игнат. Чего приперся на мое озеро, теперь всем растрезвонит.

-Ага, отдыхаю тут, по малину приходила, но зеленовата, еще.- Отвечаю я.

-А ты на Красный мох сходи, там поспеть должна, но одна-то не ходи, медведица там вчера с медвежонком паслась, может, и ушла ужо, а если нет?- Закурил свою махорку, сел на корягу и пальцем манил.

-Иди ближе, разговор есть.- Хлопает по коряге рукой, чтоб рядом села. Ага, нашел дурочку!

-Так говори, я и так слышу.- Отвечаю, а сама на тропинку кошусь, не догонит, если что.

-Не боись, я не забижу. Смотрю я на тебя, ты все по тайге лазаешь, а ведь не ровен час и беда может случиться. Ты вот здесь торчишь, а ведь место- то это самое гиблое, в наших местах. Сюда не ходят даж и охотники. Я то за тобой сюда пришел, вижу летишь, как всегда, вприпрыжку, слезы с соплям по обе стороны шмыголяют. Дай, думаю, посмотрю, куда енто ты навострилась. А ты-то виши, что вытворяешь!

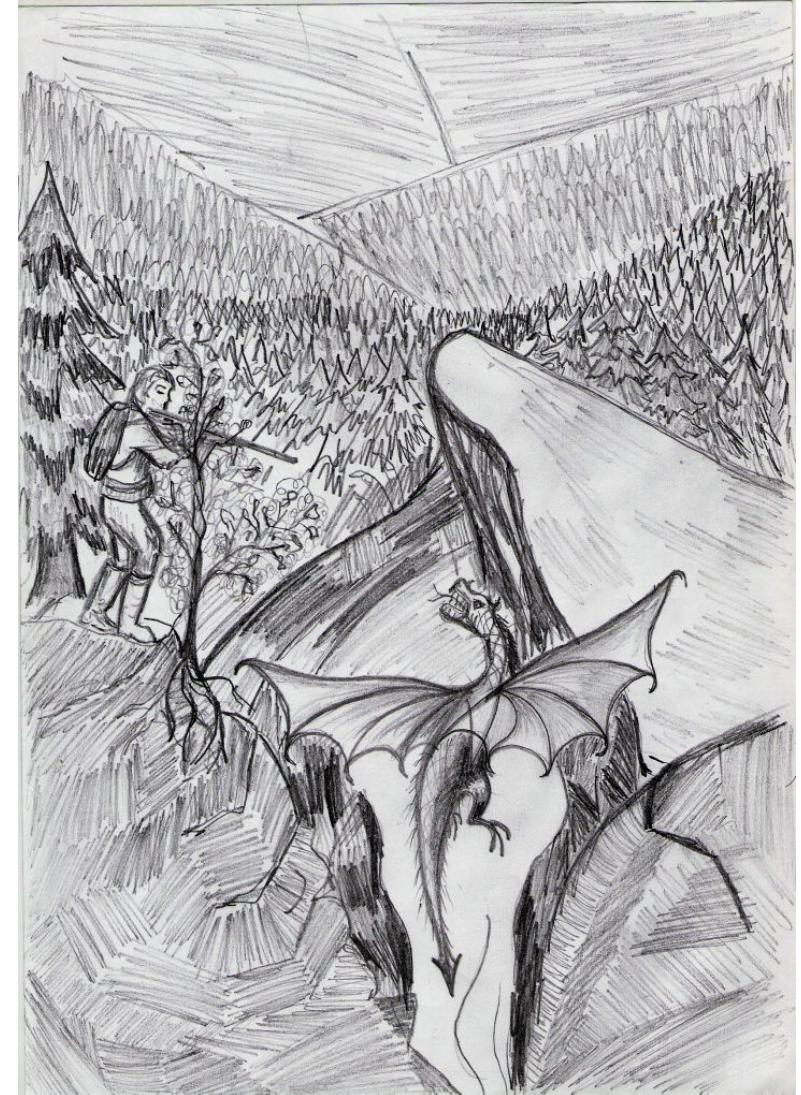
Это озерцо, Чертов глаз, зовется, а вон туда на восток, верстах в десяти отсюда, точно такое же есть. И все- то там так же, и трава, и кусты, и даже деревья и

ягоды. На север от этих озер - болота непроходимые, а между ними в аккурат посередке - гряда каменная начинается и идет она на юг ровно верст двадцать, может и поболее, кто ж мерил-то!

Чем ближе к югу, тем шире гряда становится и выше, а заканчивается она, резко обрываясь в низ. Как спустишься к подножию, там две пещеры.

Если, по утру, на зорьке, туда войти, так хорошо, все осмотреть можно. Чудеса там расчудесные из камней и самоцветов, и сосульки там диковинные и столбы соляные и самородки золотые под ногой прямо найти можно и ветерок, так теплый на выход дует, до заката сумеешь вернуться - твое счастье и все что нашел - твое. А не успеешь - горе тогда. Ветер дуть начинает обратно внутрь пещеры, ни за что не выйти тогда, засосет вовнутрь - не воротишься. Кто возвращался оттуда, до вечера, уезжал молчком из этих мест и никогда больше сюда не возвращался. Так по поверью, сказывают, что если взять оттудова, то один в жизни раз, можно. Пещеры эти называют, Ноздри Дьявола.

А дальше к югу пройти верст около пяти, опять гряда скалистая идет, только уже с востока на запад. Длинной верст в тридцать, за ней сразу другая, повыше и пошире, но между ними пропасть. В общем-то, как посчастливится, то проходишь, с одной гряды спустишься, да и на другую подымишься и вали дальше. А то, между ними дыра образуется, и хода нет. Туманом все покрывается, ни шиша не видать под ногами. Там и дышать-то вредно, такие испарения снизу идут - голова кругом! Если присесть на камни, да прислушаться - стоны изнутри слышно и крики жуткие и вонь серная стоит подле - не продохнуть.

Там тогда долго нельзя находиться, бежать подальше надо. Твари прямо из тумана вылетают такие, что на земле – матушке не родятся. Крылья - как у мыши летучей, перепончатые. Тело продолговатое бурого цвета, и волосы торчком редкие, а роста они всякие, и малые, и с лошадь бывают, хвосты у них как у драконов, что в книжках нарисованы, плоские и с шишкой на конце. Если ударит - может и насмерть. Пасти большие, зубастые, порвать могут, а вот проглотить, нет. Будто закрыта внутри пасть. Словить, и поранить могут сильно, но потом вниз несут, а там кто знает, что твориться. Ад наверно там и есть, это где грешников-то поджаривают, апосля как преставятся! Уж больно жутко кричат они там, сам бы не слыхал - так не поверил бы.

Я по молодой-то дурости все эти места с Пашкой Кнутом, да с Леней Ефановым – вдоль и поперек облавлял. Чуду-то хвостатую, сам я подстрелял. Осмотрели всю, общупали, что у нее, откуда растет и для каких целей предназначено, тока глотки нет у нее и жопы -тож нету. Чем живет, непонятно. Вместо крови из раны дрисня какая-то течет, желто-поносного цвета и воняет серой, спасу нет! Чего только не насмотрелся, да кто верит что ли, чего рассказываю, смеются только. Сами б сходили, да бздят. Ты вот слушаешь, и что получается? - Оскалил коричневые зубы, в улыбочке хитрой.

-Так лицо и получается! Здесь глаз и там еще один, а меж ними нос, потом рот. Дядя Игнат, так это ж самолета можно посмотреть! Тогда- то все и проявится, что ваша правда!- Догадалась я.

-Вот бы глянуть, правда! – Кто ж даст на самолете полететь.

- Так говорили мы, но не верит, ни кто, не надо это никому.- Игнат махнул рукой и задумался.

Я тоже подумала, что врет все наверно, что б меня напугать. Ну ладно про озеро, а все остальное, зачем мне рассказывать? Нет, не врет. Вечером спать лягу – все надо вспомнить об этом, может у мамы спросить?

Дядька Игнат вздохнул, снова закрутил свою махорку, прикурил.

-Здесь одному, что и по многу, нельзя ходить. Старики говорят, кто приходит сюда по незнанию, тут и пропадают. Одежа, ежели разденутся, на месте лежит, а людишки толи тонут в озерке, толи ест их тута кто – неизвестно.- Поплевал на самокрутку, растер коричневыми пальцами.

-Как-то командированных искали, тебя-то тогда еще и в проекте не было, так вот,- нет дна у этого озера! Здесь специалисты ныряли, и канаты опускали со штуковиной на конце, нет дна вообще. Откуда знаш что из этой глыбины вылезет? Можа, чудовище какое, да и сожрет твою молоду жисть? Страшные вещи про энто место говорят! Ты вот тута шастаешь, а ты хоть одну птицу тут видела? Нету тут птиц! Не гнездятся, не залетают и не поют тут птицы-то. Слышишь, какая тишина тут? Ни одна не взягнет тут, а отойди подальше и свиристят, то там, то сям, пичуги неугомонные. Они хоть и птицы, а опасность чуют. Ты-то вроде уж человек, тож должна подумать, догадаться, что тут что-то не так. Облетают птицы это место далеко. Я сам видел как они, даж и перелетные, сворачивают в сторону, чтоб над озером не лететь. Что ты лыбишься? Матери скажу, отдерет как сидорову козу! Геологи рассказывали, что с вертолета, сверху видали это озерцо – чисто как круглый

глаз. Вокруг черным обведено, потом голубая вода, а сердка озера черная, как зрачок!- Поднял руку, да так и замер с поднятой рукой и открытым ртом.

Глаза его смотрели на озеро. Я быстро оглянулась, и ноги, подкосились от удивления и неожиданности, озеро было кроваво-красного цвета! Я глянула на небо - синее и облака белые плывут, а в озере не отражаются. Вода все краснее становится, а середина воронкой вглубь заворачивается, вдоль по берегу забурлило красным, будто изнутри озера огонь полыхает, и из середины озера легким красным туманом два столба к небу поднимаются. Обвиваясь, друг о дружку словно змеи, расходясь в стороны и снова свиваясь, ползут все выше и выше. Сквозь них видно деревья на той стороне озера, но они становятся все плотнее и плотнее и уже выше леса. Там, где встречаются их головы, возникает огненный шар, змеи держат его в пастих с обеих сторон!

-Епрменде!- Кричит дядя Игнат, мы не договариваясь, бросаемся в сторону тропы и бежим , что есть мочи. Я впереди, а он за мной. Ветки больно бьют по лицу и ногам, но, нет сил, остановиться, страх гонит так, что остановка только на опушке.

Садимся рядом и Игнат не в силах сказать ни слова, только руками машет, да по коленкам себя хлопает.

-Кисет потерял!- наконец выдавил из себя дядька. Помолчали, обсуждать виденное не могли, надо было отдохнуть и подумать, что видели, а что привиделось.

-Иж, страсть-то какая! Ужастъ целая! Епрменде! Был бы один, так не поверил бы глазам-то, а так ведь, вота оно как!- опять по карманам шарит, кисет видно ищет.

-Не ищи, если б не потерял, так все равно замочил бы весь табак свой, штаны-то все мокрые у тебя, все равно не покурить бы было.- Отвернулась, дура, знаю, что не то сморозила.

-Дядь Игнат, ты не говори маме про меня, а? Совсем запрет дома, да и побить может, а?- Смотрю в глаза умоляюще.

-Не боись, я - могила!- Поднялся, огляделся, и как будто что-то вспомнив, быстро засеменил к дому.

24

Спала я той ночью плохо, под пологом душно было, полог поднимешь- мошка заедает. Уснешь, чудища всякие снятся. Потом, чувствуя – сидит кто-то на постели рядом. Думала баба Шура или мама пришла ко мне, может, кричала я во сне, да и разбудила кого-то из них, повернулась - а сидит Василиса! Палец к губам приложила, а я и так слова сказать не могу, и говорит, не шевеля губами:

-«Ты София, на озеро больше не ходи. Опасно там теперь стало. Если надо будет, я сама к тебе приду и скажу когда на озеро прийти можно. Поняла? Озеро твое от тебя никуда не денется, связаны вы с ним на всю жизнь. Ты не бойся ничего, я всегда приду к тебе на помощь. А теперь спи.»-

Не хило она меня уторкала! Я до следующего вечера и проспала. Мама прибегала с работы даже температуру мне померить, заболела, думали. Но ничего, я поела вечером, да и снова спать легла. Что-то, вроде как в паху мешало маленько, но я не обратила внимания. А ночью, как заболит нога от колена до паха. Я встала, а боль так и просквозила по всему телу, как стрелой про-

стрелило. Очнулась потом, уж и все на ногах домашние. Ногу смотрят, а она как булка, раздулась и красная, и горячая. И сама я вся огнем полыхаю. И озеро красное перед глазами, и две змеи извиваются. Закрыла глаза, лежу, открывать больно, на свет смотреть не могу.

Потом повезли меня куда-то на машине, с мамой в кабине сидим, а я вниз посмотрела, а там, под бардачком, труба какая-то виднеется как гофрированная, я ее бояться стала, она мне напоминала горло. Когда корову резали, такая как бы трубка из горла торчала. Я маме говорила, но она так и не поняла меня. – « Не смотри туда!»- Прижала к себе, так и доехали. В больнице сказали, что ногу ампутировать будут. Я не знала, что такое ампутировать. Думала, значит, лечить. Обиделась на маму, когда она кричала сквозь слезы врачам: «Коновалы! Чему вас только учили! Девочке ногу ампутировать! Пусть лучше умрет, чем калекой всю жизнь проклинать меня будет!»

В другой больнице тоже нас не обрадовали. И повезла меня мама к какой-то бабушке лечить. Ногу-то уже тогда совсем разворотило, и пузырь какой-то вздулся, как от ожога.

Бабка меня положила на свою кровать, раздela до гола и шептала что-то, плевалась и снова шептала. А я так с дороги умаялась, что и уснула.

Ночью проснулась - сидит рядом со мной Василиса. Бабка спит на полу подле кровати, маму- то и шофера в другую половину дома положили. Василиса достала из рукава что - то и медленно начала водить мне по больному месту, против часовой стрелки, казалось, что будто ток проходит между моим телом и ее рукой. Мне не видно было, что у нее в руке, потом я чувствовала ее

холодные пальцы, прикасающиеся к ноге. Она сидела долго, потом поднялась и я успела спросить, что это у нее в руке.- «Громовая стрела.» - Ответила Василиса.

Я не знаю, сколько я спала, но проснулась я от голода. Села на кровать и чувствую, что подо мной все мокрое и скользкое. Откинула одеяло, вся простынь в гною. Нога моя уже не такая пухлая и не красная как была вчера, а в середине опухоли – дырка большая, мизинец влезет, и так из нее и вытекает гной с кровью. Мама пришла, бабка засуетилась, гной давай вытираять, да еще и выдавливать хотела, но я не дала, сказала, что Василиса давить не велела, пусть все само очистится.

На другой день и домой поехали. Всю дорогу мама сокрушалась, ругалась и радовалась, что не дала мне ногу ампутировать. А когда приехали домой, нас встретила милиция. Пока мама ездила со мной по больницам и к бабке, у нее обокрали магазин. Она продавцом работала. Люди все складно придумали, будто мама с шофером краденое увезли и меня прихватили заодно. Ждали их, в засаде сидели, когда они за бабой Шурой и за сестрой моей Наташой приедут. Не выпускали их из дома, чтоб не сбежали. Начали разбираться, что да как, в общем, сказали маме - «Сама если найдешь кто обворовал магазин - вся недостача спишется, не найдешь- платить будешь!»

Сперва-то, шок, конечно, был, а потом мама магазин открыла, прибрала там все. Воры-то в складское оконце проникли в магазин, а в него только ребенок или совсем худенький человек пролезть смог бы. Мама все думала, с бабой Шурой каждый вечер обсуждала все детали кражи. Ну а я помалкивала, да слушала все. Перед тем как мне заболеть, за месяц, наверное, привезли к

маме в магазин товар и были там туфельки четыре пары. Красивые китайские, на каблучке, замшевые черные, носик открыт, а от носика по боку дырочки позолотой окаймленные. Три пары сразу купили, а одна осталась. Потому, что размер тридцать третий, малы всем оказались. Моей мамы размер. Ножка у нее маленькая, да мама и сама тоже не велика. Но туфли-то дороговаты для нее были, а когда мерила их в магазине, за ящик задела немного, но полоска на замше так и осталась. Она их и убрала под прилавок, что если скопит на туфельки, то и купит, а так по размеру некому купить, зачем на прилавке пылиться. Вот эти туфельки и украли вместе с остальным товаром. На этих туфлях-то по зиме и попались. Пошли в клуб на праздник, кино там крутили, да и танцы после фильма. Мама свои туфельки и увидела на одной дамочке. Сообщила кому надо, ну тех и забрали. Они не один магазин уже опустошили, только поймать их никак не могли. Эта дамочка худенькая и маленькая как подросток, а муж у нее как медведь здоровый, еще у него два брата. Эта дамочка в окошечко и пролазила, все ценное в окно передавала и тут не устояла, уж больно туфельки красивы были. На суде, воры, пригрозили маме, что все равно убьют и ее, и нас.

25

А весной бабе Шуре ответ откуда-то пришел. Родню, она свою искала. Наводнение какое-то было, и вот растерялись они и не знали, кто - где из родни теперь живет или погиб в наводнении. Нашлась ее сестра Катя, в городе Кургане. И письмо от них пришло, звали они нас к себе в Зауралье. Мама боялась, конечно, что эти воры отомстить могут. Ну и согласилась поехать. Меня

с Наташей и с бабой Шурой на поезд посадила в Красноярске, а сама осталась пока все дела не управит.

Как здорово ехать в поезде! Я жила и кроме тайги ничего не видела, а оказывается, есть еще и большие города, и маленькие поселки и везде живут люди! Сколько же это людей на земле живет? Взрослые наверно все друг друга знают. Нет, как они могут знать тех, кого не видели ни разу. За окном столько всего интересного! Мы с Наташей лежим на верхней полке и смотрим в окно, а там поля, леса, березы, и коровы прямо целым стадом идут, я даже не успела посчитать как много! И вдруг какой-то рывок и мы уже летим с Наташой вниз. Я сильно ударились коленкой об полку, скочила на ноги, и слышу крик бабы Шуры. Она сидела где-то внизу, я и не видела, теперь она кричит, и все лицо у нее залито кровью. В вагоне крики суматоха. Кто-то сорвал стоп-кран. Баба Шура ударилась лбом об обитый железом острый угол столика, который у боковых мест и рассекла лоб. Нас сняли с поезда и на машине скорой помощи отвезли в больницу.

Там мы с Наташей скучали несколько дней, потому, что нас не выпускали никуда, и к бабушке тоже не водили. Мы плакали и спали. Наконец бабу Шуру, привели к нам. На лбу у нее была громадная синяя шишка, через края зашитая толстыми серо-белыми нитками. Она ругалась с врачами, что ей надо ехать, а они не отпускали, пока не спадет опухоль. И все-таки мы поехали дальше.

Оказалось, что ехать нам оставалось меньше суток, и на другой день мы были уже в Кургане. Нас встретили родственники, и мы все радостные пошли с

вокзала к тете Вере, маминой двоюродной сестре. Там мы и оставались жить, пока не приехала мама.

Я очень скучала по маме, здесь все было чужим, и люди, и дома, и воздух. Баба Шура тут же стала навещать свою многочисленную родню и везде брала свою любимицу Наташу. А я снова была предоставлена сама себе. Люся, дочь тети Веры, была уже взрослой девушкой и смотрела на меня свысока, называла деревней и зверенышем и это за то, что я сказала, что у них домик старый и маленький, что у нас там, в тайге, дом большой и светлый. Она чтобы не присматривать за мной, в отсутствии бабы Шуры, познакомила меня с соседской девочкой Леной. Вот мы с Леной и проводили время вдвоем. Лена как - то сказала:

-Хочешь конфетку?»-

-Хочу.- Ответила я, удивившись такому вопросу, кто ж не хочет.

-Тогда пойдем, вон дед видишь, на лавочке сидит? Все очень просто, подходишь к нему, здороваяешься и садишься рядом. Он тоже спросит:

-Хочешь конфетку? Тогда бери вон в кармане!

-Ты руку в карман сушь, а там не карман, а просто дырка. Ты там пошаришься хорошо, и найдешь конфетку, если долго будешь искать, то он потом еще одну даст. Ты не бойся, это сперва, боязно и противно, а потом привыкнешь - ничего. За то конфеты! - Говорит она, и пока я стою, она отправляется к деду, сидит с ним, шаря у него в кармане и оглядываясь по сторонам, чтоб ни кто не увидел ее действий. Пришла, конфета в рту, руку понюхала и скривилась.

- Хочешь понюхать?- спрашивает.

-Нет!- отвечаю я, не предвида ничего приятного от этого запаха, судя по ее гримасе, но все равно нюхаю.

-Фу, какая гадость!- Даже и конфет расхотелось.

-Ничего, привыкнешь! Когда меня, ваша Люська, научила к деду ходить, то говорила, что воняет. Ты Люське не говори, что я про деда тебе сказала, а то побьет. Ну, иди что ли!

Иду к лавочке, здороваюсь, сажусь рядом. Дед, в общем- то, не так чтоб дряхлый, борода белая почти до пояса, волосы сзади подстрижены по плечи, рубаха синяя и брюки коричневые.

-Здравствуй,- говорит. -А ты чья будешь?-

-Так приезжие мы, к Сафоновым.- Отвечаю.

-А конфетку-то хочешь?- посмеивается.

-Хочу, если угостите. - Самой что-то нехорошо стало, противно как-то.

- Так возьми, вон в кармане-то, не бойся. Сколько найдешь, все и бери.- На карман в брюках показывает. Ну, я руку-то в карман, а там кармана-то и нет, а что-то мохнатое и скользкое и дряблое все. Я руку выдернула и говорю:

-Ни хорошо, дед, а маленьких обманываешь. Там и нет никаких конфет и трусов у тебя даже нет!- А он смеется.

-Ты плохо искала, подружка твоя нашла, а ты вот попробуй еще, может, и найдешь, конфетка там есть, и даже не одна!- Сам снова подставляет карман. Я встала и пошла к Ленке. Обидно было, не хотелось мне таких вот конфет из такого кармана. А Ленка уж навстречу бежит, смотрит, что в руках у меня есть или нет.

-Ну что, ты не стала что ли?- смотрит так злобно, как будто, я все испортила.

-Нет у него там конфет, ты наверно все забрала!

-От дурра, тебе надо было пошариться хорошо, ну ладно, постой здесь, я сейчас и тебе принесу.- Она идет к деду, а я нюхаю свою руку.

- Нет. Я не хочу таких конфет!

Ленка пришла не скоро, но пригоршня карамелек в руке у нее была, еще две шоколадных в кармане. Конфеты поделили поровну, карамельки, а вот шоколадные, Лена со мной делить не стала, для себя оставила. Я не обиделась, заработала сама, пусть сама и ест! Конфет, почему-то, хотелось всегда. Не скажу, чтобы как-то обделяли меня в этом плане, но жизнь без конфет, была совсем неинтересной и скучной.

-Сонь, ты не думай, он просто старый и вот так угощает нас. Он раньше учителем в школе работал, все говорят, что грамотный он и читает много и сейчас все на лавочке с газетой сидит.- Лена будто оправдывалась передо мной, или отвлекала мое внимание от шоколадных конфет, лежащих у нее в кармане. Я почему-то повернулась и пошла домой, не знаю почему, но как-то в груди заныло. Зашла в дом, а на кровати кофта белая лежит и мамой пахнет. Метнулась туда - сюда, а мама в огороде с тетей Верой разговаривают. Как я по ней соскучилась! Какая все-таки самая-самая милая и дорогая моя мама!

26

В Кургане, мы прожили еще год. Мама работала ревизором в горторге, мы с Наташей, учились в школе. Училась я с Леной, в одном классе и из школы, мы вместе ходили домой. Часто уходили на вокзальную площадь, и просто ходили по магазинам, глазели на витрины, где всего было полным полно. Потом, через парк направлялись к дому и болтали, просто, ни о чем. Иногда, я рассказывала Ленке про тайгу, про цветы и орехи кедровые, но про озеро, я не могла ей рассказать. Язык не поворачивался.

-Какая ты счастливая, Сонька, ты и тайгу видела и все что там есть, а я в этом городе, ничегошеньки, кроме школы и детского сада!- Лена смотрит с завистью. Чему завидовать? Придет время, и она куда-нибудь поедет.

В тот день, мы тоже шли через парк, мы столько выпили газировки из автомата в гастрономе, что страшно хотелось писать, мы забежали в туалет в парке, и я присела сразу у входа на дырку, только управилась и встала, чтобы надеть трусики, в туалет заскочил парень. Я не успела даже сообразить, в чем дело, он подскочил ко мне и схватил рукой между ног, я завизжала от испуга и неожиданности, и оттолкнув его, выскочила из туалета, с трусами на коленках. Быстро натянула их, оглянулась, где же Ленка? Да и портфель там остался, в туалете. Я покричала Лену. Тишина. Смотрю, тетка какая-то идет, я ее остановила, и рассказала все, как было. Она взяла палку и вошла в туалет. Почти сразу выскочил парень и быстро побежал в сторону вокзала. Тетка орала на Ленку, обзвывала сучкой малолетней, а Ленка красная вся, только ухмылялась, прихватив с собой и мой портфель, вышла, показав тетке язык. Мы пошли домой, а

тетка все смотрела нам в след и качала головой. Мне почему - то стало стыдно, как будто я сделала что – то, очень плохое.

-Лен, что там было-то? Ты чего не орала и не выходила так долго, я так испугалась, что не знала что делать, а тут тетенька идет?- Почему-то виновато , сказала я. А Ленка улыбается, загадочно так.

-Знаешь, а мне понравилось, когда он по мне рукой водить начал, прямо заныло все внутри, так приятно было! Я никогда такого не испытывала, Сонь, это наверно любовь, да?- Смотрит мне в глаза, а у нее глаза, затуманенные какие-то и влажные, будто сейчас заплачет.

-А ты его знаешь что ли?- Спрашиваю, раз любовь, то наверно знает. Но она, качает головой отрицательно.

-Нет. Если б не тетка, то, наверное, знала бы теперь. Он уже все свое достал и начал по мне водить, а тут эта дура, забежала и палкой ему по спине, он все спрятал и побежал. Ты знаешь, а я еще теперь хочу. Дай каждый день, его тут ждать будем, может он снова придет. Он же меня хочет, а раз хочет, значит любит! Ты только дома не рассказывай, а то не пустят никуда.-

-Не знаю, может, и мне бы понравилось, но я испугалась сильно, не ожидала просто, но ходить я не буду с тобой, его ждать, если он тебя полюбил, значит, сам тебя найдет. Когда любят, то находят друг друга, даже и в большом городе и даже в бесконечной тайге. Самое сильное на свете – это любовь!

-Ты не понимаешь, город такой большой, твоя тайга, по сравнению с городом, просто конура собачья, поняла! Ему другую любовь найти легче, чем меня в таком городе! А я теперь буду любить, и страдать, и уме-

реть могу от неразделенной любви! Понимаешь?- Лицо у Ленки стало злобным .

-Это все ты виновата! Побежала: -Тетенька, тетенька!- Да ты мне все сердце разбила! И ему тоже, еще и палкой моему любимому попало! И все из-за тебя! Потому что ты - дура! Дура! Я ненавижу тебя!- Ленка бегом побежала назад, наверно искать своего любимого, а я тихонько пошла домой, все еще ощущая на своем теле тепло его руки.

-Да, сказала я себе, это что-то новое в моей жизни. Что-то, разбудил внутри меня этот парень, или Ленка своими словами. Теперь, это будет преследовать меня всю жизнь, изменить-то ничего уже нельзя.

Больше мы с Леной не ходили вместе из школы. Она шла из школы в сторону парка, а я шла домой, на улицу Парковая, дом шестнадцать. Потом начались каникулы, и я затосковала о природе, о своем далеком озере. О цветах, которые никогда не смогут заменить садовые. Еще, из армии пришел тети Веры сын - Вовка. Он возненавидел меня сразу, как только я отпустила с цепи, ихнюю собаку Жучку, и она покусала его пьяного друга Витьку. Он дал мне пощечину, довольно внушительную. Я сидела в огороде и горько плакала. Мама меня никогда не била, если только баба Шура за волосы иногда теребнет. Поэтому, наверно, обидно было, что чужой дядька по лицу ударил, да и больно все-таки. Тут Василиса и появилась! Я даже и не заметила, как она подошла, гладит меня по голове и говорит:

-Не плачь, скажи маме, что надо в деревню уезжать. Здесь вам не прожить будет. А там и дом свой будет и ни кто тебе по лицу больше не ударит. И я там с тобой буду! – Я хотела спросить у Василисы, почему

она так долго не приходила, но ее уже не было рядом. И я подумала, что я плакала и заснула, вот и приснилось мне все. Но маме я все-таки передала слова Василисы, только, как бы сама все это, я так думаю. Мама согласилась, что жить в такой тесноте невыносимо дальше. Мы переехали в село Меньшиково.

27

Мама стала работать в сельпо бухгалтером. Дом нам дали прямо напротив конторы, через дорогу. Баба Катя, сестра бабы Шуры, подарила нам на новоселье пестрые половики, тканные из разноцветных тряпок, в комнатах было весело от этих разноцветных полосок. И еще подарила на новоселье рыжего пушистого кота. Я назвала его Мартын, потому, что он родился в марте.

Лес был недалеко, и еще, почти рядом, был молокозавод, а там, на крыше жили дикие голуби. Их было так много, что они покрывали всю крышу, когда прилетали с кормежки. Были чисто белые, рыжие и в крапинку, но больше всего было сизых голубей. Мне так хотелось поймать и разводить их дома на крыше. Я поймала на заборе в огороде ящерицу, большую, коричневую с желтым брюшком, посадила ее в банку стеклянную и ловила ей мух и кузнечиков. Пока не пришла Василиса ночью, во сне, и не приказала отпустить. Жизнь изменилась к лучшему! Василиса стала приходить ко мне почти каждую ночь, и рассказывала мне о разных интересных вещах. Но чаще всего мы путешествовали, оказывались с ней на моем озере, или в тайге. Мы ходили с ней по пещерам и поднимались высоко в горы. Я видела, как встает солнце, и как красиво северное сияние. Все это нельзя было рассказать кому-то, не хватило бы

слов для описания, и разве кто-нибудь мог мне поведать?

Наташа, старшая сестра, всегда была отличницей, в свободное от уроков время - читала книги и не нуждалась в чьем-либо обществе. Тем более с высоты своей значимости, сидя на печке, она называла меня - врушей, и я уже никогда ничего о Василисе и о моих снах, ей не рассказывала, а больше и некому было. Я любила Наташу как старшую сестру, и даже завидовала ей, что она старшая. Ведь я должна была ей подчиняться, она всегда была права. Это осталось во мне навсегда. Даже став взрослой, имея семью и детей, я не могла с ней спорить, отстаивать свою точку зрения. Каждая оставалась при своем мнении, и это уже не обсуждалось.

Училась я не плохо, но в передовые как-то не стремилась, учиться было мне легко, я вообще-то и уроков устных никогда не учила, я их в школе слушала, и было достаточно, я все знала и помнила. Ну а письменные приходилось писать. В основном старалась, а иногда - лишь бы написать. Мама всегда доверяла нам с сестрой, и уроки мы учили по собственной воле. Никогда не проверялось, учили мы уроки или нет. Все сводилось к конечному результату. Даже и на собрания в школу мама никогда не ходила. Ругать нас было не за что, а когда хвалят, маме неудобно как-то становилось, вроде и гордилась, и перед другими, которых ругали, не по себе было. Баба Шура иногда ходила в школу, беседовала с классными руководителями по очереди, сначала с Наташиным, потом с моим. Вечером соответственно и беседа была. Хорошие оценки - молодец! Плохие оценки - стыд и позор!

166

167

После полудня из-за горизонта выглянула туча. Хохотнула издали, и спряталась за кромку леса. Я шла по дороге ей навстречу, и не было желания вернуться и переждать непогоду дома. Шла как будто навстречу своей судьбе. Чужой пес проводил меня до околицы и вернулся назад. Погодя туча появилась снова, тяжело нависла над лесом, почти черная в середине и белесая по бокам, она брызгала молниями и грохотала громом не прерываясь.

Я была на середине пути между лесом и селом. Туча утихла и замерла, распластавшись над лесом. Наступила гнетущая тишина. Замолкли птицы, помалкивали собаки. Все стихло, бессильное и беспомощное перед силой природы. Воздух, как - будто разрядился, вдыхаешь, но не чувствуешь кислорода, пот струится по всему телу, вытираешь, но он тут же появляется снова. Давит виски и хочется заорать во все горло. Чувство безысходности и тревоги заполняет все существо. Но отступать некуда, я далеко от дома и далеко от леса.

Внезапно налетает ветер, срывает мелкие сучья с деревьев, несет с собой какой-то невероятный мусор и густую непродыхаемую пыль. На теле не успевшем просохнуть от пота, появляется грязная корка, засыпающая на ветру. Приседаю, под порывом ветра, чтобы устоять на ногах, прячу глаза и закрываю нос и рот по долом платья, чтобы не задохнуться от пыли. Вдоль дороги деревья и кусты желтой акации, но они не защищают от ветра, потому, что он дует со всех сторон сразу. Пытаюсь повернуться к нему спиной, чтобы легче было дышать, но безрезультатно. Ветер все равно дует в лицо. Первые капли дождя крупные, редкие и холодные,

с новым порывом ветра, прибивают дорожную пыль. Ветка, сорванная с дерева, больно бьет по спине, но дышать становится легче. Еще несколько порывов ветра едва не сбивают меня с ног. Ветер внезапно прекращается, и я слышу странный шум, даже не шум, а какой-то гул, поворачиваюсь в сторону звука и вижу сплошную стену дождя, надвигающуюся на меня со стороны леса. В страхе, бросаюсь под первое попавшее дерево и, в ту же секунду стена теплого и чистого дождя накрывает меня, смывая с моего тела и одежды пот и грязь. Дождь льет как из ведра, освежая и успокаивая. Расправляю складки на платье, провожу ладонями по лицу и рукам, встряхиваю волосы, чтобы смылась вся пыль. В глаза бьет яркий свет....

Черная и беспросветная пустота, я ни что и ни кто, просто - я. Нет тела, имени, нет никого рядом и ни кто не нужен. Нет страха и нет ощущений. Пустота раздвигается, и проносится сквозь, она бесконечна.....

Вдруг где-то на краю этой пустоты, тихо-тихо звенякает колокольчик. Еще. И еще. Уже ближе. Нет, это не колокольчик, я начинаю узнавать звук монеток, ударяющихся друг о дружку в косах Василисы. Вот что - то, коснулась моей головы, я чувствую тепло от ее руки на своем лбу. Слышу ласковое воркование, но не могу понять слов, до меня не доходит их смысл.

Я вижу Василису с закрытыми глазами, потому, что не могу их открыть, нет сил, открыть веки. Василиса сидит рядом со мной и держит на коленях мою голову. Она гладит меня по волосам и все время что-то говорит мне. Тихо в такт ее движениям, позвякивают монетки в ее косах, на запястьях браслеты чудной красоты - две переплетенные между собой змейки, держащие в пасти

диск, на котором оскаленная пасть медведя. Где-то я видела это чудное сплетение змей?... Да! Я видела это на своем озере, только между змеями был огненный шар, а может диск...

-Убило! Девчонку молнией убило!- истошный крик окончательно приводит в себя. Открываю глаза, вижу ветки дерева, синее небо, и на миг крыло в небе, огромное крыло. Саму птицу закрывает ствол дерева, расколотый надвое до самых корней и обугленный изнутри, оттуда идет пар, что-то булькает, как будто варится. Вокруг бегает баба в темно синем фартуке, ноги у нее босые, облепленные грязью до самых колен. Она орет не переставая.

-Надо в землю закопать, не троньте, не подымайте ее с земли!- Пронзительный визг больно режет уши. Хочется заткнуть их и полежать в полной тишине, потому что болит голова. К горлу подступает тошнота от этого жуткого крика. Какая-то суeta, приглушенные мужские голоса, говорят все разом, но не понять что. Меня в это время мучает вопрос:

-Какая же должна быть сама птица, если ее крыло закрывает полнеба?

Я видела такое крыло отраженное в озере, в моем озере...-

Подъезжает телега, меня осторожно кладут на солому и везут. Лошадь скользит по грязи, идет тихо. Ни кто уже не орет, я вижу синее небо с медленно плывущими белыми облаками. Лошадь время от времени всхрапывает и плавно везет меня в село.

-Странно как-то, по спине красная полоса, но это не ожег, а скорее ушиб. На лицо вроде удар молнией, а видимых признаков и нет. Ну, ты София, в «рубашке» родилась наверно! – говорит врач. Долго осматривает, проверяет зрение, слух.

-Неделю придется полежать, ты не плачь, все будет хорошо. – Он стремительно выходит из кабинета, так что полы белого халата не успевают за ним и разворачиваются как от ветра. Я и не плачу вовсе, но неожиданно для себя замечаю, что слезы бегут из моих глаз сами по себе, без моего ведома.

Вытираю лицо, глаза, но по щекам снова пробиваются мокрые полоски. Я чувствую, что к горлу подступает тошнота. Входит медсестра и укладывает меня на кушетку, потом готовит шприц для укола. За дверями врач тихо разговаривает с мамой. Говорит что-то об изменении состава крови, о районной больнице. Они уходят от дверей, а мне ставят болючий укол и уводят в палату. В палате восемь кроватей, только они, все заправлены синими шерстяными одеялами, почти все пустые. Там ни кто не лежит. Только рядом с моей кроватью, ну, куда меня поместили, девчонка примерно как я по возрасту.

Семь дней пролетают незаметно. Все ходят ко мне в гости, рассматривают и спрашивают, что со мной случилось, и что я про это помню и чувствую. Совсем незнакомые люди приносят мне гостинцы и все говорят, что я молодец! Да уж, не больница бы, так баба Шура, меня б за волосы так бы прихвалила. Я в лес без спроса ушла. Она мне сказала помыть крыльцо, а потом грядку

прополоть с морковкой. Я все сделала, и наверное, во избежание новых поручений, умоталась куда подальше, а точнее - в лес! Так решили взрослые. Хотя определенной цели своего визита в лес, я вроде бы и не говорила ни кому. Было страшно вспоминать или просто не хотелось.

Все было так хорошо, если б не эта гроза. Меня поманил не лес, а гроза! Я видела и знала, что что-то должно было произойти, но не могла себя пересилить. Меня тянуло в сторону тучи, какая-то неведомая сила приказала мне идти, я не в силах была сопротивляться этому. Потом я искала себе оправдание, но не могла объяснить даже сама себе, зачем я туда пошла? Когда я услышала, что-то похожее на отдаленные раскаты грома, я сидела у грядки с морковкой и скрупулезно выщипывала сорняки, меня охватило волнение. Я начала торопиться, чтобы успеть. Не понимала куда тороплюсь, и что, должна успеть, грядка уже почти была закончена. Я сидела, и все время смотрела в сторону леса, ждала определенного момента, когда надо встать и идти. Кто определил этот момент? Почему меня сорвало с места и понесло навстречу стихии? Я всегда боялась грозы, и буду бояться ее до самого конца. Она открыла мне многое, изменила мою жизнь до самого основания. Я стала другой. Только почему именно я, и зачем мне все это? Может быть, со временем, я сама найду ответ на этот вопрос, может Василиса откроет мне истину, только это будет уже другая история.

Василиса разбудила меня ночью, в палате было темно, и я спросонок, не поняла сначала, кто сидит у меня на кровати, рядом со мной. Думала, что укол при-

шли ставить. Но, услышала знакомый голос, и сердце приятно заныло. Я так по ней соскучилась!

-Ты теперь будешь многие болезни видеть у людей, не спеши им об этом говорить. Тебе учиться надо, профессию получить. Помочь ты всем не сможешь, а себе навредить, да. Так если когда в виде исключения, можешь сказать о болезни человека, если только ему нужна такая информация.

Часто будешь видеть и понимать, что человек должен умереть. Тоже не говори ничего. Скажут - нарката беду! Привыкай ко всему, тебе теперь с этим жить. Постарайся жить так, чтобы люди не заметили того, что ты предвидишь события, которые должны с ними произойти. Не выставляй напоказ свои знания, ты не заслуживала их, тебе их просто дали. Не забывай, что обида, нанесенная тебе, жестоко отольется по всей крови обидчика. Не создавай себе врагов, живи со всеми в мире. Человек, существо вспыльчивое и не всегда достойно наказания, чаще, прощения и понимания. Я не всегда буду с тобой, поэтому ты должна сама теперь оценивать ситуацию, и поступать так, как надо, а не так как тебе хочется.-

Она поднялась и вышла из палаты, тоненько прозвенели монетки в косах, в такт ее шагам. Остался запах свежей хвои и легкость в теле. Я лежала и думала над ее словами. Она никогда не говорила со мной так, как со взрослым человеком. Даже интонация голоса была совсем другой. Ощущение вины, вдруг захлестнуло меня. Я, что-то сделала не так! Все стало по-другому, по моей вине! Наверно, Василиса обиделась на меня. Но я не хотела, я просто не смогла иначе!

-Ты что, плачешь? - Девочка с койки рядом, включила свет и подсела ко мне на кровать.

-Тебя тетенька обидела, да?- Она наклонилась ко мне и дала мне яблоко.

-Какая тетенька?- Схитрила я. Ни кто ж не верил, что Василиса есть на самом деле, что она не сон, а реальный человек.

-Ну, та, что сейчас вышла. Она же с тобой разговаривала долго, сидела вот как я сейчас. Только я не поняла, что она тебе говорила. Слова вроде как все слышала, а о чем разговор не поняла даже. А почему она ночью пришла? Ночью не пускают к больным! Наверно она здесь работает?-

Я не знала, что ответить доброй девочке. Сказать про Василису, начнутся расспросы. Не сказать, она скажет врачам, что ко мне ночью приходила тетенька, опять начнутся расспросы. Решила переменить тему разговора.

-А тебя как зовут? Меня зовут Соней. Вообще-то Софой наверно, потому что в метрике – Софья, а крещеная Софией. Ну, в общем, разницы нет, как хочешь, так и называй.-

-Меня Клавой. Я из Пролетаровки. Говорили, что тебя молния ударила, правда? Думали, что не спасут тебя, и что ты, будто бы, на том свете побывала! А я тут вторую неделю лежу, у меня глисты, что ли. Живот болит, и никто не знает почему. И клизму делали и таблетки давали от глистов!- Выпалила Клава.

-У тебя, Клава, вот тут, - Я показала на низ живота справа- как то нездоровое показывает. Будто чернота какая-то. Ты скажи завтра доктору, что вот тут болит у тебя, и они тебя вылечат.

-Ладно, скажу. Только там и не болит вовсе, обманывать – нехорошо, да еще и врачей! Но я все равно скажу, как ты велела. Мы же с тобой подруги. А вдруг, и правда вылечат. Давай еще поспим пока, а то утром укол придут ставить, а мы не выспавшись.- Клава выключила свет и легла на свою кровать. Я тоже уснула, а когда проснулась, Клавина кровать была заправлена чистыми простынями. Вошла медсестра и сказала:

-Ну что, проспала Соня, твою подругу в областную больницу увезли. Аппендицит у нее, операцию надо делать. Она так хотела тебе что-то сказать, но будить было жалко. Вот записку написала, возьми.

В записке было написано, что мы с Клавой подруги на всю жизнь, и что мы еще увидимся. Я мысленно пожелала Клаве здоровья и удачи. Меня тоже выписывали из больницы, и я точно знала, что у нее все будет хорошо, и что мы обязательно встретимся.

Забирала меня из больницы баба Шура, мама была на работе. Баба Шура, всю дорогу ругала меня, что я такая мерзавка, и что я не думаю, что творю. Но я на нее не сердилась, я знала, что бабушка все равно любит меня. А ругается просто для порядка, ну не хвалить же ей меня!

30

Клуб в селе находился далеко от нашего дома, почти через все село идти надо. Поэтому в клуб пускали редко, только если концерт или фильм индийский. На танцы не пускали. Теперь я считаю, что правильно и делали, что не пускали. Парни на танцы только в пьяном виде ходили. По трезвому, видимо, смелости не хватало или скучно было. Мы с Наташей на танцы после кино

остались. Потанцевали, с девчонками пообщались и как то потеряли друг друга. Получилось, что она искала меня, а я, ее. И потом побежали догонять друг друга. Она подумала, что я уже ушла. Пошла за мной, мне сказали, что она ушла, и я побежала за ней, чтобы домой вместе прийти. Было темно, и я старалась идти посередине улицы, чтобы было как можно больше пространства для обзора. Я услышала за спиной быстрые шаги и подумала, что это Наташа меня догоняет. Остановилась и обернулась, у фонаря шагала мужская фигура. От нее чувствовалась опасность. Я пошла быстро, почти побежала, чтобы быть под следующим фонарем, когда он меня догонит. До фонаря добежать успела. Он был уже за моей спиной, и я отскочила в сторону. Парень схватил меня за ворот платья и потянул к себе. Платье затрещало, я сильно испугалась и постаралась вывернуться. Но он перехватил второй рукой мою руку и завел ее за спину. Было больно. Надо было заорать, что есть мочи, но я молчала и во мне медленно закипала злость, страх прошел. Он протащил меня до забора, и прижав спиной к жесткому штакетнику, начал шарить по мне руками. Скользкие слюнявые губы елозили по моему лицу. Запах перегара, свежего спиртного и чеснока, вызывал приступ тошноты. Я отворачивала лицо и не давала ему вцепиться своими губами мне в губы, одновременно старалась, не выпускать из поля зрения дорогу, в ожидании прохожих. Вся эта возня была не больше минуты, вдруг он замер, будто бы остолбенел. Я посмотрела ему в лицо, у него были круглые выпученные глаза, они смотрели на что-то или кого-то за моей спиной, то есть за забором. Ужас, отразившийся на его лице, придал мне силы, я резко оттолкнула его и побежала прочь. За

мной никто не гнался. За спиной раздался дикий мужской крик. Я оглянулась, но ничего не увидела. У забора было пусто. Около дома я поправила платье, волосы. И будто бы ничего не случилось, вошла. Наташа была дома и поругала меня за то, что я куда-то пропала. Я тоже огрызнулась, что она ушла и меня бросила, но, про случай на дороге, промолчала.

Утром соседка пришла к бабе Шуре и рассказала, что парня из соседней деревни, из Орловки, порвала собака. Увезли в Курган в областную больницу. А только чья собака, так и не знают. Поблизости больших собак ни кто не держит, а остальные все на цепях сидят. Он, зачем-то, к Тучковым в огород влез, там его потом и нашли. Вокруг следы собачьи большие, а у него все мясо с рук вырвано. Мужики говорят, что может быть волк? Только волков тут, с самой войны не видали. На танцы мы долго не ходили. А я все время думаю, что за собака так вовремя появилась. Прямо спасатель, а не пес! Штакетник там был, метра полтора высотой. Но я ничего не видела и ничего не слышала за своей спиной, когда была прижатой к забору. И собаки он бы так не испугался, у него глаза из орбит вылезли. Сам он хуже волка, так ему и надо! Кто же меня спас? Да, вопрос.

Любовь, чувство не подвластное разуму. Она приходит и уходит сама, тогда, когда человек меньше всего ждет таких перемен. Так и моя любовь пришла сама по себе, нежданно и негаданно. Если это можно назвать любовью. Любовь, по моим понятиям, окрыляет. Дает человеку столько энергии и добра, что хочется поделиться со всеми людьми на земле, своим восторгом и радостью. Она приносит в сердце новые ощущения и новые желания. Если человек любит, он не способен на

дурные поступки, любовь творит добро. Моя же любовь была в вечных сомнениях, в ревности и страданиях. Если бы мне сейчас предложили испытать снова эти чувства, я бы отказалась. Я люблю своих детей, внуков, люблю людей, в общем, и каждого человека в отдельности, со всеми его слабостями и достоинствами. В любом человеке ищу хорошее, но это совсем другая любовь. Любовь к мужчине во мне умерла давно, если она вообще во мне возникала. Мои чувства, скорее были навеяны, чисто физиологическими изменениями в организме, чем даром любви пришедшими свыше. Не зря говорят люди - обретая, всегда теряешь, и чаще всего теряешь гораздо больше, чем обретаешь. Но как знать, может то, что мне дано, гораздо ценнее, чем - то, чем я заплатила взамен. Анализируя прошлое, я понимаю, что я всегда придумывала себе любовь. Я хотела любить всем сердцем, готова была к самопожертвованию ради этой любви, ради любимого человека, но я не могла любить. Это была имитация чувства. Поэтому, я была обречена на вечный поиск, разочарования и душевные страдания. Любовь приходила, а потом исчезала бесследно. Оставалось, какая то пустота. Эта пустота и была невыносима, хотелось скорее заполнить душу, чтобы не было одиноко и больно, чтобы забылись обиды и неудачи. Сначала выбирался объект любви, а потом уже разжигались сами чувства. Это наверно плохо, но иначе я не могла и не умела.

-Четыре ветра буйные, пятивихровые!
Я вам помолюсь, я вам поклонюсь!
Пойдите по свету по лещеному,
По миру по крещеному!

Найдите раба Божия Владимира.
Внесите тоску- тоскучую, сухоту-сухотучую!
Чтобы он тосковал, горевал, темной ночи не спал,
Часу не часовал, минуты не миновал,
В еде не заедал, в питье не запивал,
В ходьбе не захаживал, в езде не заезжал,
Во сне не засыпал, в работе не зарабатывал,
Ни в утро, ни в вечер, ни в день, ни в ночь,
Было бы ему без меня ни в мочь.
Все бы страдал, да горевал, раб Божий Владимир
Обо мне рабе Божьей Софии! Аминь. Аминь. Аминь.

Где я взяла этот приговор? Сам он у меня сочинялся, или ветры буйные его мне нашептали. Но всегда, тот, кого я выбирала жертвой своей любви, был моим. Да только ни надолго. Проходили первые чувства новизны, раскрывались недостатки и достоинства. Оказалось, что это совсем не тот мужчина, которого бы я хотела любить, жертвовать собой ради такого, я не могла, и человек становился, не интересен. Так было всегда. Те, кто выбирал меня сам, не привлекали моего внимания. Кого выбирала я, в дальнейшем оказывались не такими, как я сама себе их представляла. Я за всю жизнь, не принесла счастья ни одному мужчине, одни страдания и боль. Но я не желала этого, была всегда жертвой, обстоятельств или какой-нибудь интриги. Или жертвой того, что живет во мне, с рождения и по сей день.

В первую очередь, я выбрала отца своих детей. Не знаю, по каким признакам я его выбирала, но он был единственным мужчиной, от которого я хотела, или должна была иметь детей. Другого отца своим детям, в

жизни мне просто было не нужно. Создалась семья, родились дети. Но не это главное было в моей жизни! Все, что получалось из проб и ошибок, было не то, я искала саму себя. Училась, работала, стремилась ко всему, к чему только можно было стремиться. Освоила множество профессий, но душно было мне, я не находила покоя. Это низкое серое небо Зауралья, давило меня, я чувствовала себя червяком, копошащимся в навозе. Я хотела там прижиться, но это было не мое. Сама судьба вырвала меня из этой ямы, из которой, казалось, не было выхода, и все мои движения погружали меня все ниже и ниже, на самое дно.

Поездка в Таджикистан к маме в гости, оказалась для меня судьбоносной. Я переехала туда жить. Даже не по желанию, а по независящим от меня жизненным обстоятельствам. Там, вернулась ко мне Василиса. Я жила в Ходженте, в то время он назывался Ленинобад. В центре старого города, стоит мечеть, рядом с мечетью большое покосившееся от времени дерево. Под него подведена подпорка из бетона, чтобы его сохранить. На подпорке табличка, вся стертая временем, написано, что это самое древнее дерево этой земли, что ему, сколько-то лет. Но сколько, уже не видно, и неизвестно, когда писали эту табличку. Я подошла к дереву и положила руку на ствол. Захотелось постоять так и подумать о вечном. Сверху моей руки, легла, чья-то теплая, легкая, сухая ладонь, я обернулась. Рядом со мной стояла женщина, одетая в национальное платье. Черный большой платок, даже не платок, а тонкая шаль, покрывала плечи и была слегка спущена с головы на лицо. Две толстые косы лежали на груди и были украшены жемчугом и монетками. Я посмотрела на запястье, и увидела знако-

мый браслет, в виде двух переплетенных между собой змей.

-Василиса? Ты почему, так долго не приходила ко мне? – Я расплакалась от нахлынувших на меня чувств. Хотелось упасть ей на грудь и рассказать ей все, что случилось со мной за последние годы разлуки. Излить всю боль и сомнения, мучающие меня после переезда, тоску по сыну, и вечный вопрос - как быть?- Задать ей, глядя в родные добрые глаза. Но вокруг были люди, толчя базарной площади, громко разговаривающие между собой таджики. Ослики, перевозящие товар, тоже громко выражали свое нежелание идти туда, куда надо хозяину. Все было забавно, непривычно, но слишком шумно.

-Я все знаю.- Тихо сказала Василиса.

-Ты справишься, ты все сможешь.- Василиса погладила меня рукой по щеке, вытерла слезы ползущие дорожками вниз. И потянула меня за руку в сторону мечети. Там, во дворе стояла скамейка, мы сели и можно было спокойно вести беседу.

-Две тысячи пятьсот лет назад, это место было уже святым. Ты чувствуешь силу этого места? Оставь здесь свои сомнения! Воздух, пропитанный молитвой, очистит тебя от боли и непонимания. Подними камень, лежащий у твоих ног, оставь его себе. Он будет впитывать в себя то, что ты будешь приносить из мирской жизни в свой дом. То, что тебе не нужно, и что мешает тебе - обида, злость, ненависть и ложь. К тебе пойдут люди, не все они будут с открытым сердцем и с добрыми намерениями. Многие захотят склонить тебя к поступкам неблаговидным, твоей силой, завладеть благами для себя.

Прости их. Они не ведают, чего творят. Не иди на поводу их желаний.

-Мы сидели долго. Я наклонилась, чтобы поднять камень, лежащий у моих ног, когда подняла, Василисы рядом не было. Но я почувствовала себя сильной и защищенной от всех бед и врагов! Я стала уверенной в себе и своих действиях.

Я часто ходила в церковь, но не тогда когда там были люди, и велась служба. Я ходила тогда, когда там никого не было. Ходила в храм не для вида, а по велению души. Поп был молодой, приезжий из Душанбе. Я работала в ДОСААФ главным бухгалтером, а поп обучался на права вождения. Вел он себя не как служитель Богу. Без рясы и не под сводом церкви, это был хамоватый наглый тип, который мог проехать на машине рядом с пожилой женщиной так, чтобы до полусмерти ее напугать, а потом смеяться и сказать:

-Пусть не ходит, уже на покой пора!

Таких служителей конечно единицы, но слушать его проповеди и просить благословения, исповедоваться и целовать руки, такому служителю церкви, желания не возникало. В церкви, сторожем и одновременно уборщицей, работала моя соседка Света. Я ей звонила, она говорила, что уже никого нет, и я приходила, ставила свечки, и отдыхала душой.

Однажды, когда я молилась, я увидела странное существо, которое сидело на ящиках темно зеленого цвета. Ящики походили на военные и по цвету и как они закрывались, обитые железными уголками. Они стояли в углу и я сначала их не заметила. Удивляться было нечему, тогда все продавалось и покупалось. А уж на счет военной атрибутики, то все части воинские были раз-

граблены. Но, они не сочетались с церковью, эти ящики, как-то странно смотрелись на фоне икон и горящих свеч. Существо, было чуть крупнее кота, но странным образом, оно было похоже на человека или обезьянку, что-то человекоподобное. Оно открыло ящик и юркнуло в него, крышка хлопнула. Света вышла из подсобки и вопросительно на меня посмотрела. Я стояла далеко от ящика, и не успела, бы, так быстро отпрыгнуть от него, на такое расстояние. Она вышла сразу после хлопка, будто стояла за дверью. Она осмотрела ящики и ушла снова в подсобку, чтобы не мешать мне молиться.

-Света, а что это за ящики? – Спросила я, зайдя за ней следом. Она как-то смущлась, но ответила сразу без колебаний.

-Да огарки от свечей мы туда складываем, потом отправляем багажом по железной дороге в Москву, нам взамен оттуда свечи присылают.-

Ответ был конкретным, но как мне показалось маловероятным. Посчитав, что это не мое дело, чем там они занимаются, я не стала строить догадки и постаралась обо всем этом, забыть. Тем более, назревали события, которые перевернули все представления о нашей жизни. Слова Родина, честь, совесть, произносились как ругательства. Все вставало с ног на голову. Но потом, дома, я попыталась вспомнить это существо до мельчайших подробностей, нарисовать его, таким как видела. Но получалось плохо, ни как не могла восстановить в памяти подробности.

Вспомнился рассказ Василисы о нежити. Это существо в церкви была нежить, нежить которую Василиса называла дурманной. Они обитают там, где растет мак, дурман, конопля, в общем, где есть наркотические

растения или вещества. Они контролируют количество сока и пыльцы в этих растениях и таким образом влияют на людей, которые потом все это употребляют. Помнить даже страшно, церковь и наркотики! Это невероятно. Может быть, я бы и попыталась выяснить что-то еще, если бы это, не было так опасно. Да и зачем мне. Постаралась выкинуть из головы, и забыть, по крайней мере, до поры, до времени.

До этого, я тоже видела нежить, но она была совсем другого вида и с совсем другим предназначением. Вечером я легла спать, вдруг комната осветилась, сине-фиолетовым цветом, даже не комната, а стена напротив, и я увидела нечто стоящее у стены. Это нечто было большим и квадратным. Оно постояло, попыхтело и исчезло. Я почему-то сразу поняла, что кто-то умер. Утром пришла телеграмма, что в Киеве умерла моя старшая сестра Наташа. Мама поехала к ней в гости, но сестра умерла за шесть часов до ее приезда. После взрыва на Чернобыльской АЭС, у нее стал болеть желудок. Даже ни то что бы болеть, а просто перестал принимать пищу. Все, что съедалось, вырывалось через пятнадцать-двадцать минут. Она могла есть, только манную кашу. Началась депрессия, врачи не находили никакого заболевания, дошло до психбольницы. После лечения, никаких изменений. Она повесилась дома. Написала записку, чтобы все ее простили, но больше выносить все это, она не в силах. Я срочно вылетела самолетом в Киев, через Москву. Пока собирались ехать в морг, прилетел голубь и стал биться в стекло балконной двери. Потом, он ходил по подоконнику, заглядывая в комнату, стучал клювом в стекло. Когда мы уже собирались выходить, чтобы ехать, он улетел. Впечатление осталось тя-

гостное. Нам сначала назначили на одиннадцать часов, потом перезвонили и сказали, чтобы мы приехали за телом в час дня. Казалось, что душа моей сестры никак не могла дождаться нашего приезда за ней и прилетела по-торопить нас. После похорон, стали происходить совсем непонятные и невероятные вещи. Падали книги с полок, хлопали межкомнатные двери, хотя не было сквозняков, и все окна были закрыты. Ночью начинало играть пианино, и кресло - качалка само по себе раскачивалось, будто там сидит кто-то невидимый. Потом она пришла ко мне ночью, села на край кровати и хотела что-то сказать, но я не понимала ее лепета, она не могла разговаривать. Потом в голове зазвучали фразы.

-Платье, что вы мне одели, слишком нарядное и светлое, передай мне мое темное платье, с поясом. Мне сейчас в нем будет удобней.- Растаяла дымкой.

В Киеве, в то время, умирало много людей. Каждый день по улице проходило по несколько похоронных процессий. Музыка духовых оркестров, расшатывала и так до предела напряженные нервы. Я все сделала, как просила сестра. Боль утраты не проходила три года. Каждую ночь я проводила с сестрой Наташей. Мы были всегда в снах в своем детстве, и то, что мы не доиграли, не дообщались, когда-то, наверстывали таким образом. Она показывала мне, где она обитает. Это было, что-то наподобие улья, у каждого своя ячейка. Нет солнца, неба, свет просто льется со всех сторон. Кругом цветы и радость. Я не заходила туда, смотрела издали. То место разделяла излучина реки. Мне приходилось быть на другом берегу. Они, обитатели того мира, общались на каком то непонятном мне языке. Звуки были только гласными. Они будто бы пели. А рельеф местности

очень напоминал киевский колумбарий. Днем, я занималась своими делами, работала, воспитывала детей и ждала с нетерпением ночь, чтобы провести ее со своей сестрой. Прошло три года, она стала приходить все реже и реже. Сейчас не снится вообще. Хоть я и тоскую по ней.

По внешнему виду нежить можно определить, к какому виду они принадлежат. Я их не боюсь, но встреча с ними всегда несет какие-то перемены. Иногда хорошие, но чаще все-таки плохие. Многие люди видят нежить, и думают, что это галлюцинации. Но они есть и были всегда, и будут, пока существует жизнь на земле.

Василиса помогла мне, еще в детстве понять и воспринимать все, как есть, на самом деле, а не так, как привыкли думать многие. Это трудно, совмещать - жизнь мирскую, веру в Бога и общение с нежитью. Но как бы оно ни было, люди приходили ко мне всегда за помощью и советом. Приходили молодые и старые, приносили детей и внуков. Но приходили тогда, когда им плохо. Почему не приходят когда хорошо? Потому что когда хорошо, помочь не нужна. Помогать радоваться находятся более интересные люди, чем я.

Помочь, можно почти всегда и почти всем, но всегда стоит вопрос в том, что будет после решения проблемы. В ней ли основная беда. Не станет ли хуже после реальной помощи. Ведь беда всегда состоит из множества мелочей, решение этих мелочей, постепенно поворачивают проблему то в одну, то в другую сторону. Если нарушить равновесие, то все может рухнуть на голову просящего. А это уже плохо для меня. Лучше отказать в помощи, чем навредить человеку. Это правило, которое нельзя нарушить. Говорят, те, кто действитель-

но, что-то может, и помогает, не берет за это денег. Не правда, все это! Личное дело каждого, брать деньги за свой труд или нет. А вот куда он их потратит, тут разговор особый. Если на благие дела, то это большой плюс. А если не на благие, то сам и ответ держать будет. Никому до этого, дела быть не должно. Такое правило.

Не каждый из нас знает, что он несет в себе кровь нежити. Но все неспособны к любви, в отличие от простых людей. Все одиноки. Если кто из них хоть однажды сдал свою кровь, как донор, то способности к проведению теряются безвозвратно. Остаются навыки, чудо совершившее, он уже не может. А если принял чужую кровь, при переливании, то тоже потерял половину силы и ее уже не восстановить, и не передать свои способности через поколения. Но беда не в том, что мы не всегда находим общий язык друг с другом, беда в том, что мы видим и понимаем многое, и ничего не можем предпринять. В основном, остаешься наблюдателем.

Я отправляла багаж на станции Ленинобад. Все, как положено, было зашито в большие мешки. Но таможенник велел мне распороть мешки и перебрал все вещи сложенные в них, только после досмотра, под наблюдением их сотрудника, я сидела и зашивала все снова. Было обидно, и ушла тьма времени, на мой взгляд, на пустую работу. Потом, мы подтащили эти мешки к весам и ждали в очереди, когда их взвесят, чтобы оформить документы и оплатить багаж. Подъехала машина, из нее вышла женщина в скромной одежде и с кроткими голубыми глазами. Она подошла к таможеннику и что-то тихо ему сказала. Он посмотрел на очередь и кивнул ей. Я смотрела на женщину и никак не могла вспомнить,

где я ее видела? Женщина подошла к машине, на которой приехала и поговорила с шофером. Он вылез из кабины, и ловко забравшись в кузов, начал сгрожать ящики темно-зеленого цвета с железными застежками по бокам. Ему помогали два грузчика, неожиданно появившиеся, неизвестно по чьему приказу, как двое из ларца. Они принимали ящики из кузова машины и аккуратно ставили их друг на друга на весы. Взвесив одну партию, они укладывали ящики на тележку, которая отвозила их сразу на перрон, и принимались за следующую. Очередь негодовала. Но женщина стояла и спокойно, безо всяких эмоций слушала замечания в ее адрес, по поводу наглого нарушения очередности. Я вспомнила! Эта женщина работала в церкви. Я узнала эти ящики. Да, они проходили через станцию без досмотра, сразу грузились в вагоны. Стоили ли огарки от свечей такой транспортировки, можно сказать за рубеж? Смысл в их перевозке? Да уж! Очевидное невероятное. Хотя, судя по нежити, обитающей в этих ящиках в церкви и так все ясно. Но ничего не поделать и ничего не изменить! Церковь, это святое. Если человек поднял руку на веру, я думаю, что ему по делам его и воздастся. Тогда надо было делать вид, что все нормально, и ты ничего не понимаешь и ни о чем не догадываешься. Все так запросто делается, обходятся законы, нарушаются права. Кто-то может это делать, а кому-то за это, срок. Все настолько просто и настолько сложно. В столовой находится много народа, но одни стоят в очереди, а другие на раздаче. Хотя все под одной крышей. Так было всегда и всегда будет.

Часть Третья

31

Дорога оборвалась неожиданно. Даже не дорога, а асфальтовое покрытие. Метров за пятьдесят, заглох мотор, и машина по инерции катилась ровно до конца асфальта. Не пришлось даже давить на педаль тормоза. Дальше был гравий, метров тридцать, потом, дорога постепенно переходила в грунтовую. Две, слабо накатанные, колеи виднелись вдали. Я вышла из машины и направилась в сторону грунтовки. Асфальт, был будто бы срезан, огромным острым ножом. Ровный край дороги наводил на размысления, но я не стала мороочить себе голову пустяками, и пошла дальше. Четырех часовое сидение за рулем, утомило меня. Хотелось дать отдых телу, размять спину и заглянуть за близкие кустики. На трассе велись дорожные работы, небольшая пробка из автомашин, досадно задерживала движение. Знак «объезд», привлек мое внимание, и я не задумываясь, свернула с трассы направо. Проехала километров шесть, не было встречных машин и не было тех, кто бы вместе со мной свернул на эту дорогу. Пройдя по гравию, я посмотрела вперед. Дальше, две колеи соединялись в одну. Тропинка змеилась, заползая в огромное поле ржи. Я оглянулась, на сиротливо, стоящую на дороге, свою машину и пошла дальше. Мне вдруг захотелось потрогать руками колосья, вдохнуть запах поля. Кругом стояла тишина. Не было слышно гула моторов, пения птиц и шороха ветра. На душе было спокойно и даже почему-то радостно. Поле оказалось немного дальше, чем представлялось с дороги. Но я все-таки не вернулась, дошла до него. Крупные золотистые колосья

завораживали взгляд. Рожь, была высотой мне до груди. Я не видела еще такого буйства природы. Все растения были сильными и крупными, как на подбор. Я подумала, что может быть, это только с краю такое благолепие, и пошла по тропинке вглубь поля. Не было сорняков и ровные рядочки посева просматривались, когда я приседала.

-Наверное, какое-нибудь, образцово-показательное или экспериментальное поле, или вернее сказать, участок. -Подумала я вслух. Не хотелось возвращаться, хотелось идти дальше. Посмотреть до конца.

-К этому полю проведена асфальтированная дорога. Только, почему знак поставлен «объезд»? Скорее всего, там должен стоять запрещающий знак. Следом за мной не свернула ни одна машина. Это я, что-то перепутала от усталости, и заехала не туда?- Тропинка все время извивалась и явно куда-то вела. Я решила пройти по ней и просто расслабиться. Местами рожь была такой высокой, что скрывала меня с головой, и если бы не тропинка, я бы наверно заблудилась. На минуту я засомневалась, не вернуться ли назад, но потом все-таки пошла дальше, как говорят, до победного конца. Тело постепенно расслаблялось, и настроение становилось более оптимистичным. Небо было чистым и глубоким, что хотелось смотреть в него бесконечно. Между тем, я все двигалась дальше и дальше в поле. Шла с каким-то странным чувством, как будто бы я делаю необходимую работу. Но делаю ее с удовольствием, и она мне очень нравится. Вот уже завиднелся конец поля, и шаги мои сами по себе стали быстрее. Выйдя на другую сторону поля, я снова увидела извивающуюся тропинку, которая раздваиваясь, превращалась в грунтовую дорогу, а по-

том переходила в дорогу засыпанную гравием, дальше асфальт. На самом краю асфальта стояла, как ни в чем небывало, моя машина. Я оглянулась назад, на поле. Неужели тропинка сделала круг на поле и снова вернулась назад? Но я внимательно следила, не было никаких пересечений. Тропинка была одна и она чуть-чуть сворачивала, то влево, то вправо, но она нигде не заворачивала назад. Может машина не моя? Я иду к машине и на расстоянии вижу ее номер. Это номер моей машины! Только оставляла я ее так, как ехала. Теперь машина была повернута от поля. Следов никаких не было. Какие следы на асфальте? Дверки закрыты, ключи у меня в кармане. Машина развернута на сто восемьдесят градусов.

-Да, дела... – Я огляделась по сторонам. Нигде ни души. Выглядела я конечно со стороны, довольно глупо. Наверно, как и любой другой человек, оказавшийся на моем месте. Открыла машину и села на заднее сидение. Прежде чем достать пакет с едой, закрылась в машине. Внимательно наблюдая вокруг, поела и попила горячий кофе из термоса. Не выходя, я перебралась на переднее сидение. Машина завелась без проблем, и я двинулась в обратный путь.

-Офигеть! Интересно, это подходит под определение «дежавю», или больше, под «крыша едет»? - На шестом километре вдали замаячила трасса, я успокоилась и добавила скорость. Выехала на трассу я с левой стороны. Пробка уже немного рассосалась, но мне пришлось проехать несколько километров назад, чтобы развернуться в нужном направлении. Я смотрела во все глаза, чтобы еще раз увидеть знак «объезд», но никакого знака на том месте, я так и не увидела.

Получилось, что я сделала какую-то петлю, и мне пришлось вернуться на исходную позицию. Добравшись до дома, хотела поделиться впечатлениями о поездке, со знакомыми автомобилистами, но, что то, останавливало меня, как только я хотела раскрыть рот. Может, боялась насмешек? А может, не захотелось быть непонятой. Даже если я вернулась назад по тропинке, кто развернул мою машину? Если это сделала я, и потом забыла, то, как я могла оказаться, с другой стороны трассы? Иногда приходит в голову мысль, что дорога, это живое существо. Ну, если не существо, то все равно какая-то сущность. Если взять карту дорог той местности, в которой родился и, высчитав число вашего рождения, просмотреть дорогу под этим числом, то в вашей судьбе все будет намного яснее. Вы увидите не только ваш жизненный путь, но и все повороты вашей судьбы. Не верите? Попробуйте! Не пожалеете!

32

Иногда я ездила с отчимом на рыбалку на мотоцикле. В Кайрак-кумском водохранилище была отличная рыбалка. Особенно в сторону Хаджи-бакиргана, там берег пологий и песок. Приезжали мы к вечеру расставляли закидушки, подвешивали к ним колокольчики. Потом, ночью, если рыба попадалась на крючок, она начинала биться и дергала леску так, что колокольчик на леске звякал. Мы с лампой карбидкой бежали от костра на звук колокольчика и выбирали закидушку из воды, потом я заходила в воду по пояс и сачком подхватывала рыбину, чтобы она на мели, не сорвалась с крючка. Здесь тоже был свой риск, в любой момент я могла попасть на крючок сама. В самом прямом смысле. Если

рыба крупная, то никогда не знаешь, как она себя поведет при приближении к берегу и находясь в опасности. На закидушке, до тридцати крючков, но Бог как-то миловал, ни разу не произошло такой ситуации. На крючки я не попадалась. Со мной, на рыбалке, отчиму всегда везло, привозили сомов по восемь –девять килограммов каждый. Там водились сомы и по восемьдесят килограмм, но зачем такой? И как его домой везти. Однажды во время рыбалки, вечером, мы наблюдали неопознанные летательные объекты в небе.

Это было так необычно! С нами вместе рыбачили двое военных, и они с видом знатоков, заливали про секретную базу, якобы находящуюся в горах. И что эти летательные аппараты стартуют с той базы и часто здесь появляются.

Сначала летят в одну сторону, а потом возвращаются назад. Но, когда объект, снизившись, подлетел к высоковольтной линии и шарахнулся разрядом в опору, все резко замолчали. Это произошло в двухстах метрах от нашей стоянки, и больше всего смахивало на шаровую молнию. Когда шар, отцепившись от опоры, поплыл в нашу сторону, все потеряли не только дар речи, но и ориентиры на местности. Один из военных огромными прыжками поскакал в сторону воды, а второй в сторону палатки. Оба забыли о нашем присутствии. Шар диаметром в полметра, может и чуть больше, подлетел к нам на расстояние пяти метров. Казалось, что он обследовал наши вещи, зависнув над ними. Облетел вокруг мотоцикла и замер, чуть продвинувшись в нашу сторону. Мы тоже замерли на месте, не говоря друг другу ни слова, молча наблюдали или ждали решения нашей участи. На голове начали потрескивать волосы, как от

статического электричества при расчесывании. Казалось, нас просвечивают рентгеновскими лучами насквозь. Страха, пожалуй, не было. Было состояние обреченности. От шара иногда отлетали искорки, и таяли в воздухе, не долетая до земли. Я не могу сказать, на какое время завис этот шар, но потом, он резко поднялся вертикально вверх. Чем выше он поднимался, тем больше становился. Потом разделился на четыре части, и отбыл в сторону гор. Четыре шара змейкой следовали друг за другом, один за другим пропадая из зоны видимости. Отчим посмотрел на часы, они стояли. Больше эти часы не пошли. Их не смогли отремонтировать. Мастера пожимали плечами и возвращали их ему назад. Не могли найти причину, все на месте, все в исправности - не идут и все.

Когда шары исчезли из вида, мужчина, стоящий по горло в воде, начал громко и заковыристо материться, а второй, так и не вышел из палатки до утра. Мы сидели втроем всю ночь у костра, военный сушил свои вещи, а второй, будто бы спал. Утром за ними пришла машина, и они уехали. Второй рыбак, так и не попрощался с нами. Но с тем, что сушил свои вещи у костра, я познакомилась надолго. Звали его Юра Цоков. Он был командировочный с Байконура. Приезжал в Ленинобад-30, теперь Чкаловск. На горно-обогатительный химический комбинат редкоземельных металлов. Там они получали секретные, по тем временам, грузы и уезжали назад. Он был старше меня лет на восемь. Жена и дочка у него погибли в автоаварии, года четыре назад. Так что, был он свободным, но не сказать, чтобы в поиске, жил себе и особо не заморачивался по поводу новой судьбы. Ко мне он относился как к человеку, видевшего его, в ми-

нуты слабости. Сначала, пытался реабилитироваться в моих глазах, а потом понял, что не имеет смысла, и на всегда откинул эту тему разговора. Но судьба опять повернула все иначе. Через два года после этих событий, мы сидели с ним в ресторанчике в городе Кайрак-кум. Это в двадцати пяти километрах от Ленинобада. Ресторанчик был построен прямо над водой Кайрак-кумского водохранилища. На открытой площадке стояли столики. Повара, перегибаясь через перила, доставали из воды сетки на веревках, с живой рыбой, и клиент выбирал сам, какую из рыб, ему приготовить. Тихо играла музыка, было около десяти часов вечера. Все было так замечательно! Юра тогда приехал в командировку и забрал меня с работы, мы погуляли по городу, сходили в кино, на фильм « Смерть среди айсбергов». Потом решили поехать в ресторан. Сидели, болтали ни о чем. Каждый рассказывал о том, как проходило время в разлуке. Мы не были еще любовниками, мы были хорошими знакомыми, друзьями, но на что-то большее, как-то не хватало духу. Напротив нас за столиком сидел худощавый таджик лет пятидесяти, и громко возмущался. Одет он был в чапан, это черный стеганый халат, подвязанный вместо пояса национальным платком. На голове тюбетейка. Официантка, уже потеряла терпение, и было видно, как она сдерживается, чтобы не нагрубить ему.

-Э, джаным, позови поварешку сюда! Ты сказал, что шашлык из рыба будет! Почему эта рыба скозлит по талерке? А? Он ее на сковородке жарил, а я шашлык заказ делал! Пусть поварешка сюда джалябная книга принесет. Я ее писать буду! - Мы смеялись, подталкивая друг друга, если учесть то, что джаляб, на таджикском-

гуляющая женщина или бл...ь. Потом пересели подальше от шума, хотелось пообщаться поболтать.

Юра, мне рассказывал, когда будет запуск очередного спутника, строго секретно. О своей работе инженера, без особых подробностей, о том, что скоро его переведут с Байконура, так как у него уже в несколько раз превышена доза облучения. В принципе, он рассказывал вполне понятные вещи, но я их воспринимала, откуда - то издали. Возможно, он хотел понимания, стремился, чтобы я делала выводы для себя из этой информации, но я была занята своими мыслями. Я очень тосковала по сыну, но рассказать ему о том, что мой сын живет далеко от меня, с отцом, я не могла. Не хотела пускать в душу чужого человека. Пусть даже и друга. Видя, мое не очень радостное настроение, он пригласил меня на медленный танец, чтобы отвлечь меня от каких-то своих мыслей, и привлечь внимание к себе. Держась за его руку, я поднялась со стула и вдруг, пол под нами покачнулся. Я подумала, что показалось, мы слегка выпили шампанского. Но в следующий миг, уже зашатались горы. Мы, прижавшись, друг к дружке попытались удержать равновесие и увидели, что из-под площадки, на которой расположен сам ресторанчик, на которой мы стоим, вылетает большой огненный шар, диаметром метра полтора и, пролетая над водой, удаляясь, набирает высоту. Все это происходило почти одновременно. Стихла музыка, отключилось электричество, раздалось сильное шипение из-под площадки. Как будто там закипела вода, и хлопок, как взрыв, от которого зажило уши. Началась паника, все бежали прочь, на землю. Но там, на земле, пришлось сесть, так как от толчков землетрясения, невозможно было стоять на но-

гах. Сваи, на которых находился ресторанчик, были срезаны, как ножом. Потом, мы долго пытались разобраться – шар, вылетевший из под берега под рестораном, спровоцировал такое землетрясение, или землетрясение вытолкнуло его наружу? Поняли только одно, уже второй раз, мы, находясь вместе, видим нечто, похожее на шаровую молнию. Получаем сильнейший стресс и находимся в принципе в шаге от смерти. До этого, ни он, ни я, шаровых молний не встречали.

Землетрясение принесло большие разрушения. Погибло много людей. Вторая смена коврового комбината, была завалена обрушившейся крышей. Это был 1985 год 14 октября. Моему старшему сыну в этот день, исполнилось 16 лет.

Юра приезжал еще раз, весной. Его переводили в Амдерму. Звал меня с собой. Обещал оформить все документы за один день, и мой развод с мужем и брак с ним. Я ему отказалась. Если моя душа не отвечала на его призывы, что могло поделать с этим мое тело? Ничего! А жить и слушать только саму себя, в то время, когда с тобой говорит другой человек, по меньшей мере, не по-рядочно. Тем более, что я уже собралась ехать в Зауралье, вести дочь к отцу, на время пока школы были закрыты, после землетрясения. Амдерма, был, конечно, выход из ситуации, но выход в тупик.

Прошло много лет, но мне много раз хотелось вернуться в тот день, и в тот час, и на то же самое место. Чтобы еще раз убедиться, что это не было совпадением, что это все закономерность, которая преследует меня всю жизнь. Я попадаю всегда в самую гущу событий, которые невозможно предотвратить. Только наблюдать, и испытывать себя на прочность в который раз. Иногда

хочется убежать и спрятаться от всех и всего. Но ведь я убегу и спрячусь именно там, где ожидается очередной катаклизм.

Дочь я все-таки увезла к отцу. После землетрясения стояла такая разруха кругом, что ребенку не стоило на все это смотреть. А может, просто нашла причину увидеть сына и хоть чуть-чуть побывать рядом с отцом моих детей. Я не видела их семь долгих лет.

Из Кургана, я направилась прямо в Томск. Хотелось посетить места своего детства, взрослыми глазами осмотреть свое озеро. Еще раз убедиться, где детская фантазия, а где истина. Вообще, люди не способны на фантазию. Все видят параллельные миры, эффект двадцать четвертого кадра. Но чей-то мозг, потом воспроизводит виденное в сновидениях или сбрасывая картинки на подсознание, а чей-то мозг имеет ограничитель и не воспроизводит виденное. Человеку кажется, что это его воображение. Но на самом деле, это не так. Все монстры и разные чудища живут в параллельном мире. Там происходят разные катаклизмы, сложнейшие ситуации, и все это всегда рядом с нами. Эти миры прорываются к нам, через людей воспринимающих, а они передают всем, в виде фильмов ужаса и фантастических книг. Иногда мы видим сами различных животных или человекоподобных существ. Все это есть в нашей жизни и не надо от этого откращиваться. Динозавры ушли в параллельный мир. Временами они появляются в нашем мире, но там, где еще не так загажено человеком. Где меньше всего нарушена экология. Все чудовища появляющиеся из морских глубин, посланцы того, параллельного мира. Их ни кто никогда не поймает и не изу-

чит. Потому, что они возвращаются назад. Здесь им не выжить.

В Томске у меня не было знакомых, и помотавшись по городу, я отправилась к своему отцу. Хотелось увидеть, я же его и не знала вовсе. Меня увезли совсем маленькой. Знала только из рассказов бабы Шуры, что он был в молодости ревнивым и злым, когда выпьет. Но я не знала, как он выглядит, и вообще, сколько даже ему лет.

В Кирек, доехала на попутной машине. Повезло просто. Разговорилась на вокзале с женщиной, она местная и все пути дороги знает. Вот она и посоветовала к лесничеству подойти, объяснила на какую улицу и на каком автобусе доехать. Только, предупредила, что утром надо. Ночевала я в гостинице Сибирь, а утром отправилась по заданному маршруту.

У лесничества действительно стояло несколько машин груженых лесом. Я подошла и спросила у шофера ближайшей машины:

-Здравствуйте! Вы не подскажете мне, с кем бы я могла доехать до Кирека, или до Смокотино?

-Здравствуй. Со мной и доедешь. Погуляй часов до двух. Потом подойдешь, я здесь буду.

-Ага, погуляю! - Ответила я и подалась в сторону магазина. Было половина десятого и времени у меня, хоть отбавляй. Купила беляш и пирожок с картошкой и с удовольствием съела прямо на улице. Можно было зайти в столовую, но я что-то не захотела морочить себе голову и желудок. Зашла еще в туалет за столовой, он был весь исписан местными «писателями» и «художниками» до такой степени, что свободного места не было. Исписаны были даже двери и пол. Я отправилась гу-

лять по городу. Чтобы убить с пользой время, зашла в местный краеведческий музей, но он оказался закрыт на ремонт и я пошла в кино. Фильм был интересный, но я его уже видела « Синдбад- мореход». После фильма направилась пешком к лесничеству, чтобы еще и в столцовую зайти подкрепиться, время хватало. Взяла себе щей полпорции, котлету с пюре, компот, два кусочка хлеба и прошла с подносом к столику. Села и не торопясь занялась приемом пищи.

-Сейчас пообедаем и поедем.- Шофер, с которым утром я договаривалась, садился за мой столик. На подносе у него, было тоже самое, что и у меня, только в двойном размере.

-Хорошо.- Ответила я, продолжая жевать, не подавая вида, что смущилась. Мужчина был не то чтобы хороши собой, но что-то в нем было притягивающее взгляд. Широкие мощные плечи, рост выше среднего. Большие руки были чисто вымыты, рукава клетчатой рубашки закатаны до локтей. На груди виднелся треугольникательняшки. На вид, ему было лет тридцать, может тридцать пять. Разглядывать его откровенно, мне было неудобно, и я не смотрела ему в лицо. Быстро допила компот и, выйдя из столовой, направилась к машине. Лес видимо разгрузили, кузов был пуст.

Шофер вышел минут через десять и, подойдя к машине, открыл дверцу.

-Залазь!- Я стала забираться в кабину, он легко подсадил меня и захлопнул дверцу. Кабина была большая, на троих человек. Попинал зачем-то колеса и сел за руль.

-Сейчас заедем на базу, погружу сахар и поедем. Это по пути, так что задержимся ненадолго.- Протянул руку:

-Алексей! А тебя как зовут?- Улыбка у него была приятная и открытая, глаза во время улыбки лучились добрым, ласковым светом. Я тоже невольно заулыбалась.

-София! Я к отцу в гости еду. Может, знаете, Крымов Василий?- Отпустив его руку, я ждала ответа, но он не торопился отвечать. Достал пачку «Беломора», закурил и завел мотор. Мы поехали через весь город, останавливаясь на светофорах и поворачивая в самых неподходящих для такой машины местах. Наконец машина остановились у какого-то здания, скорей всего склада. Он вышел и тут же из дверей здания выпорхнула какая-то вертлявая особа и кинулась к нему на грудь. Он тихонько отстранился и что-то тихо ей сказал. Она покосилась на кабину, увидев меня, подошла и внимательно посмотрела. Взгляд был умоляющим. Это не были глаза соперницы, скорее, глаза побитой собаки. Они пошли к двери. Потом, он принес несколько мешков, один за другим складывая их в кузов, и запрыгнув туда, уложил поближе к кабине, закрыл брезентом. Я наблюдала за ним через стекло в кабине и зеркало заднего вида. Особа снова выпорхнула из дверей и затянув его за руку за машину, что-то долго доказывала, размахивая руками.

Его мне не было видно. Потом, она как-то сникла, отпрянула как от удара, повернулась и пошла к двери. Вся ее фигурка была соткана в эти минуты, из боли и скорби. Даже задорные кудряшки не топорщились и не развевались от ее движений. У двери, она не останови-

лась и не оглянулась, а просто в нее вошла. Алексей даже не проводил ее взглядом, обошел машину и сел за руль. Он не был взволнован или огорчен, просто складка между бровей стала глубже и поэтому резко выделялась на его лице. Закурил папиросу, и с силой выжав сцепление, рванул машину вперед. Ехали, молча, и скоро уже за окном пошла сплошная полоса леса. Заняться было нечем, а начать разговор первой, я не решилась. Под гул мотора, сами собой, начали складываться строчки:

Проскакало детство по лесным проселкам,
Промелькнула юность с завитою челкой.
Молодые годы вихрем пролетели,
Серебрят прическу белые метели.

Но годам прошедшем, я бросаю вызов,
Не могу отвыкнуть от своих капризов!
Пусть меня годами, старость не балует,
Лучше пусть любимый насмерть зацелует!

Да, уж. Где бы его еще взять, этого любимого. Не любится что-то.

-По тайге одна будешь шастать, так и зацелует кто-нибудь до смерти! - Я подпрыгнула от неожиданности. Вслух я не говорила, он что, мысли прочитал, что ли?

-Ты что, испугалась? Это я так, к слову. Конечно, надо осторожней быть. Вот поехала ты, не знаешь, кто я, куда везу? В жизни всякое бывает! Это я тебе наперед, чтоб в историю, какую-нибудь не вlipла.- Алексей смотрел с улыбкой, настроение видимо наладилось.

-Я тоже об этом подумала. Но так уж сложилось. Не хочется думать о плохом. Надо надеяться на лучшее. Встретить хорошего человека в пути, гораздо больше шансов, чем плохого. Тем более, очень плохого. - Говорить приходилось громко, мотор ревел во всю мощь.

-А зачем ты колеса пинал, перед тем как поехать, ну там, у лесничества?- Он засмеялся.

- Это ритуал такой своеобразный, чтобы машина боялась и не ломалась по дороге. Не слышала, что ли?- Он, заглянул, мне в лицо, хитро улыбаясь.

-Нет, не слышала. Я и на машине, на такой, первый раз еду. А ты не ответил, знаешь моего отца или нет? Может я и еду зря?-

-Не зря. Знаю, я его, и предупреждал он меня, что если увижу, так довез чтобы. Ты же телеграмму давала. Я и не удивился, когда подошла. Мы все друг друга тут знаем, и все что у кого случается тоже. А ты надолго?

-Не знаю, как получится. Хотела отца повидать, да еще в одно - два места заехать, туда, где раньше с мамой жили. Интересно через столько лет посмотреть!

-Это куда, если не секрет?

-Да на Зимний! Какой тут секрет, только дороги туда, тоже не знаю. Но надеюсь, что доберусь.-

Замолчали. Дорога, особенно на поворотах, была разбита, и в колеях скапливалась вода. Земля еще не оттаяла глубоко и не пропускала воду, а высохнуть, пока не успела. Я смотрела на дорогу, на стволы деревьев, обступивших ее. Лес был как мертвый. Земля, засыпанная толстым слоем хвои и ни одного кустика или травки. Стволы вековых сосен и все. Посмотрела вверх, наклонившись к стеклу, но верхушек деревьев не увидела. Вспомнила, как провожал меня отец моих детей. Равно-

душный взгляд человека с похмелья. Полное безразличие, кстати сказать, взаимное. Казалось, что после стольких лет разлуки, что-то вздрогнет внутри, проснется бывшее чувство, но нет, не вздрогнуло, не проснулось. Значит просто не время еще.

Сын, такой большой, ловкий и конечно красивый. Сердце, думала, выпрыгнет из груди, когда увидела его. Но сдержала порыв, осадила себя на полном скаку. Зачем? Не хотелось показаться смешной и лукавой? Показала наверно себя чопорной и бездушной. Обидно, но уж так. Привыкла любить его на расстоянии, а рядом не знала как себя вести.

Когда он родился, мой сын, я уснула прямо на родильном столе. Так утомилась за сутки боли и страданий. Вижу сон, что невидимые руки, забирают у меня младенца. Завернутый в пеленки сверточек, поднимает невидимая рука и несет к форточке. Я тянусь к нему, чтобы схватить, не дать его унести от меня, но, нет ни малейшего шанса это сделать. Проснулась в ужасе и слезах. Всю жизнь преследуют воспоминания этого сна. Но по жизни так оно и есть. Тянусь к нему всем сердцем, всей душой, а дотянуться никак не могу.

-Ты не заснула? А то, что-то скучно стало, молчишь. -Алексей остановил машину. Слева была просека, и поэтому стало светлей. По просеке росли кусты и трава, какие-то розовые цветочки, похожие на маленькие гвоздички.

-Девочки налево, мальчики направо!- Смеясь, сказал шофер, вылезая из кабинки. Я тоже выпрыгнула на обочину и пошла в сторону кустов.

-Далеко не уходи! Если что, кричи!

-Ладно!- Ответила я, не замедляя хода. Действительно уже приспично, постаралась быстрей уйти из зоны видимости. Когда вернулась, то на пеньке у дороги была разложена провизия. Сельдь, нарезанная кусочками, луковица, хлеб, картошка в мундирах и бутылка водки. Еще, стоял граненый стакан, большой охотничий нож воткнутый острием в пень придерживал газету, чтобы ветром не сдувало и две помятые карамельки.

- Давай подкрепимся! Место здесь такое, что нельзя проехать мимо. Надо остановиться и побывать какое-то время. Иначе замучаешься ехать дальше. Граница тут лешего. Откуп нужен.- Алексей жестом приглашает к столу.

-Хитришь, похоже!- говорю я, подходя к пеньку.

-А водка и селедка тоже для лешего припасена?

- Ну да! А как же без пропуска? Только так дорогу и откупаем у него.- Алексей достал из под сидения в кабине два складных сиденьца и мы удобно устроились у пня как у столика.

-Извиняй, стакан только один. Но выпить, тебе все равно придется. Так уж положено.- Налил полстакана, потом добавил еще.

-Это тебе. А я из горлышка, мне так привычней.- Чокнулись, я стаканом, он бутылкой. Я выпила два глотка и стала скорей закусывать. Селедочка была отменная! Не пересоленная, жирная, прямо во рту таяла, да с черным хлебом, да с картошкой! На свежем воздухе так аппетит разыгрался. Водка «Столичная» в длинной светлой бутылке. Алексей отпил, крякнул и тоже начал закусывать. Помолчали и выпили еще по глотку.

-Тут такая история, когда-то давным – давно, здесь была сплошная тайга, ни дорог, ни тропинок. Потом лес

стали заготавливать, сперва лежневку установили, потом и дорога со временем наладилась. Ну вот, когда для лежневки лес вырубали, на дерево наткнулись в два с лишним обхвата толщиной. А когда спилили его, то в нем пустота была, ну как бы, дупло на всю середку, золота там немеряно нашли, и кости человеческие. Понудивлялись, конечно, как это в дереве и золото, да еще и кости? Ну, пока начальства не было, золотишко поделили, кости прикопали и молчок. Дальше трудятся, да посмеиваются. До вечера посмеялись, а утром один из смеявшихся зарублен топором оказался, на другой день, другой, на третий -третий. Стали думать, что и как? Может друг дружку они из-за золота убивали? Но так после них, золото неизвестно куда пропало, не нашли. А люди гибли каждый день. И видеть мужичка стали, лохматый весь, все грозится, да золото спрашивает. Ушли люди с вырубки. Других набрали, та же история, что не день, то несчастье. Хотели уж по другому пути маршрут рассчитывать. Да пришел будто, старик какой-то, походил по вырубке, пошептал что - то. Сказал, чтобы работали, не боялись. Вроде все и наладилось потом. Но вот с тех пор на этом месте, всегда наш брат шофер останавливается, постоим, поговорим, историю эту вспомним и в путь. Иначе дороги не будет.- Алексей допил остатки из бутылки, я тоже пригубила. Доели все и начали собираться в путь. Смотрим, а через просеку, к нам идет мужичек. Роста небольшого, обросший весь, оглядывается все время, будто ищет кого-то, а за спиной в руке топор посверкивает. Мы не сговариваясь, в кабину и прочь. Я смотрела в зеркало, когда мы уезжали, уже не видно никого, было, может, показалось? Так обоим что ли, враз?

-Ты не удивляйся, в тайге всякое бывает!

-Если б мы его не увидели, зарубил бы?- Смотрю на Алексея.

-Не знаю, не было вроде такого на моей памяти, да и так, не рассказывали. Кто знает, может, и зарубил бы. Я на флоте служил три года, потом еще пять сверхсрочно, тоже всего навидался, так не очень боюсь всего этого, необъяснимого. Если б не с тобой был сейчас, то остался бы, контакт навести попробовал бы. Сколько езжу тут, а ни разу его не видел. Дело в случае! А может в тебе? - Опять замолчали надолго. С водки, меня слегка разморило, и я незаметно для себя, задремала. Когда проснулась, машина стояла на берегу реки.

-Это Чулым! Смотри София, красота-то какая!- Я вышла из машины и встала рядом с Алексеем на берегу. Внизу текла полноводная река. По берегам цвели желтые цветы мать-мачехи и одуванчика, а вокруг, на сколько видит глаз -тайга. Зрелище грандиозное и какое-то торжественное. По крайней мере, мне так казалось. Захотелось заорать во все горло от радости и переполнявших меня эмоций.

-Здесь, на этом берегу, по осени, даже хозяйку реки можно увидеть. Старики говорят, будто она образуется из воды и становится выше леса. Проходит посередине реки и осматривает свои владения! После ее появления, рыбы можно наловить столько, сколько душа пожелает. Только дождаться надо, чтобы она подальше ушла. Если поймает она рыбака, то конец. Весь род его, под корень выведет. Все потонут. А если кто ей по праву придется, то одаривает она того, и жемчугами и са-моцветами.- Я живо представила себе эту картину, и она показалась мне настолько реальной, что захотелось

прийти сюда, по осени, и увидеть все это, своими глазами, было бы так здорово! Но не реально.

-Далеко еще до Кирека?

-Скоро приедем уже. Устала наверно?- Спросил Алексей, когда мы сели в кабину.

-Нет, не устала.

-Я в деревню заезжать не буду, покажу тебе, как дойти до дома Крымовых. Увидимся еще, может и в Зимний тебя свожу. Узнаю все, как там на работе, получится.- Подмигнул мне.

-Ладно, буду ждать!- Проехав еще километра три, остановились на опушке.

-Пойдешь прямо по дороге, здесь сухо, почва песчаная, за поворотом сразу дома, зайдешь в четвертый дом с краю. Там собака, позовешь Байкал, не тронет. Я постою пока тут, не бойся, иди. - Он подал мне руку и долго не отпускал свою теплую и жесткую ладонь, я крепко ее пожала. На сердце стало тепло и спокойно. Будто бы у меня появилась какая-то защита, здесь, в чужом незнакомом мне месте. Где нет никого, кто бы мог мне помочь, в критической ситуации. Я же не знала, что меня ждет через несколько минут. Из родни-то, только отец, которого я не знаю. Неизвестно, чего можно ожидать от его детей и жены.

33

Деревня была из одной улицы. Несколько домов стояли в стороне, на берегу видимо. А всего не больше тридцати. Я подошла к четвертому дому, открыла калитку и громко позвала:

-Байкал, Байкал!- Собака вышла на зов, виляя хвостом. Это была сибирская лайка, белая с черными пятнами, ростом с добrego теленка. Пес подошел, обнюхал меня и пошел вперед по тропинке к дому, оглядываясь, как бы приглашая меня идти следом. Я немного замялась, как то заволновалась в предчувствии встречи с отцом. Пересиливая себя, пошла следом за псом.

-Ты кто?- В дверях стояла девушка, приземистая с широкой костью, полными слегка кривыми ногами и в упор разглядывала меня.

-Здравствуйте! Крымовы здесь живут?

-Да, здесь. А ты чья будешь?- Снова спросила девушка, загораживая собой проход в дом.

Я не знала, что мне отвечать, своя или чужая и вообще хотелось развернуться и убежать. Зачем я сюда приперлась? Вторглась в чужую, совсем незнакомую мне жизнь! Туда, где меня не знали и никогда не звали.

-София я! К отцу приехала, повидаться!- выпалила я неожиданно для себя. Она, молча развернулась, и ушла в дом. Я, постояв на крыльце, пошла следом. В сенях было темно, из дома доносились слова:

-Мамашу свою, профуру, она тоже с собой привезла? На отца посмотреть?-

Я открыла дверь и вошла.

-Одна я приехала. Не переживайте так, посмотрю и уйду!- Было обидно, такое о своей маме услышать, но отступать было поздно.

Посредине кухни стояла женщина, ниже меня ростом, полная. Слегка раскосые и узкие, как у бурят, глазки, зло смотрели на меня.

-А, Сонечка приехала! Мы-то тут заждались уже, решили, что передумала ехать! Входи, раздевайся, да садись в передний угол, отец-то придет скоро, у соседей он, сети чинит.- Это наигранное радушие, так больно резануло по сердцу. Но деваться некуда, сама затяяла, надо расхлебывать. Сняла куртку, села на лавку.

-Насима! Сходи к Степке-то, скажи, чтоб отец домой шел! – Девушка бегом бросилась в сени, громко протопала по половицам и хлопнула входной дверью так, как будто, хотела ее разбить.

Наступило тягостное молчание. Я все подбирала слова, хотела начать разговор, чтобы как то разрядить обстановку, но не знала, что говорить. Женщина тоже молчала. И тогда я заметила, что мы не одни на кухне. В уголке сидела маленькая старушечка и вязала носки из овечьей шерсти. Она не смотрела на руки, на свое вязание и никак не реагировала на разговоры. Толстые узловатые пальцы монотонно исполняли свою работу, а глаза смотрели, куда-то мимо нас, не моргая.

-Это бабушка наша, она не видит и не слышит, уже давно. Но вот вяжет и день, и ночь, не может остановиться. Часа три-четыре поспит, и снова вяжет. Поглядывай всю деревню обвязывает носками. Если спицы отбираем, болеть начинает. Пусть уж лучше вяжет, чем болеет. Постепенно на стол стали выставляться разные блюда. Женщина нарезала хлеб, потом принесла рыбу.

Посидев, помолчав, принесла из сеней холодец, соленое сало, грибы и огурцы. Достала из печи картошку в мундирах и вареные яйца. Все подгадала вовремя.

Только расставила стопки и большую бутыль с самогоном, две бутылки водки и трехлитровую банку с клюквенным морсом поставила на стол, в сенях послышались тяжелые торопливые шаги. Дверь открылась, и вошел отец. Я его таким и представляла себе, высоким мощным сибиряком с кудрявой бородой и густыми бровями. Он протянул руки ко мне, и потянув меня за руки, поднял с лавки.

-Ну-ко, дай я на тебя посмотрю! Красавица! Вся в мать! Как доехала то?–

И не ожидая моего ответа:-

-Давай садись за стол, сейчас соседи придут, гулять будем! – Быстро налил себе стопку самогона и выпил, занюхал рукавом.

-Крепкая зараза! – А сам все смотрит на меня и говорит, и говорит, все что попало, лишь бы не молчать. Понятно, тоже стресс. Пришли какие-то люди загадали, зашумели. Все здоровались, знакомились, но я, ни на ком не остановила внимания. Было ясно, что люди пришли для компании и может быть слегка из любопытства. Потом и гармошка появилась, и пели под нее все подряд, и пили не меряно, и ни кто пьяным не был. Ко мне подсела женщина и стала спрашивать меня, про маму, про мою семью, где живем и все в этом духе. Я отвечала, хотя знала, что по большому счету, это никому не нужно.

-А ты с кем приехала-то? Кто от Томска тебя привез?

-На лесовозе от лесничества. Шофер Алексеем назывался.- За столом наступила гробовая тишина.

-Как говоришь, назывался?- Отец привстал со скамейки.

- Алексеем.- Сказала я.

- В тельняшке был и клетчатой рубахе?- Отец налил себе полный стакан, даже через край побежало.

- Ну да. А в чем дело? Чего это вы все так замолчали сразу?-

Вновь заиграла гармошка, и начали петь частушки:

-Меня милый не целует,
Говорит- потом, потом!
Я иду, а он на печке,
Тренируется с котом!
А мне милый изменил,
На козле уехал в Крым!
Ну, я маху не дала,
На кобыле дognала!

Как я не пыталась выяснить об Алексее, так больше ни кто мне ничего не сказал. Разговоры переводились на другую тему или делался вид, что не поняли или не расслышали. Ну и ладно, не хотят и не надо.

Гуляли с утра и на следующий день, и на следующий, и наверно гуляли бы еще долго, пока бы я не собралась уезжать. У отца было четыре дочери, кроме меня. Три были замужем, и приходили с мужьями на меня посмотреть, себя показать. Одна жила с родителями, пока не замужем. Слепая и глухая, бабушка жены отца. Родни здесь много, почитай каждый дом, родня. Но по гостям ходить, я отказалась. Решила съездить еще в Зимний, потом может быть, и вернусь еще сюда, на недельку, а может, и сразу поеду домой.

-Утром к лесовозам выйдешь, до Томска доедешь, а в Зимний, автобус ходит. С автовокзала. Потом приезжай, я ждать тебя буду. Не поговорили даже с тобой, за пьянкой-то. Может, и говорили чего, да запамятаовал я уже все. Так что, приезжай.- Сказал отец.

-Приеду, если так пить-то сразу, не начнете. Поговорить и мне охота, да вот не с кем было. Только попеть и смогла.- Я устала от этой сути, хотелось покоя. Хотелось все обдумать, и встречу с отцом, и все свои дальнейшие шаги. Насима проводила меня до дороги, но ждать со мной машины не стала. Попрощалась и ушла, всем своим видом показывая, что меня тут не очень-то будут ждать.

Машина сигналила издали. Я побежала навстречу и к своей радости, увидела Алексея. Он открыл дверь кабинки, и я сама, проворно забралась на мягкое сидение.

-Ну, как? Повидалась?- Спросил Алексей, закуривая свой «Беломор».

-Ага, в Зимний поеду, потом может на недельку, еще сюда вернусь. А может, и не вернусь, не решила еще.-

На обратном пути мы не останавливались ни на Ишиме, ни у пенька. Ехали ровно и по возможности быстро. Я проболтала всю дорогу, рассказывая про Таджикистан, про землетрясения, про рыбалку. Алексей слушал, время от времени поднимая то одну бровь, то другую. В Томске он высадил меня около автовокзала, и я уже через сорок минут тряслась в автобусе на пути к Зимнему. Все было удачно, пока ждала отправки автобуса, я успела купить себе продукты, на дорогу. В Зимнем, родни у нас не было, и не известно, как я устроюсь

у чужих людей, если не окажется знакомых. Знакомые оказались. Ночевала у бывших соседей, у тети Раи с дядей Иваном. Проболтали полночи, утром встала уже к десяти часам. Все на работе, перекусила кое-как и собралась к озеру. Тетя Рая отговаривала меня туда идти. А я за этим только и приехала, не с ними же повидаться! Выхожу на улицу, а у двора машина стоит. Алексей с ведром, что-то там в моторе ковыряется. Увидел меня, смеется.

-Ну, как ночевала? Я давно жду, когда проснешься. Рая будить не велела. Ну что, на озеро пойдем?

-А может, зайдем, хоть чаю попьешь?- Спросила я.

-Нет, уже напитый.- Захлопнул капот, достал из кабинки рюкзак, забросил ведро в кузов и подал мне руку. Мне даже как-то легче стало. Вдвоем все равно веселее, и чего уж там кривить душой! Не так страшно.

34

Дорогу к озеру я всегда помнила до мельчайших подробностей. Поэтому, я и не заморачивалась воспоминаниями детства, просто шла по знакомой тропе и не знала, как спросить у Алексея о той девушке, с которой они поссорились возле склада. Мне было интересно, что за драма у них развернулась. Но вдруг я ему испорчу настроение, и я молчала до тех пор, пока он не заговорил сам.

-Отпросился на четыре дня. Сейчас вот на озеро сходим, потом может еще куда-нибудь надо тебе будет, так что, располагай мной на свое усмотрение. Весь к вашим услугам, мадам!- Он весело рассмеялся и слегка приобнял меня. Я не отстранилась. Пусть будет так, как будет! Во-первых, он мне нужен сейчас, во-вторых, он

приятный мужчина, а в- третьих, почему бы и нет? До озера дошли быстро и без приключений. Я постояла и мысленно вернулась в свое детство. Озеро ничуть не изменилось. Даже земляника тут уже начала поспевать! Я села на свое избранное еще в детстве место, и начала срывать ягоды, одну съедаю сама, другую даю Алексею.

-Какой-то особенный вкус у этих ягод! И озеро загадочное, я не видел таких озер. Когда ты уедешь, я буду приезжать сюда и вспоминать нас с тобой, здесь, вместе. -Он смущался от своих слов и пошел собирать хворост для костра. Я тоже начала ему помогать, но он отказался от моей помощи, и я предалась воспоминаниям. Лежала на траве и смотрела на озеро. Зеркальная гладь воды не колыхнется, отражая высоко плавающие облака. От этого, озеро кажется бездонным и светлым, как небо. Алексей, набрав хвороста для костра, принес большую охапку лапника, повесил рюкзак на сучек повыше и предложил прогуляться вокруг озера.

-Или устала уже?- Смеясь, сказал он, и потянул меня за руку к кромке воды. Мы медленно пошли по черному песку вдоль берега. Идти было легко, как по асфальту. Песок не проваливался, удерживал наш вес, и это было необычно.

-Хорошо здесь, комара нет. И тишина. Родился я в Киреке. – Неожиданно начал он.

-Там и вырос и в школу ходил, потом в Томске на водителя учился и работал год перед армией на лесовозе. Три года на Балтике прослужил, да еще пять на Северном флоте. Девушка у меня была, Галиной звали. Да не дождалась она меня, замуж вышла. С тех пор покоя и не могу себе найти. Не могу полюбить никого. И ее не любил вроде, но будто что-то родное тут оставлял. Знал,

что ждет кто-то каждый день, каждый час обо мне думает, и легче от этого было, на чужой-то стороне. Когда написали мне, что замуж она вышла и уехала с мужем в Мурманск. Я насилиу дождался, когда срочную отслужу. Потом на Северный флот стал проситься, в Мурманск. Думал встречу ее там, спрошу, как она меня то, променяла. А когда приехал в Мурманск, не захотел искать. Тут сразу на Кубу пошли, потом дальше, так и забылось все. Страны дальние, люди разные, порты, причалы, женщины. Все крутилось вокруг меня колесом, да только сердца не разжигало. Домой вернулся, мои одногодки детей не по одному имеют, а я так бобылем и хожу. Девчата, да и женщины вокруг увишаются, холостяк! Каждая планы строит, мечты мечтает! А я ничего поделать с собой не могу, все у меня на месте, а любви нет. Ты же Риту видела, ну на склад когда за сахаром заезжали? Ну, чем не жена? Любит, страдает, мучается, а я как пень, ответить не могу ей тем же. А обманывать не хочу. Лучше одному так страдать, чем потом вдвоем, да еще с детьми. Так, вот и маюсь. От одной отмашусь, вторая привяжется. И жалко их, но сердцу-то не прикажешь. Какая это жизнь, без любви-то!-

-Да, любовь она как вера, либо она есть, либо ее нет. Существует множество религий, а вера одна. Стремление к высшему, или возвышенному было всегда, зачем же опускать руки? Может, стоит просто подождать?

-Вот, кстати, о религии. Ты как понимаешь веру в Бога?

-Так и понимаю, как веру в Бога. Кто не хочет пусты не верит. Но только принимаю все это, без лишнего фанатизма. Каким образом люди, приходят к вере в

высшие силы - разницы никакой. Будь то католики или христиане, главное, чтобы они придерживались этой веры. Вера объединяет людей, делает их терпимее друг к другу.

-А как вот секты всякие, культовые жертвоприношения? Это же тоже вера? - Алексей склонил голову и внимательно ожидал моего ответа. Тема для разговора, была, конечно, необычной.

- Нет. Это уже не вера, а неверие, по крайней мере, в Бога- творца. Секты объединяют какая-то общая идея, даже не идея, а комплекс. Люди, жаждущие крови, которые не могут реализовать свои наклонности в обществе, создают сообщество себе подобных или сочувствующих или просто обманутых великими идеями, которые прикрывают самую настоящую банальную тягу к убийствам. Создатели сект в основном, люди с психическими заболеваниями. Они воздействуют на недалеких людей своей одержимостью и умением убеждать. Потом, перед обществом, оправдываются верой в какого-нибудь выдуманного бога, и что это он, требует этих жертв. Нет такой веры и Бога, который бы благословлял убийства.

-Я тоже так думаю. – Алексей поднял камешек и бросил в озеро. Вода поглотила камень без звука и всплеска.

-Может, искупаемся? Вода, правда, холодная. Но ничего, потом согреемся у костра.- Спросил Алексей, трогая воду и оглядываясь, где бы устроить пляж.

-А смысл? Я не буду купаться в озере и тебе совсем не советую это делать. Я не шучу, здесь опасно находиться, а ты купание затеять хочешь!

-Не хочешь, не купайся, а я все-таки окунусь. Не бойся, я быстренько. Ты же на берегу подстрахуешь, если что.- Алексей начал раздеваться. Я не стала его отговаривать. Знала, что это еще больше его распалит.

-Имей в виду, вода холоднее ледяной, не уходи далеко от берега, может судорогой ноги свести. Как я тебя доставать буду?- Алексей пошел по воде вглубь озера. Потом, побежал бегом и резко провалился в глубину, вынырнул и быстро поплыл саженками. Ближе к середине остановился и нырнул. Его не было целую вечность, я думала, что больше не увижу его никогда. Алексей резко вынырнул совсем близко к берегу, и смеясь, вышел из воды.

-Да уж, вода действительно на глубине такая холдная и тяжелая, что мне стоило огромных усилий, выбраться назад. Она затягивает, не выпускает из своих объятий. Без подготовки, тут верная гибель, ты права!- У Алексея зуб на зуб не попадал от холода. Он пробежался по берегу сделал несколько прыжков – кувыроков с переворотом. Явно демонстрируя свою физическую подготовку. Я шла за ним и несла в руках его одежду.

-В детстве, я видела, как лось хотел переплыть озеро, и провалился с головой и рогами под воду, потом с трудом выбрался на берег. Тогда мне показалось, что это озеро как ловушка. Будто питается оно теми, кто в него попадает.

-Ясно, почему ты меня не остановила! В надежде, что я так вот там и останусь? Коварная! Решила скормить меня своему озеру!- Он налетел на меня, и схватив на руки, сделал вид, что хочет бросить меня в воду, как можно дальше от берега. Я завизжала и мы, потеряв равновесие, упали и покатились по черному песку. В

шутку, отбиваясь от Алексея, я все время невольно смотрела на воду. Мне хотелось отойти подальше от воды, и ни в коем случае, к ней не прикасаться. Алексей, согреввшись и чуть обсохнув, оделся, и мы продолжили свой путь, разговаривая, и подшучивая друг над другом. Шли вокруг озера, под ногами поскрипывал черный песок, на котором не оставалось наших следов. Мы отражались в озере, а вместе с нами отражался вековой лес и безбрежное небо. Казалось, что мы одни на этой земле, только двое. Говорим и слушаем. Читаем мысли друг друга, и мы счастливы в эти минуты, а больше ничего и не надо.

-Может, об этом озере, тоже какое-нибудь предание есть, или рассказ, ты не знаешь? Я бы послушал с удовольствием. А?- Алексей начал разводить костер. Потом достал из рюкзака сардельки, и ловко нанизал их на палочки, и мы, дождавшись, когда огонь перестал дымить, стали поджаривать их на огне. Положили в золу несколько картофелин, чтобы испеклись. Тем временем, из рюкзака Алексей достал покрывало, консервы, конфеты. Покрывало было постелено, мы сели подложив под покрывало лапник, чтобы было удобнее и повыше сидеть, разложили провизию на газете. Болтали, шутили, рассказывали анекдоты и смеялись до колик в животе. Вдруг я вспомнила, что воду в озере пить вредно, и пошла, искать криницу, которую мне показала Варвара. Взяла с собой кружку, чтобы попить воды. Криница нашлась сразу, на том же месте. Я разгребла хвою, и заструился поток чистой холодной воды. Я позвала Алексея, мы попили, а потом умылись из криницы. Сидели весь день и говорили, и говорили. Я рассказала о себе все, все, что знала об этом озере. Только не сказала

ничего о Василисе. Пусть это будет моим, личным. Перед уходом набрала водички из криницы в пустую бутылку. Возвращались уже вечером.

-Мне показалось, что это озеро дышит. Я видел, как вода в нем, то поднималась, то опускалась. Не стал тебе говорить, а то бы испугалась, и мы бы лишились с тобой такого замечательного общения.- Алексей остановился и взял меня за подбородок посмотрел в глаза. Он обнял меня за плечи, и мы стояли так, не проронив ни слова. Потом пошли дальше. Все-таки интересно иногда общаются мужчина и женщина. Лежали рядом, ели, пили, болтали, и ни каких интимных мыслей. А теперь уже вроде поздно, скоро уже дойдем до поселка, и вдруг, такое сожаление о том, что ничего между нами не произошло. Хотя, все вроде как подразумевалось, вначале. Но потом уже казалось нелепым и лишним. Нам и так было замечательно. Во мне заговорило какое-то странное чувство, ни то обида, не то злость.

-А на поцелуй, я хотя бы могу рассчитывать? - Я нагло посмотрела Алексею, прямо в лицо.

-Ты можешь рассчитывать на гораздо большее, чем поцелуй.- Он снова засмеялся и прижал меня к себе:

-Из сонма звезд и тысячи светил,
Одной звезды я повторяю имя.
Не потому, что я ее любил,
А потому, что томно мне с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной прошу совета.
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света!

Может быть, я и переврал какие-то слова, но это стихи о тебе, так говорит моя душа, находясь рядом с тобой. Ты, действительно - свет! Не потому как ты что-то говоришь, или, как-то общаешься иначе. Нет, это словами не выразить, такое можно только почувствовать. Мне кажется, что я знал тебя всегда, с самого рождения. Просто мы расстались когда-то давно, может даже в прошлой жизни, и я всю эту жизнь тосковал о тебе. Ждал нашей с тобой встречи, искал тебя в других женщинах, потому, что забыл, как ты выглядишь. Теперь вспомнил. Не хочу вновь потерять тебя, но разве я вправе удержать? За то я знаю теперь, для чего я здесь, и знаю, кого я искал.- Что было мне ответить на такое вот откровение? Оба задумавшись, дошли до калитки.

Я зашла к тете Рае. Попрощалась, забрала сумку. У машины ждал Алексей.

-Куда вы в ночь собирались! Ночевали бы уже, а утром и поедите! Кто ж по ночам-то по тайге ездит?- Тетя Рая была категорически против того, чтобы мы уехали сейчас.

-Может и вправду, до утра? Поспим как люди, да и поедем?- Я начала сомневаться в правильности своего решения, уехать. Смысла отправляться в ночь не было. Мне просто не хотелось вновь расставаться с Алексеем.

-Можем и остаться. Смотри сама. Я же сказал, у меня еще три дня в запасе. – Алексей будто даже обращался предложению. Остались до утра.

Посидели в гостях, знакомые зашли на меня посмотреть. Опять песни попели, пили водку, запивали клюквенным морсом, закусывали грибами. Разошлись далеко за полночь. Тетя Рая постелила нам одну постель, в отдельной комнате, не спрашивая и не разбира-

ясь, кто кому и кем приходится. Я, сначала опешила, потом сделала вид, что все нормально. Быстро разделись и юркнула под одеяло. Алексей долго курил под окном, потом вошел, и раздевшись лег рядом. Все было настолько естественно, и замечательно, и слова, и ласки, и желания. Не было ощущения неловкости, от выпитого спиртного, все было в здравом рассудке и без ноток сладострастия. Ночь пролетела в жарком объятии, как одна минута. Все было бы так хорошо, если б не было так горько. Мы оба знали, что это единственная ночь, подаренная нам судьбой. Хотелось, чтобы она никогда не кончилась. Но вот запели петухи, и вскоре забрезжил рассвет. Мы не сомкнули глаз, но мы и не устали, спать не хотелось. Говорить тоже, все было ясно без слов.

Тетя Рая за завтраком сказала, как бы, между прочим:

-Я вчера вам вместе постелила, больше-то негде. Не тесно было?

-Нет не тесно, все нормально. – Спокойно ответил Алексей.

- В машине-то, еще тесней бы было. Ха-ха-ха!- Тетя Рая рассмеялась, подкладывая Алексею оладьи.

-Так ты София, опять к отцу наладилась, или уже домой поедешь?- Тетя Рая смотрела на меня как рентген, изучая и запоминая каждый мой жест и каждое слово.

-Заеду еще к отцу, время есть. Больше-то может, и не увидимся. Живу далеко, время смутное, не очень-то разъездишься.

-Матери, привет от меня передай. Скажи, что все нормально, живем, стареем потихоньку.

Ну, вот мы и снова в дороге. В Томск заехали, так , с краю, в магазин заскочили и снова в путь. По дороге болтали ни о чем. Анекдоты рассказывали. Ночь не обсуждали, как будто ничего и не было. Посидели, поели у пенька, но никого не видели больше. Хотя, я постоянно оглядывалась, было ощущение, что кто-то в спину смотрит, что рядом какая-то опасность.

Скорее всего, просто нервы.

-Ну вот, на твоем озере мы побывали. У меня есть встречное предложение, съездить к моему заветному месту. Как ты? Отклонения не принимаются! Время есть, транспорт есть, желание? Будет!- Алексей сжал мою руку.

-Не знаю даже... Ну, поехали!- Я не была готова с ним расставаться. Что-то удерживало меня. Хотелось слышать его голос, чувствовать тепло его рук. Нет, даже не это. Мы находились с ним на одной волне, наши желания совпадали. Не надо было притворяться или заискивать. Каждый из нас, был самим собой, и это устраивало нас обоих. Два человека, две личности, как зеркальное отражение друг друга. Это реально, но чаще всего в жизни, это случается, ни в том месте, или, ни в то время.

Мы колесили по тайге, застревали в болоте, с трудом вытаскивали машину и снова ехали. Заезжали в какой-то поселок за соляркой, и ехали дальше. Я уже не представляла себе, в какой стороне от Томска я находилась, от постоянного гула мотора, у меня разболелась голова.

-Давай остановимся, отдохнем немного, ладно?- Головная боль достигла такого предела, что я была го-

това выпрыгнуть из машины, прямо на ходу. Алексей внимательно посмотрел на меня:

-Потерпи, еще чуть-чуть. Нам осталось еще километр или даже меньше. Если мы сейчас остановимся и выйдем, то голова заболит еще сильней. Место такое. Здесь, вон там справа, стоит идол, вырезанный из большой березы. Такая трехметровая баба. Когда прикладываешь ладонь к ней, идет тепло, как от живого человека.- Он прижал меня к себе одной рукой, а другой крутил барабанку руля. Мне стало легче. Когда мы действительно остановились, голова уже не болела, а настроение было приподнятым.

-Ура! Закричал Алексей, мы это сделали!- Я тоже заорала:

-Ура!- Не совсем понимая, по какому поводу такое веселье. В кабине было просторно, и мы решили поесть, не выходя из машины. Погода была не располагающей, да и места в зоне видимости, подходящего не было. Мы остановились как бы на пригорке, ветер свистит насквозь. А из машины вид замечательный и ветра нет и тепло и уютно.

-Вон видишь возвышенность? Завтра мы с тобой спустимся вниз, пешочком, а потом пройдем через вон тот лес, и окажемся у подножья. Отдохнем, и пойдем наверх. Там, мое заветное место! Ну, как тебе такая перспектива? -Алексей повернулся и начал целовать мне глаза, щеки, нос, губы. Отвечать в принципе было нечего и нечем, рот был закрыт его губами. Поэтому ответа не последовало. Гармония души порождала гармонию тела. Был чудный вечер. Над тайгой нависла Большая медведица, яркие звезды этого созвездия всегда пробуждали во мне тягу к поэзии, но почитать стихи не полу-

чились. С неба, вдруг одна за другой, стали свисать огромные сосульки из света и цвета. Они выстраивались рядами, и их мерцающий свет приводил в полный восторг.

-Это северное сияние! Я видел такое на севере, но здесь, как-то не доводилось. Красота-то, какая!- Алексей все время прижимал меня к себе, как будто боялся отпустить даже на миг. Потом звезды на небе погасли, а над сопкой все осветилось. Был виден каждый кустик на склоне. Потом загорелось еще ярче, и от сопки отделился большой шар. Он проплыл над тайгой и резко пошел вверх. Впереди него, полукругом, было светящееся облако. Оно как бы обволакивало шар, создавая подушку между атмосферой и самим шаром. Впереди, облако было заметно плотнее, сзади исходило на нет. Мы замерли, зрелище было необычное и завораживающее. Хотелось рассмотреть все, как можно подробнее и запомнить. Мне показалось, что за спиной, что-то светится, я оглянулась, и увидела небольшой светящийся шар, за стеклом машины. Я вздрогнула всем телом, зная, что стекло для этого сгустка энергии не помеха. Крепко сжала руку Алексея и мы, замерев, смотрели за движением нового объекта. Он облетел вокруг, остановился, на несколько секунд у лобового стекла, как бы рассматривая нас или оценивая ситуацию. Потом быстро стал удаляться в сторону леса.

-Смотри, София, он полетел к идолу. Через некоторое время, там что-то вспыхнуло и погасло. Мы повернулись к сопке, было совсем темно, звезд на небе, тоже не было. Казалось, что мы провалились в черную бездну. Алексей завел двигатель и включил фары, но так, ощущение бездны усилилось. Пришлоось выключить

фары и заглушить мотор. Когда глаза привыкли, постепенно стали появляться звезды. Мы сидели какое-то время и считали метеориты, кто больше заметит. Потом, перешли к еще более интересному занятию, дружно решили спать. Вскоре, наступило замечательное утро.

Мы оставили машину, и пошли к сопке. С собой взяли рюкзак. У Алексея все было предусмотрено, в рюкзаке всегда находились самые необходимые вещи.

-Я человек дороги. Никогда не знаю, что может случиться за следующим поворотом, потому готовлюсь всегда основательно, стараюсь ничего не забыть и всегда ко всему быть готовым, как пионер. Армия научила, ну и тайга тоже. Лес внизу, был лиственным и не густым, поэтому не было так хмуро, как в хвойном. Березы придавали какую-то торжественность лесу, и мы шли легко, болтая и целуясь. Мы оборачивались, и дурачясь, махали руками машине, которая была видна на пригорке. Кричали ей, чтобы не скучала, и что мы скоро вернемся.

-Ну, расскажи, куда ты все-таки меня ведешь? Или это останется секретом до определенного времени?

-Вот привал будет, и я расколюсь. Расскажу все как на духу. Только обещай всему верить и ни над чем не смеяться.

-Обещаю! Обещаю! Обещаю! - кричала я и эхо разносило мой голос, то возвращая, то удаляя его.

-Послушай, откуда здесь такое эхо? Вообще-то это не реально в данной местности!

-Я же обещал чудо, вот уже оно начинается. Нет, первое чудо- это ты! Наша с тобой встреча! А все остальное, приложение к чуду, окружение его.- Алексей, весь светился от радости .

Не дойдя до возвышенности метров двести, мы сделали привал. Просто завалились в траву и лежали, смотрели в небо и думали, каждый свои мысли. Не забывая, конечно, о своем спутнике. Потом, развели костер и готовили себе еду. Разогрели тушенку прямо в банках, нарезали хлеб. Ну, и как всегда бутылка водки, была незаменимым атрибутом каждого приема пищи. Но выпили чисто символически. Как говорил Алексей:

-От микробов! Дезинфекция ЖКТ!-

Вдруг, раздался какой-то неясный гул. Будто под землей заработал мотор. Я посмотрела в сторону машины, ее хорошо было видно. Она стояла на месте. Потом на небо, посмотрела, не летит ли где самолет или вертолет.

- Ну вот, и продолжение чуда! Здесь, в радиусе пятидесяти километров, можно сказать, ни одной живой души. А что же тогда гудит? Сейчас перестанет, потом опять загудит. Так много лет уже. Ищу ответ на этот вопрос, может, подскажешь?-

Он взял меня за руку, и мы пошли к сопке, уже хотели подниматься вверх по склону. Но, посмотрев вверх, увидели, что навстречу нам быстро спускалась какая-то женщина. Казалось, ноги ее не касаются земли, она просто плывет вниз и предупредительно машет рукой. Я посмотрела на Алексея, он на меня. Когда оба посмотрели вверх, то никого не увидели.

-Я не поняла? Куда она делась?

-Кто она? Я видел, как какой-то мужик грозил мне кулаком, и как бы запрещал жестами, подниматься вверх. А ты говоришь она, значит, ты видела женщину?

-Ну да! Она скользила вниз, нам на встречу и тоже не разрешала подниматься.- Меня резко затошило и

вырвало. Я чуть не захлебнулась от неожиданности. Голова закружилась, и я обессиленная села на землю. Алексей подхватил меня на руки и почти бегом бросился прочь. Опустил только тогда, когда дошел до места, где мы жгли костер. Мне стало намного лучше.

-Наверное, тушенкой отравилась.- Предположила я. Чувствуя какую-то неловкость перед Алексеем.

-Дело не в тушенке, я бы тоже так же, если б еще пару шагов сделал. Мы были тут, с пацанами, еще до армии, так и не смогли подняться. Вот на этом же месте костер жгли. Ночевали тут. Ночью, там, на вершине, огонь загорался, и шары в небо улетали. Не пускает, какая-то сила наверх. Ну и не надо!- Крикнул Алексей в сторону сопки. Мы собрали вещи и отправились назад, к заждавшейся нас машине. С каждым шагом настроение поднималось и вскоре мы уже снова дурачились, рвали цветы и плели веночки, наряжали в них друг друга. Потом, мы ехали, и бурно обсуждая случившееся, на все лады. Алексей, будто вспомнив что-то, остановил машину и потянул меня в сторону леса. Мы вошли в лес, и я увидела огромную бабу, вырубленную из дерева.

Одно лицо у нее было на затылке, другое как обычно. Лицо на затылке было злым, можно даже сказать свирепым. Тонкие губы будто змеились в злой усмешке. Второе лицо, было добрым, и слегка будто бы обиженным, по нему текла роса, а казалось, что это слезы.

-Не надо смотреть ей в лицо!- Алексей отвел меня чуть-чуть в сторону.

-Вот видишь, какая выжженная полоса, а вон там и вовсе горело.- Алексей отошел немного и топнул ногой

несколько раз. Походил по кругу, будто бы искал что-то.

-Вот здесь, на этом месте был камень. Большой такой, коричневый. Я сидел, отдыхал на нем. Теплый был камень, как живой. Под землю наверно ушел. Слышал я, что бывает такое с камнями. То появляются, то уходят. Я подошла к идолу и приложила ладонь к обожженному месту, оно тоже было теплым. Мы тихонько пошли прочь. В машине я постаралась уснуть. Но меня постоянно преследовала мысль, что наверху сопки, я все-таки видела Василису. Закрывая глаза, я вспоминала скользящую фигуру, это была она. Скорее всего, нас ожидала смертельная опасность, нельзя было подниматься на верх этой сопки.

36

На берегу Чулымка долго стояли обнявшись. Прощались мы с Алексеем, наверное, навсегда. Я не позвала с собой, он не предложил остаться. Мы были взрослыми и все, все понимали.

На осенне небо, прикован,
Разноцвет облаков – паутин.
Проплывает на солнце багровом
Журавлиный курлычущий клин.
Полосы самолета коснулся
И пропал, в бесконечной дали.
Но весной они снова вернутся,
Журавли, журавли, журавли...

- А ты?- Алексей взял мою руку.
- Что я?

Он не ответив, пошел к машине. В тот момент я и сама не знала, вернусь я когда-нибудь или нет. Оба все знали, не хотелось говорить на эту тему. Расстались, как и в прошлый раз на опушке, Алексей вышел из машины и обнял меня, долго молчал, не выпуская меня из своих объятий..

-Молчим, прощаясь перед встречей
-Когда и где, в каком году?
-Ты обняла меня за плечи,
-И ждешь, когда же я уйду.

Я пошла, а он остался у машины. Удаляясь, с каждым шагом, мне все сильней хотелось развернуться и побежать назад, к Алексею. Сердце разрывалось на части, в какой-то миг я все-таки решилась, оглянулась, машины уже не было. Я видно так разволновалась, что не слышала мотора. Может у Алексея, тоже не было сил, смотреть мне в след, вот и уехал. Обидно было, за свою слабость, но я не заплакала. Проглотила комок в горле и постаралась улыбнуться.

Отец был дома и ждал меня трезвый. Поговорили о жизни, о маме, как мы жили все эти годы, а к вечеру опять набралось народа, полон дом. И гулянка пошла, как по нотам. С частушками да прибаутками.

-Ты с кем приехала-то? Сегодня вроде и машин не должно быть.

-Да с Алексеем, он меня из Зимнева забрал и сюда привез.- Опять тишина за столом.

-Что-то не так, что ли? Вы хоть, объяснить-то мне можете, в чем дело? Что за тайна такая, как заговорю, с кем приехала, так и молчок! - Я прямо негодовала.

-Ты не переживай так, только нет такого человека у нас тут. Был, давно, да весь и вышел!- Загадали сно-ва, песни запели, частушками строчить начали:

Раз, зять тещу,
Заманил в рощу,
Трещит роща,
Не дает теща!
Взял дед бабку,
Замотал в тряпку,
Поливал ее водой,
Чтобы стала молодой!

Так до утра почти и горлопанили. Не привыкшая я, к таким-то вот гуляниям и пениям тоже. Но делать нечего, в чужой монастырь со своим уставом не лезут. У нас как - то все быстрее, посидели, поговорили, попели чуток, да пора и честь знать. Чтобы самим отдохнуть и хзяевам не в тягость быть. А тут, до упора, и так должно и быть. Иначе осудят.

На другой день пошли на кладбище, родственников попрощавшись, ну отец мне и показал могилу солдатскую. На памятнике написано: Алексей Зубрин 1951-1971гг. И фото Алексея. Я не могла прийти в себя. Не может такого быть!

-Он в армию ушел, на флоте служил. А с армии, его в цинковом гробу привезли. Ни кто толком не сказал, не объяснил, что и как. Погиб при исполнении и все.- Тебя наверно кто-то другой привозил, может, для шутки так назвался?

-А фото как же? Это он, только на фото, он моложе. Может, не он это похоронен-то, а он живет себе, да

работает?- я не знала, что и предположить. Получается, что я с призраком, время проводила, да еще и ночь, с ним. Да он, живее всех живых! Кошмар какой-то.

- Давно уж поговаривают, что солдат-то тот, тут объявился. Но из родни, его ни кто не видел. Когда спрашивают о нем, обижаются. Зачем, мол, душу травите, совесть должна быть. А одна девка, из Приискова, будто бы загуляла с ним, она в Томске на складе работает, продуктовом. Вот и возит он ее домой, когда надо, и на работу будто. Приезжала она в Смокотино, узнавала кто он. Что мол, вдруг женатый, а ей врет. Ну и сказали ей, что нет такого, и машины у них такой нет. Не поверила, по людям пошла, спрашивать, любит видно шипко его. Да, че поделаешь, ежели нет человека. Чудеса, да и только! В Томске в лесничестве спрашивали, нет такого водителя. И машины уже такой, на которой он ездит, нет, списали давно, да и на металлом в Томске сдали. Такие вот дела, у нас творятся! Говорят, что подвозит и разговаривает, и все вроде как надо. И именем своим называется. Вот ведь, хрень какая!- Отец развел руками, но я ему не поверила.

На следующий день, я уехала из Кирека. Отец сам проводил меня и посадил в машину, в лесовоз. Шофер был знакомый отца. Рассказывал по дороге, как он тоже с Алексеем встречался. И водку пили и разговаривали про жизнь. Я молчала всю дорогу, все понять старалась, как так получилось? В Томске, я осталась еще на один день, спросила в лесничестве, за тот день, когда я приехала, разгружалась или нет машина из Смокотино. Проверили накладные, не было такой машины. Я поехала на склад, нашла по памяти здание. Зашла, спросила, что сахара получал, вот такой водитель. Ответили, что сахара

здесь вообще не бывает. А Рита, уволилась три дня назад и ни кто не знает, где ее можно найти. Дали понять, что я, что-то путаю. Может, мне и надо было, в Смокотино поехать, найти его. Выяснить в чем дело. Но я отправилась на вокзал, чтобы поехать домой. Мы встретились и расстались. Нам было хорошо вместе, но это не дает мне права вторгаться, по своему желанию, в его жизнь. Между нами все ясно. Не надо цепляться за соломинку, если под ногами нет воды.

Не зря говорят, что мир тесен. Рита сидела в зале ожидания, на первой скамейке. Казалось, что она кого-то ждала, или не приняла еще окончательного решения. Поэтому сидела у выхода, чтобы можно было, вовремя вспорхнуть и улететь. Она узнала меня и вся вспыхнула. Я спокойно подошла и села рядом.

-Встречашь, кого-то?- Спросила я, не здороваясь.

-Нет, уезжаю я.- Голова ее склонилась, чтобы скрыть от меня набежавшие слезы.

-Я тоже уезжаю. Поезд через четыре часа. Тоска. Идти никуда не охота, и здесь сидеть столько времени как-то муторно. У тебя, когда поезд?

-Вчера..

-А.. Время, значит, у нас прорва. Давай в столовую пойдем! Поедим, чаю выпьем, поболтаем? – Опять заговорила во мне какая-то женская хитрость. Мне не было, жаль Риту. Мне хотелось услышать об Алексее. Хоть что-нибудь, хоть самое плохое. В столовой, народу не было. Взяли по два беляша, лимонад, сели за столик.

-Я искала тебя на работе, сказали, что ты уволилась. Поговорить хотела, об Алексее спросить.

-А что, он мне родственник, что ли? Я знаю о нем ровно столько, сколько и ты. Может быть, ты даже и больше знаешь. Ну, покатал он меня, пару раз на природу съездили. Домой свозил, с родителями познакомился и все. В сторону будто бы не отошел, и ближе не приблизился. Думала, что женатый может, а сказать боится. Нет у него жены. И его самого, вроде бы как, тоже нет. И вообще отстань от меня, не знаю я ничего. Запуталась совсем. Живой - мертвый, дурдом какой-то! Уезжаешь? Ну и вали отсюда! Че, в душу-то лезешь? Ты все равно уедешь и забудешь все! А мне то, что делать?-

Она посмотрела на меня полными слез глазами, поднялась и вышла. Я посидела еще, допила лимонад и отправилась в зал ожидания. Риты, нигде не было. Видно передумала уезжать, решила добиться истины. В поезде я мучилась вопросом:

-Кто же он, этот простой и загадочный Алексей? Почему мне хочется, выпрыгнуть из поезда и идти пешком назад? Я знала, что он будет стоять на дороге, со своим лесовозом и встречать меня. Глядя в окно, я представляла его в машине, едущим за поездом. Встречающим меня на следующей станции. Почувствовала тепло его рук, и у меня в ушах зазвучал его милый бархатный голос. Я хотела его увидеть, прямо сейчас, сию минуту!-

Скоротечное время проплыло,
Не жалея о нем, а скорбя,
Невзначай я тебя полюбила,
Невзначай потеряла себя.

Голос с выше бормочет невнятно:

-Пронеси этот крест до конца!-
Я не каялась, что безвозвратно
У других разбивала сердца...

И наказана Богом Единым.
Бьюсь с собою, один на один.
Если клин выбивается клином,
Не судьба мне найти этот клин!

Я не выпрыгнула. Ехала все дальше и дальше. От тайги, от родни, от Алексея. Я поняла, что не он мне нужен, он пробудил во мне, что-то новое, раскрыл мою душу для меня самой, с другой, неизвестной мне стороны. Мне не хотелось потерять это ощущение, а он просто ключик. И все встало, на свои места.

37

Мама с отчимом встречали меня на вокзале в Ленинобаде. Дома ждал накрытый стол, младшая сестра Марина с мужем Радиком и их дочери. Рассказам о путешествии не было конца, вопросам тоже. Вскоре истопилась баня, и я пошла, мыться с дороги. Попросила маму принести мне щипчики для бровей. Просто хотелось с ней пошептаться, рассказать про Алексея, послушать ее мнение.

В бане мне вдруг не стало хватать воздуха и я, так и не помывшись, неожиданно для себя улеглась на лавку, чтобы отдохнуть. Тело стала сводить судорога, каждая мышца начала сокращаться сама по себе и я провалилась в пустоту. Черная беспространная масса затягивала меня все дальше и дальше, тела у меня не было, но я о нем, как-то и не думала. Страха тоже не было, но ожи-

дание света, порождало какое - то беспокойство. Вдруг эта тьма бесконечна? Она казалась живой, принимающей субстанцией, а я была песчинкой, не летящей и не падающей, а поглощаемой. Вдруг я почувствовала, что я уже не поглощаюсь кем – то, или чем-то. Я нахожусь, в чьих-то теплых и бережных ладонях, надо мной лицо Василисы, она несет меня в обратную сторону. Слова ее не доходят до моего рассудка, но они звучат во мне самой. Тела нет.

-А что же она несет?- Думаю я.

-Чем я ощущаю тепло, если я без тела?

-Ты будешь жить у горы, которую охраняет лев. Он будет лежать на вершине, и ты всегда проходя мимо, будешь смотреть на него, и будешь радоваться его присутствию. Я всегда буду рядом....

- Соня! Соничка!- Голос мамы зовет издалека, я начинаю стремиться к нему, и он все ближе и ближе. Мама кричит, совсем рядом со мной, и тормошит меня, бьет по щекам. Открываю глаза, я в комнате у сестры, на полу играют два небольших рыжих щенка. Стоит врач в белом халате и делает мне внутривенную инъекцию. Мама кричит, и сестра старается ее успокоить. Держит за руки, чтобы она не мешала врачу.

Когда я совсем пришла в сознание, оказалось, что никаких щенков у сестры не было. Но я их видела ясно, они были толстыми и переваливались друг через друга, кусая. Мордочки, были черными и я до сих пор, могу восстановить в памяти и каждое их движение. В бане, по всей вероятности, скопился угарный газ. Если бы мама не пришла со щипчиками для бровей, меня бы уже не было. Но врач сказал, что если я ожила через столько времени, то я не угорела. От угарного газа меня было бы

уже не откачать. Но что со мной произошло, он не знает. Мама потом ходила и пробовала зажигать в бане спички, они не горели. Труба была заткнута тряпкой снаружи, на крыше бани. Это обнаружил отчим. Вообще то, в баню должен был первым пойти Радик, муж моей младшей сестры Марины, но так как я была с дороги, и еще хотела сегодня же поехать домой, то пошла первой. Домой я попала, только на следующий день, к вечеру.

38

Домовой объявился неожиданно, я придревмала на кровати, чувствуя, кто-то потянул за пальцы на ногах. Подняла голову, у ног стоит нечто. Роста -до метра, голый, а голова лохматая. Присел, будто бы, увидев, что я смотрю на него и начал удаляться в проем арки. Постепенно с каждым шагом назад, уменьшаясь в размерах.

-Да, сказала я вслух,- надо паковать чемоданы!

Махкам спал на кухне. У него была дежурная смена, и он не поехал домой, а остался у меня. Он работал в горисполкоме, личным водителем мера города. Дружили мы с ним давно. Это была даже не дружба, а какая-то взаимовыручка, с оттенком обожания, с его стороны и позволение меня обожать, с моей.

Я встала и прошла на кухню. Махкам, мирно посыпал на полу. Значит, не показалось, домовой был на самом деле и предупредил о предстоящих переменах. Спать расхотелось. Прошла в комнату, и включив настольную лампу, села доделывать отчеты. Часы стояли передо мной на журнальном столике. Четыре часа утра.

-Может прилечь?- Подумала я, и тут услышала отдаленные раскаты грома. По крайней мере, мне так показалось. Странно как то, в конце ноября – гроза?

237

236

Взрыв, и в ту же секунду окно охватило пламя. Тут же погасло, с шипением лизнув стекло. Раздались автоматные очереди, и резкие щелчки пистолетных выстрелов. Я бросилась в детскую, Вова, мой младший сын, и Арсен, сын моей старшей сестры, крепко спали. Со стороны детской комнаты, звуки выстрелов были приглушенными. Разбудила детей и велела лечь на пол. За окном бушевала война. Было слышно, как Махкам, что-то говорит по телефону. Потом он зашел в детскую и сказал, чтобы я закрылась и никого не впускала. Сам оделся и быстро спустился вниз. Через несколько секунд, дом содрогнулся от сильного взрыва. Дом у нас трехэтажный, кирпичный, на два подъезда. Мы живем на третьем этаже. Подойти к окнам страшно, поэтому лежим на полу в детской, прижавшись, друг к дружке и не знаем, что с нами будет в следующую секунду.

-Мама,- говорит Вовка, - я и не боюсь, а почему так внутри меня дрожат все мои кишк? И сердце, и печенка, и все что там есть?-

Я тоже подумала об этом, каждый орган внутри, пульсировал по отдельности.

-Это наверно животный страх, Вова. Ты головой думаешь, стараешься быть храбрым, а твое тело боится погибнуть и не слушается твоих мыслей, само по себе, боится и все.- Я обняла мальчишек, и мы лежали, стараясь, подбодрить друг друга, и побороть страх.

Перестрелка отодвинулась в сторону воинской части. Осмелилась подойти к окну. Из дома напротив, выглядывали испуганные лица соседей. Радио молчало. А на мои звонки, с вопросом:

-Что происходит? – Ни кто не мог ответить ничего разумительного. Потом телефон отключили, на все

звонки отвечал один и тот же голос, говоря что-то на таджикском языке. Через некоторое время, во дворе раздались крики о помощи. Я спустилась вниз. Оказалось, что снарядом из базуки, была пробита стена нашего дома, и убита женщина. Мы с соседкой поднялись на второй этаж соседнего подъезда, зашли в квартиру, в прихожей лежала Лариса. Запах ливера стоял в квартире, как на скотобойне. Ей вырвало снарядом все внутренности. В комнате сидели ее четверо детей, и мы не знали, что делать в этой ситуации.

Дети сказали, что мать долго шевелилась, но они боялись к ней подойти. Шок.

Вызвали скорую. В милицию - не дозвонились. «Скорая», тоже не приехала. Как нам потом рассказали – «скорую», остановили люди в камуфляжной форме, высадили из машины врача и водителя, поставили на колени. Помочились на них и велели садиться и ехать. Потом в след машине выстрелили из гранатомета. Врачу было двадцать четыре года. Моя соседка Тамара Ивановна Немыкина, до пенсии работала хирургической сестрой, она и собрала внутренности убитой Ларисы с пола, сложила все во внутрь и кое -как прихватила все это простой цыганской иголкой и нитками, какие нашлись в доме. Завернули тело в простынь, потом, в покрывало.

Вечером пришел Махкам, принес две булки хлеба. Не велел никуда ходить. Рассказал, что город захватила армия и что творится полный беспредел. Отец с сыном, пошли на пекарню за хлебом, их остановили военные, спросили у отца:

-Любишь сына, да?- Он ответил, что конечно любит, он же у него единственный. Мальчика расстреляли из автомата, на глазах отца и пошли.

-Люби, люби! – Кричали со смехом, садясь в машину. Не было какого-то массового уничтожения русских, а то там, то тут, что-то происходило с расчетом запугать. Чтобы люди бросили все и начали спасать своих детей.

Растерзали девочку тринадцати лет, облили бензином и подожгли мужчину. Это только то, что доходило до нас. Все сидели по домам, а кто пускался в путь за едой, подвергал свою жизнь смертельной опасности.

Ларису надо было хоронить. Хоронить было некому. Муж был на заработках в России. Старшему сыну, едва было пятнадцать. Дети взяли в больничном морге каталку, на которой возят покойников. Соседи помогли вынести тело и уложить на каталке. Но провожать не пошел никто. Так и повезли потихоньку дети. Потом рассказывали, что их остановили люди с автоматами и спросили, кого они везут и куда. Дети ответили, что маму везут на кладбище хоронить. Те спросили, почему умерла. Дети сказали, что вы же и убили. Военные дали детям сто долларов и пошли дальше.

Махкам регулярно приносил хлеб, иногда кое - какие продукты. В принципе мы не голодали. Просто и есть не хотелось совсем, обстановка в городе не располагала к еде. Все время доходили какие -то ужасные слухи. Дети находили гранаты и пистолеты прямо на улице, в кустах, в арыках, на мусорных баках. Во дворе больницы, собака ела несколько дней человеческую ногу и ни как не могли у нее ее отобрать, пока не убили саму собаку.

Надо было уезжать. Когда я закрывала глаза, передо мной становился рыцарь в военных доспехах. Картинка не менялась несколько дней. Значит, нам объявили войну. Будут выживать правдами и неправдами. Многие русские уже уехали. Семьи, где были мужчины имеющие специальность и квалификацию, те, кто имели хоть какой-нибудь капитал, и те, кто имел авантюрный характер, силу, и надеялся на свою счастливую звезду. Ухитрились продать квартиры, и возможно, что с деньгами, Родина приняла их с распластанными объятьями. Оставались пенсионеры, боящиеся потерять крышу над головой и свою копеечную пенсию. Вдруг в России не считается пенсия, заработанная в союзной республике? Незамужние одиночки, боящиеся потерять работу, жилье, и перемен. Пьяницы, которым всегда и все без разницы. И истинные патриоты, которым было жаль оставлять плоды своих многолетних трудов, надеющиеся на перемены к лучшему или вообще ни на что не надеющиеся. По городу ходили коровы, овцы. Как быстро можно превратить маленький рай, в большую помойку. Было очень жаль города. Жаль людей, которые строили, создавали, любили этот маленький городок. Здесь рождались дети и внуки. Здесь были могилы родных и близких. Однажды я, проходя мимо мусорного бака, встретила своего знакомого. Он ковырялся палочкой в баке, явно что-то выискивая. Это был Юрий Андреевич Гладышев. Я поздоровалась и быстро прошла мимо. Этот человек работал инженером в аэропорту. Занимался техническим обслуживанием самолетов. Я знала, что его ценили как специалиста. И вот, результат перестройки.

-Сманила Русь заблудших сыновей.
На растерзанье, брошен песней стае
Таджикистан, страна моих друзей-
Как вражий стан, в чужом и диком крае.
Здесь старики на паперти стоят,
Глаза детей, горят при виде хлеба.
Пьют бизнесмены утром шоколад-
За Горбачева, Ельцина и небо!
Издалека явилось к нам несчастье,
Нет света, газа, сахара, муки.
И гибнут люди не по Божьей власти –
От Бога отрещившейся руки.
И стыдно нам смотреть в глаза друг другу
И каждый носит часть вины своей.
Как человек надорванный недугом –
Таджикистан, страна души моей!

В конце декабря мы уехали из Таджикистана. От Ленинобада до Суздаля ехали девять дней. Автобус переполнен, холод. Чтобы хоть как-то согреться, зажигали паяльную лампу и ставили в проходе. Ехали только по ночам, днем стояли, ремонтировались. В Суздали терпение кончилось. Обещали за трое суток довезти от Ленинобада до Москвы, а на самом деле, дороге не было конца. Сошли с автобуса и поехали дальше на поезде. Нет смысла все это описывать, потому, что нет слов. Оказалось, что нет у нас Родины! Мы стали лишними там, а здесь мы и нужны никому не были. Что с того, что мы русские? Нас обобрали до нитки там, а душу из нас, потому, что больше было нечего, вынули тут, на родине. Светлое будущее было позади. Я не знала, в каком духе, воспитывать младшего сына. В духе патрио-

тизма, уже наверно не получилось бы. Он видел сам, как нас принимала наша Родина. Лучше бы расстреливали там, на границе, чем от своих, терпеть такие издевательства. Прошли годы, прежде чем я, начала себя чувствовать человеком. Была просто беженкой, бомжем, отбросом союзной республики. А сколько таких, что не пережили всего этого? Кто ответит и когда, за слезы наших детей и за наши слезы?

39

Остановилась на первое время у дочери в селе Лисково, в Тверской области. Квартира однокомнатная, теснота. Работы нет, жить не на что. Последнее колечко, на таможне забрали. А денег только на дорогу ихватило. Поехала в Бежецк, ближайший город от Лисково. Походила посмотрела. Кругом разруха. На автобус села, оказалось денег не хватает на билет до Лисково, билет обратно на два рубля дороже оказался. Водитель меня высадил. Пошла пешком. Бешеною собаке, сто верст, не крюк. Так и мне, тридцать километров! Не милостину же просить. Может, думаю, попутка подберет. Половину пути прошла нормально, машины туда – сюда едут. Голосую каждой, останавливаюсь не хотят. И место есть в машине свободное, а как будто и не видят, что женщина идет и далеко от населенного пункта, как-то никого не задевает. Пусть себе чешет, кошелка старая. Обидно стало, хотелось пожалеть себя. Только чего там жалеть, сама себе путь выбирала! Там бы осталась, может, прибили б давно, тут еще шанс на выживание есть.

Дальше уже и лес пошел, по обеим сторонам дороги, и дело к вечеру, и машин нет. Смотрю, впереди меня силуэт появился, вроде как женщина идет. От сердца

отлегло, не одна я, думаю, такая. Посмотрю на нее, и на душе веселее становится, не так страшно. Пойду, думаю, быстрее догоню, да вместе и пойдем. Нет, я шаг прибавила, и она быстрее пошла, я в кусты зашла, задержалась, и она по дороге не продвинулась. Ну, думаю, мираж, какой то! Потом вроде как ближе она ко мне стала, видно, я все-таки быстрее шла, так хотелось мне ее догнать. Женщина или девушка, молодая, идет, ручками помахивает, косынка или платок у нее в руке, бельевый. Платьице на ней не по погоде, с рукавами короткими, белое. Я то в кофте шла, шерстяной и то не запарилась. А к вечеру и совсем похолодает. Уже так километров пять прошли.

-Эй! Девушка! Подожди меня, вместе пойдем! – Она оглянулась, рукой махнула мне и идет дальше. Не поняла, я ее жеста, то ли отстань, то ли догоняй. Иду, а солнце уже за деревья заходит. Скоро и темно станет. Слышу, мотор гудит сзади, машина едет. Не оглянулась я, иду себе. Пусть, думаю, как будет, так и будет! Сколько уж можно кланяться, стоишь потом, как будто тебе в душу плонули. Машина резко затормозила. Подхожу к машине, а водитель все назад смотрит. Потерял что-то видимо, на ходу у машины, может , что-то отвалилось.

-А вторая-то где?- Спрашивает.

Я вперед показываю.

-Вон там, впереди , какая-то идет.

-Нет, сейчас в белом платье тут стояла, чуть под колеса не прыгнула?

-Не было никого. Я не видела.

-Вот тебя, я точно не видел! А та, сучка, чуть меня до инфаркта не довела!- Хлопнул дверцей и поехал. По-

том дал задний ход и посадил меня все-таки. Женщины на дороге не было. Я смотрела во все глаза. Свернуть ей, кроме как в лес, было некуда. До поворота на Лисково километра три всего и оставалось. Пришла я домой, а у дочки гости, кумовья, с первого этажа, Коля со Светой Прокуроровы. Рассказала я им, про все свои приключения. Тут Коля и говорит:

-Это вы еще хорошо отделались. Эта девушка, уже много лет там ходит. Рассматривают, как бы два варианта. Первый: Здесь была дача, не то Екатерины второй, не то еще какой знатной дамы, полюбила она истопника, а он ей не поддался. Невеста у него была, и любил он ее так, что ни за какие сокровища не согласен был ей изменить. А к особе, приезжали всякие знатные вельможи на охоту. Ну, вот и сговорились они, его невесту в день свадьбы опозорить, чтоб знал свое место. Выкрадли ее и надругались в лесу, над ней. Она потом там и повесилась. С тех пор в этом лесу, страх поселился. Пропадать там люди стали. Мужики и парни молодые. Ягода там самая крупная и сладкая. Только ни кто ее собирать не ходит, боятся люди, и грибов там всегда, в любой год, полным-полно. Так на корню и сгнивают. Даже елку на новый год, в этом лесу не рубят.. Хотя, лет-то, сколько прошло, а люди все боятся. Да и случаи разные забыть не дают. Иногда на дороге ее видят, только в определенное время какое-то. Она в свадебном наряде, одна по дороге ходит, обычно под машину бросается на повороте. Сколько там машин побилось и людей погибло. Истопника, та дамочка, тоже погубила. На том месте где убили его, потом часовню построила, во исполнение грехов. Но ушла та часовенка под землю. Не захотели святые на крови стоять. Сейчас на том месте

клуб построен. Тоже, даже днем в нем находиться, по трезвому уму, страх берет почему-то. А как подзаправишься, пол литром или двумя, так и ничего вроде.

А вторая: Лет так около тридцати назад, в городе Кашин, девушка пропала. Искали ее там , а нашли тут на дороге. Села она на попутную машину, до Кесовой горы доехать, а парни, что ее посадили, провезли мимо, да в ельнике, что могли, то с ней и делали. Потом в машину затолкали, и разогнавшись, на полном ходу, выбросили из машины. Не нашли их тогда. А вот девушка в белом платье, до сих пор их и ищет . Останавливает машины и всматривается в лица. Иногда садится, проедет немного и выходит.-

Да, уж. Информация к размышлению. Да только не до сказок мне было. По газете нашла работу в двух районах, в Старицком и в Кувшиновском районе, деревня Пречисто-Каменка. В Старице, в колхозе, в котором мне предложили работу главного бухгалтера, председатель колхоза, главный зоотехник, главный агроном, все главные специалисты-выходцы из Кавказа. Я решила, что едва ли мне светит сработаться с ними, заподозрила какую-то хитрость. А в Пречисто – Каменке, был колхоз нищий конечно, но люди все-таки, не плохие, понимающие мою ситуацию. Я осталась в Пречисто - Каменке. Председателем там, в то время, был Семыкин Александр Николаевич. Была б возможность, я бы ему и сейчас в ноги поклонилась, за то, что дал хоть какую-то возможность выжить. Он приезжал на работу, откуда-то из Торжка или Твери. Хозяин он был не ахти. Потому, что не местный. Там все в основном воровством леса промышляют, а ему издалека не очень-то видно было, кто чем, там дышит. Но потом вроде, как и освоился, да

уже и переизбрали его. Пречисто-Каменка, была для меня, как бы чистилищем. Я входила в образ жительницы российской деревни. Забывались прежние переживания, уходили в прошлое. Общение с новыми людьми и совершенно иной образ жизни. Климат, питание, ко всему нужно было привыкать. Пожили мы сначала на квартире, а потом и в колхозный коттедж перешли. Стоял он несколько лет пустой, и конечно в нежилом состоянии. Колхоз мне помог кое-что в ремонте, но в основном, все сами доделывали. Люди в этом коттедже жить не могли, болели, с ума сходили, или просто уезжали из него. Нам-то деваться некуда. Пошли в семье раздоры. Дочка с внучками со мной из Лискова приехала. Что ей там одной бедовать, мужа увили, работы нет. Две дочки у нее. Вместе, все равно легче трудное время переживать.

Сначала-то, Вовка стал ночами кошмары видеть. Сижу как-то вечером на кухне, смотрю, мама в окно заглядывает. Внимательно так присматривается, а меня как будто бы и не видит. Я подумала, что окна высоко, а мама росточка небольшого, может, подставила что-нибудь, чтобы достать до окна. Подошла к окну, а нет никого, да и быть не могло. Мама в Башкирии с младшей сестрой моей, Мариной, жила, они раньше меня из Таджикистана уехали, до войны еще. Днем телеграмму принесли, что умерла мама. Душа приходила проститься. Потом у дочери, началась какая-то агрессия на меня и на всех. А когда полнолуние, находил на всю семью такой страх, что хотелось выскочить из дома и бежать, куда глаза глядят. Нежить там ходит, кружит вокруг домов. Водит нежить, кто-то из деревенских, Знается с нежитию и сам же ее боится. Колдовством, там во всех

дворах занимаются, и старые, и малые. Только сами себе судьбу ломают, по крови рвут. Мужики мрут в Пречисто-Каменке, как мухи. Молодые, здоровые, а если не обопытятся, так повесятся. Деградирует, древня, молодежь не стремится ни к чему. Пьют со школьной скамьи. В принципе, все равно чувства юмора не теряют.

Катерина камасутру
Балабанихе дала,
А теперь она в больнице,
Лежит с вывихом бедра.
Получила бабка стресс!
По утру ходила в лес,
Повстречала Лешего
И пи-ды навешала.

У кого-то, прямо из жизни, деревне, хватало мозгов частушки сочинять. Значит все не так плохо. Но скорей всего, это приезжие, сочиняют.

Однажды пришла ко мне соседка, с параллельной улицы. Ребенок у нее потерялся. Спрашивала, не видели ли мы, не пробегал ли мимо. Ребенка мы не видели, почувствовали, искать с ней не пошли, деревню плохо знаем, да она сказала, что все уже сама обошла. А за коттеджем Марины Мухиной, был пруд. Утки в нем плавали, дети иногда рыбу ловили. Что уж там за рыба была, я ни разу не видела. После обеда, снова приходит соседка, и говорит, что ребенок в пруду утонул. Что нашли его, и в Кувшиново на скрой в морг увезли. Завтра с утра за ним ехать надо, машину нанимать, а денег нет. Да и одеть его не во что. Такие подробности рассказала, что ужас. И как ручки у него все морщини-

стые от воды стали, и что под ноготками глина, что вылезть пытался, но глина скользкая. Мы с дочерью в слезы. Собрали деньги, какие дома оставались на хлеб до получки, колготочки новые и футбольочки. Ну, в общем, что могли, и что новенькое было. Она обрадовалась и ушла. А мы весь вечер переживали, представляли себе, как ребенок мучился в пятидесяти метрах от нас, а мы не знали и не смогли ни чем помочь. Тут и Марина Мухина зашла, поболтать. Мы ей рассказываем, какое горе у нас произошло в деревне, а она смеется.

-Мальчиконку, - говорит, - еще в обед нашли, в траве около Бозиных спал. Галя Бозина ей домой его и привнесла, а к вам она пришла и насочиняла, чтобы денег взять. Ей в долг никто не дает, вот она и воспользовалась, что вы приезжие и ее не знаете. А на ваши денежки она самогона набрала, и гуляют сейчас, там у них в доме гостей полно. Песни поют. Мы с дочерью потеряли дар речи! Чтобы родная мать, такое на своего ребенка, насочиняла ради выпивки? Нет. Я не могла такого понять! Это было, что-то сверх наглое, не человеческое, кощунство какое-то. Я оделась и пошла к этим людям, посмотреть ей в глаза мне хотелось, увидеть еще раз эту наглую рожу. Иду мимо Бозиных, Сережа сидит на крылечке, сын Галины и Александра. Подошла, спросила о соседях.

-Да, вон гуляют вовсю!

Ну, пошла я все-таки, на место гулянки, дочь меня уже на их крыльце догнала. Зашли мы, сидят люди, пьют, закусывают. А горе-мама во главе стола, довольная вся. Увидела нас, даже и не смущилась. У порога подойник с молоком стоял, я-то даже и слов не нашла, дочка моя тоже, взяла подойник и одела на голову вме-

сте с молоком этой мамаше. Шли по дороге обратно домой и обе плакали от обиды. Вот такие дела бывают, и это в порядке вещей, для этих мест.

В Пречисте прожили, года три и зять объявился. Приехал, на своем Опеле, и забрал сначала девчонок, потом Наташа с Вовой к нему уехали. А потом уже и я собралась. Заехала в Кувшиново, к старшему сыну Евгению. Света, его жена беременная была. Посидели, поговорили обо всем, и проводил он тогда меня на вокзал. Не думала я и не знала, что вижу своего старшенького сыночка в последний раз живым. Через три года я приехала на похороны. Такси, взятое у вокзала, спускалось к мосту, за которым и находился дом, где жил мой старший сын.

Мне казалось, что машина едет слишком быстро, хотелось оттянуть встречу с неизбежным. Был конец февраля, мороз стоял трескучий, ниже тридцати пяти градусов. Вдруг, впереди машины, начал появляться розовый светящийся туман. Машина не проезжала сквозь него, он струился и менял очертания перед капотом машины, но постоянно отдалялся, не давая въехать в него.

Водитель удивился:

-Что, за природное явление? От мороза что ли, или как?

Я весь путь жила надеждой на то, что произошла, какая-то ошибка. Что я приеду, и все встанет на свои места. Как мог умереть молодой мужчина на тридцать шестом году жизни, здоровый, десантник? Нет, я не могла в это поверить! Но когда я увидела этот странный туман, в голове промелькнуло:

-Жека встречает. – Все, надежда рухнула. Тяжело перенести такую утрату, нет ни на каком языке слов,

чтобы утешили горе матери. Света, жена Жени, сказала, что уснул вечером, а утром не проснулся. Кровоизлияние в мозг. Сели за стол, люди какие-то толпятся, кто что говорит, что делает, ничего понять не могу. За столом сижу, а в руке, выше локтя, вроде как жилка шевелится. Как будто кто-то за руку взять хочет, и не может, а просто знак подает. Встала я, вышла из дома. Гроб в сенях стоит. У изголовья сидит Василиса. Свечки две зажжены. Горе захлестнуло, сил нет. А Василиса говорит:

-Хочешь, увидеть, как все было? Смотри, да не рассматривайся, говори, да не заговаривайся.- Повела она рукой перед моими глазами. Вижу комнату, Света сидит, одевает Оксану, дочку их с Женей. Вроде как идти куда-то собираются, а Оксана кашляет. Женя заходит и говорит:

-Куда ты ее в такой мороз, пусть дома сидит, слышишь, как кашляет.- В дверь, заходит молодой мужик, лицом чуток на татарина похож. За ним еще двое. Света к ним. Радуется, в комнату приглашает. Жене говорит, что это друг детства. Из тюрьмы, привет от братишки Сереги привез, повидаться заехал. Двое, что за ним зашли, соседи. Стол накрыли, спирт развели. В общем, пир горой. Женя только не радостный как-то сидит.

-Завтра праздник 23 февраля. Надо выпить за нашу Советскую Армию.- Женя пьет мало. Все больше слушает, чем говорит. Пока курит у печки с соседом, Света в сенях целуется с гостем. Потом заходит, садится за стол и что-то говорит Жене, он неохотно отвечает, что голова болит. Она достает из кармана халата таблетки, дает ему три штуки. Наливает стопку спирта и дает за-

пить. Он садится за стол, но потом встает и идет в комнату. Берет подушку с кровати и ложится на пол. Оксана тоже берет свою подушечку и соскочив с кроватки устраивается к папке под бок. В комнате жарко. Заскрипела дверь, кто-то вышел и идет к нам. Видение резко пропадает. Это Светина мать, Галя.

-Пойдем в дом, простудишься тут, мороз-то какой.
-Тянет меня за рукав. Иду за ней, как на привязи. Не могу прийти в себя, от увиденного. Подхожу к Свете:

-Голова болит, у тебя таблеточки не найдется от головной боли?- Света руку в карман, достает таблетки, хочет дать, но потом спохватывается.

-Ой, это от давления, мне выписали. Сейчас я « Цитрамон» поищу.- Смотрю на упаковку у нее в руке , написано -«Клофелин».

Все стало ясно, только изменить было ничего нельзя. Не было сил что-то предпринимать. Сходила в морг, поговорила с патологоанатомом. Он сказал, что все уже написал и отдал выписку заключения вскрытия жене. Криминала нет. Нетравматическое кровоизлияние.

Через три года, я забрала Оксану, единственную дочь моего старшего сына к себе. Света, сразу после похорон Жени, вышла замуж, и родила ребенка. Оксана стала лишней в ее семье. Бог, ей судья, моей бывшей снохе. Все это было потом, а пока, я уезжала в Ростов.

40

В поезде до Москвы, часов пять-шесть. Время не заметно пролетело, не успела отдохнуть от суэты сборов в дорогу, вот уже и Москва. На Казанском вокзале толчая, покупаю билет и иду в зал ожидания. На ходу вы-

бивают сумку из руки, и из нее вываливается пакет. Наклоняюсь, собираю все, рискуя быть сбитой с ног.

-Простите, пожалуйста! Я нечаянно, даже не заметил, что так получилось. Случайно оглянулся и увидел, что выбил у вас сумку из рук. – Голос, звучавший сверху справа, был знакомым и родным голосом. Но я не могу вспомнить, скорее боюсь даже поверить, кому он принадлежит. Разгибаюсь с сумкой и смотрю, явно не собираясь рассыпаться в благодарности.

-Все нормально, не стоило беспокоиться. Такая толпа, все бывает.- Может быть, я бы и сказала что-нибудь резкое, но настроение было не располагающее на конфликт. Передо мной стоял мужчина, неловко переминаясь с ноги на ногу. Рукава модной бежевой рубашки закатаны по локти, на груди треугольник тельняшки. Он, то протягивал руку к сумке, то отдергивал ее, остановленный мыслью, что я приму его за вора или не так пойму его намерения. Наконец, он подхватил меня под руку и отвел в сторону от движущегося потока людей.

-Здесь свободнее. Еще раз простите, я не хотел. – Смотрю ему в лицо, густые брови, лучистые глаза. Он почти не изменился.

-Лет пятнадцать назад, ты Алексей, тоже был вежлив и благороден. – Мы смеемся, не зная, что еще сказать друг другу. Он хватает меня в охапку и кружит, долго будто бы боясь отпустить.

-Хватит!- ору я - Голова уже кружится!- Он ставит меня аккуратно на пол, и молча смотрит, глядя правой рукой по щеке. И снова не надо было слов, все было ясно и понятно. На душе было легко и весело. Как будто многолетний груз спал с плеч.

-Я опоздал на поезд, но я успел к собственному счастью, если бы я не оглянулся, то мы, наверное, уже никогда бы не встретились. – Я достаю из кармана билет, поезд у меня через два часа. Алексей берет у меня билет и не читая, как бы, между прочим, рвет его на мелкие кусочки. Наблюдаю, как он относит в урну для мусора обрывки моего билета, берет мою сумку и, подставив локоть, увлекает подальше от вокзала. На такси уезжаем в пригород, и машина останавливается около подстриженной живой изгороди.

Входим в калитку, дорожка, засыпанная гравием шурша под ногами, ведет к дому. Это даже не дом, а теремок. Резное деревянное крыльце, окна со ставенками и мансарда с балконом. Навстречу выбежал пес и, не подавая голоса начал радостно прыгать вокруг нас. Алексей потрепал его за ухо. В теремке было тепло и уютно. Мы поднялись на балкон, Алексей усадил меня на плетеный диванчик, и ушел хлопотать по хозяйству. Я сидела и думала о том, как тесен мир. Удивляться нашей встрече наверно не стоило, надо было радоваться, и я от души радовалась. Мы не проронили ни слова, ни в машине, ни по дороге, молча, вошли в дом и сейчас я сижу, и нет слов.

-А вот и я! – Алексей поднимался по лестнице. На подносе фрукты, шампанское, два высоких бокала и большая плитка шоколада.

-О! Раньше вроде бы водочка была в предпочтении! Вот ведь, что столица-то делает, с простым сибирским народом! –

- А то! Мы таперича, не то, что давеча! – Алексей сразу принял шутку и ответил соответственно. Налил шампанское в бокалы. На секунду, его лицо стало на-

пряженным, он как будто сомневался в чем-то. Потом сел рядом и чокнувшись со мной бокалами, заговорил просто и непринужденно.

-Я давно в столице, лет семь, как к тетке приехал и осел тут. Не люблю в принципе городскую суэту, но в тайге без тебя остаться не смог. Гнался за твоим поездом, искал тебя повсюду. Состояние было такое, будто душу из меня вынули. И жил, и двигался, и думал как зомби. К исашным поехал, бабка там одна есть, ни кто не знает, сколько ей и лет. Вот она и выпрявила. Сказала она многое про тебя, про пробабку твою, Василису. Даже встречу с ней обещала мне устроить. Но Василиса, не захотела со мной встретиться. Не велела тебя искать, судьба, мол, сама сведет. А бабка, корешки какие-то заваривать дала. Мало, помалу, успокоился вроде, перестал гоняться за голубой мечтой. Семьей обзавелся, дочка родилась, но не сложилось. Не склеилось. Может я как-то не так жил, может жена моя, в выборе ошиблась. Чувствовала видно, что не люблю, я ее. С участковым загуляла. Я поначалу, и не понял даже, отчего у дочки волосы рыжие да кудрявые. Потом уж призналась, что до меня она с ним путалась, не знала, говорит, чей ребенок рождается, твой или его. Он-то отказываться начал, а мне и в голову не приходило, что женщина так может схитрить. Дочка родилась, я в рейс, а он к ней. Разглядел на втором году, что шевелюра у девочки, как у него. Начал права на ребенка заявлять. А я и не настаивал. Раз твое – забирай. Обидно было, что в дураках оказался, но вздохнул с облегчением. А то жил, как будто уроки учил. –

Алексей снова наполнил бокалы. Я накрошила в них мелко шоколад и, не перебивая, слушала. Не важно,

что он говорил, я хотела слышать его голос. Пузырьки шампанского, то поднимали, то опускали кусочки шоколада на дно бокала. Я наблюдала за этим движением и была бесконечно благодарна судьбе за эту встречу. Алексей встал и накрыл меня пледом, я и не заметила, что похолодало.

-Может, пойдем в комнату? Здесь прохладно вечерами.- Он задорно приподнял брови, и мне показалось, что не было этих лет разлуки. Будто виделись мы вчера. Нет морщинок и нет житейского опыта за плечами. Мы полны сил и энергии, все у нас впереди.

-Как скажешь. Мне все равно, в комнату, так в комнату! – Я спустилась по лестнице и села на диван. Алексей пододвинул к дивану журнальный столик, чтобы было удобнее, принес еще фрукты и продолжил свой рассказ. Знаешь, а ведь я тебя раньше заметил на вокзале. Когда ты только из поезда вышла. Сомневался сначала, может, забыла меня, может, просто обознался. Столько лет жить и искать тебя глазами повсюду! Не грех и ошибиться. Вот сумку и выбил из рук, будто невзначай. Прости, конечно, подлеца!- засмеялся Алексей.

Я сделала царственный жест рукой.

-Прощаю великодушно! Но в последний раз! Еще одна выбитая сумка и казнь! – Мы посмотрели друг другу в глаза, вспоминая моменты встречи, и снова испытав волнение и радость, как-то замолкли оба.

-В жизни не бывает случайностей, все идет как по сценарию. Твои предыдущие поступки, выстраивают сюжет будущей жизни. Я когда на Северном флоте служил, много всего повидал, и выводов для себя много сделал. Но самое загадочное, и интересное, и ужасное, что я видел там – это неопознанные летательные объек-

ты. Вот загадка для всех времен и народов! Один матрос, у нас на глазах, поседел весь за несколько минут, после встречи с НЛО. Мы шутили потом, все ли волосы побелели или только на голове? Оказалось, что все, и везде. А ты как думаешь, что это за феномен такой?

-На счет НЛО или на счет поседевших волос?

-И то и другое, и поподробнее. Я уже наговорился за сегодня, хочу слушать тебя. Слушать и созерцать! – Алексей сел поближе ко мне и взял меня за руки.

-На таком расстоянии не созерцают, а смотрят! Для созерцания отойди в угол и сядь, желательно в позу лотоса! Да, кстати, нераскрывшегося лотоса!

-Ну, я так не играю! Чуть что, так сразу - в угол!

-А если серьезно, для меня в этом плане, загадок нет. Не надо думать, что Земля - это вокзал. Никто к нам не прилетает с других планет. Для того чтобы осваивать чужие миры, надо изучить хорошо свой мир. Человек рвется в космос, а для чего, толком и сам не знает. Что там изучать или какая польза для него от пустоты? Задрав голову вверх, бежим, не видя, что у нас под ногами. Так и до пропасти добежать можно и ее не увидев, рухнуть вниз, не взлетев к своей мечте. Учимся читать, не изучив азбуку. Пишем слова, не зная их значения. Просто мы не одни на планете, есть те, кто знает ее гораздо больше чем мы. Это они посещают другие планеты. Они - знают отгадку мироздания, и для них нет белых пятен во вселенной. НЛО, чаще всего – миражи, находятся в другом месте, но в результате различных световых преломлений мы видим их отражение, как в зеркале. Лишь иногда, видим настоящие космические корабли, они очень большие, в нашем понимании. НЛО могут достигать в размерах нескольких километров.

Это нормально, потому что их создатели, по сравнению с нами, гиганты. Есть и маленькие НЛО, но это роботы. Вообще, вопрос очень обширный и для диспута на эту тему, потребуется много времени. Выражение «мир тесен» имеет прямое значение, бок о бок с нами, живет множество сущностей.

-Ну да, бациллы всякие, микробы и так далее!- Алексей сделал большие глаза, будто бы в страхе, начал озираться по сторонам.

-Я не имею в виду микробов, хотя и они тоже. Но если для тебя эта тема не близка, то давай ее сменим.- Мне было неприятно. Я понимала, что он просто хотел меня рассмешить, чтобы тема разговора не казалась наиважнейшей в нашей встрече.

-Знаешь, мне все это представлялось совсем иначе. Я понял, что ты права. Я понимаю, что ты закоренелая зануда. А как все сопоставить в своем мозгу, изменить резко понимание того, чего не понимаешь? Подумаем об этом завтра! – Алексей встал, прошелся по комнате и, остановившись напротив, неожиданно спросил:

-А сколько тебе лет?

-В данный момент, это имеет какое-то значение?- Обиделась я, за «зануду».

-Наверное, да. Хотя, не обязательно в данный момент. Просто, ты смотришь на все, несколько иначе, чем все люди, с которыми я общался, знал, с которыми жил. Ты всегда говоришь утверждающее, о вещах, в которых сомневаются все. А ты будто бы, точно знаешь.

-Я же, никому не навязываю свое мнение, и никогда сама не начинаю разговора, на такие темы. Спросили – ответила. - Разговор постепенно заходил в тупик.

-Ты так и не ответила на мой вопрос. Но я уже понял, что нам с тобой по семнадцать. Сидим и до сих пор не знаем, как начать разговор, о самом важном для нас двоих, о наших чувствах, и о нашем будущем. – Алексей сел рядом, обнял меня за плечи, и я слышала как ровно и сильно стучит его сердце под моей рукой. Все было как во сне. Ночь как миг и сон как вечность. Приснувшись к обеду, мы соскучились друг по другу даже больше, чем вчера при встрече.

-Ну почему мы не можем быть вместе? Ведь нам не нужен никто другой. Как изменить все, что нужно сделать для того, чтобы мы никогда не расставались? – Алексей лежал на животе и разговаривал, не обращаясь ко мне. Говорил сам с собой, и сам у себя спрашивал ответ на свои вопросы.

-И часто ты так общаешься, сам с собой вслух? Наверное, это и есть первая причина! – Я засмеялась. Он схватил подушку и начал нападать на меня. Мы дурачились, шутили и смеялись до слез. Снова перед нами вставал вопрос: Как быть дальше? А может быть этот вопрос, вставал между нами?

Ни кто не хотел брать решение на себя?

-Мы, толком, ничего не знаем друг о друге. Говорим и рассказываем только то, что хотим рассказать. Цель этих рассказов, заинтересовать собеседника собственной персоной, а не поведать ему самое сокровенное, для того, чтобы я поняла тебя до конца, саму твою сущность, твою душу. Это дорогостоящее. За все время нашего общения, ты ни разу не коснулся одного момента из твоей жизни. Хотя ты знаешь, что этот момент самый, наверное, важный для меня. -Алексей сидел и как будто не слышал моих слов. Мне показалось, что

лицо его стало медленно бледнеть. Он поднялся и ушел в ванную. Через минуту я услышала гудение машинки для бритвя. Я не знала, как мне быть. Он был бесконечно мне дорог. Но какая-то сила, не давала мне потерять контроль над своими поступками. Что-то неуловимое металось между нами, не давая нашим жизням слиться в одну. Мне не хотелось хозяйничать в чужом доме, и миссию приготовления завтрака, я оставила хозяину. Пусть побреется, помоется, приготовит поесть и заодно подумает обо всем в одиночестве. Я крепко заснула.

Проснулась я, от тишины в доме. Было так тихо, что слышно как тикают часы в другой комнате. Встала и пошла, искать хозяина владений. Алексея нигде не было. Долго плескалась в ванной, но ситуация не изменилась. Когда я вышла, Алексей так и не появился. На кухонном столе под салфеткой на тарелке лежали бутерброды, с маслом, с ветчиной, с сыром. На плите стоял чайник, он давно остыл. В душу начало закрадываться какое-то беспокойство. Я проверила сумочку, все на месте. Прошлась глазами по видным местам, записки нигде не было. Да, ситуация странная. Приподнятое настроение начало быстро падать на границу истерики. Чтобы совсем не впасть в уныние, я зажгла газ и поставила на огонь чайник. Заварила чай и плотно позавтракала. Немного навела порядок и стала строить планы. Что же делать? На крыльце раздались, чьи-то шаги и мужские голоса. Вошли двое незнакомых мужчин, лет к сорока может чуть меньше. Они явно не ожидали увидеть меня.

- Ни фига себе! Ой, здрасте! А мы вот мимо шли, да решили с Алексеем поздороваться. Дело у нас к не-

му, дома или где он? – Мужчины были в растерянности, будто они привидение увидели.

-Он скоро будет! - Выпалила я от неожиданности.

-А вон он, уже идет. - Сказал второй и они вышли. Я бросилась к окну. Алексей действительно был во дворе и что-то говорил мужчинам. Потом пошел в дом. Я отскочила от окна и уселись на диване, изображая из себя обиженнюю жертву.

-Не сердись, пожалуйста, я не думал, что они придут. Напугалась? Они знали, что я должен уехать. Это сосед со своим братом. Люди, впрочем, мирные и порядочные. Иногда мы выпиваем вместе, в баню ходим. В общем, почти друзья. - Сел рядом.

-У меня отпуск. Хочешь, останемся тут. Можем поехать к тебе или в Томск. Ты решай, я на все согласен. – Алексей был серьезен и задумчив. Я поняла, что мое решение много значит для него. Но то, что он готов смириться с любым моим решением, я тоже поняла.

-О Томске, я уже как-то не скучаю. Сам город для меня чужой. В той стороне, осталось мое босоногое детство. Я скучаю по нему, а не по месту, где оно пробежало. Если серьезно, то меня очень тянет в Таджикистан. Там родился мой младший сын Вовка, мои внучки Сашенька и Надюшка. Это их родина. Столько всего хорошего, связано с этим благодатным местом. Мы, русские, чувствовали там ответственность за свою нацию. Старались быть справедливыми и великодушными. Говорили всегда правильно, не коверкая слов, потому, что это русский язык. Там мы были «белыми людьми», к нам относились с уважением. Я прожила там двадцать пять лет, всю свою сознательную жизнь. Теперь вот, скорей бы старость, да в детство впасть. Тяжело привы-

кать, менять что-то, особенно когда делаешь это вынужденно, а не по своей воле. Во сне, я чувствую запах роз, слышу журчание воды в арыке. Если на земле есть рай, то я там жила. Самые горестные воспоминания у меня связаны с Таджикистаном, но и самые светлые и приятные, тоже с ним. – Я посмотрела на Алексея, он слушал, внимательно рассматривая меня.

-Вот ты сказал, что нет тебе жизни без меня, что все это время жил надеждой на встречу. А мне, было не на что надеяться, и не на кого. Я жила и все. Жила как умела и как могла. Некогда мне было мечтать. Столько всего произошло в жизни за эти годы, что наверно, я уже совсем другой человек. Я не та, что ты знал раньше. Ты один, всегда был один. Даже женившись, ты жил не семьей, а сам по себе.

-Я всегда жил с тобой. В мыслях, только ты была со мной рядом. Я советовался с тобой и жаловался тебе, когда мне было плохо.

-Жить в мечтах, это одно, а с человеком, совсем другое. Та, с которой ты жил мысленно, не имеет детей и забот. У нее всегда хорошее настроение и она во всем с тобой соглашается. У меня взрослый сын и взрослая дочь, маленький сын, которому сейчас четырнадцатый год и две внучки, скоро будет еще одна. Мы с тобой не на равных. Я не думаю, что смогу принести тебе счастье. Ты хороши собой и все еще свободен. Мне трудно сказать тебе все это, но несправедливо, загружать тебя своими проблемами. Я хочу, чтобы мы любили друг друга, такими, как мы были раньше. Сейчас, все уже выужено в душе и любить, в жизни реально, невозможнно. Мы привыкли любить друг друга на расстоянии, давай не будем изменять своим привычкам.

-Ты замужем? У тебя кто-то есть, с кем ты живешь, и ты не можешь его бросить ради меня?- Нет. Никого у меня нет. И я уже давно не замужем. Я тоже живу с тобой и советуюсь, и плачу на твоем плече, когда мне горько. Только поделить эту горечь с тобой в жизни, я уже не смогу.

-А сын? Ты хочешь сказать, что это не мой ребенок?

-Дети рождаются маленькими и беззащитными, их нужно беречь, любить и заботиться о них. Как ты можешь сказать четырнадцатилетнему ребенку, что он твой? Мой сын не примет тебя, даже если я, очень его об этом попрошу. Да и с чего ты взял, что он твой? Детей я рожала от мужа. Оставь свои надуманные надежды. Давай, еще подумаем хорошо, прежде чем принимать какое-то решение.

- Я думал пятнадцать лет! Все. Для меня нет других решений, я поеду с тобой! Даже если ты не захочешь жить со мной, я буду жить рядом и видеть тебя каждый день. Больше я ничего не хочу. Я, буду счастлив этим.

- Вот видишь, все я, да я! Мы стали разными. Жизнь изменила все. Ты будешь, счастлив, а я буду страдать и мучиться. Нет. Живи как жил. – Алексей встал и вышел из дома. Он не сказал мне больше ни слова на эту тему. Не знаю, где он был, но за калитку он не выходил. Я включила телевизор, посмотрела новости, началось кино « Свадьба в Малиновке». Он пришел, и мы вместе начали готовить борщ. Я заметила, что глаза у него были заплаканными, или от лука, который он начал чистить и резать, сразу как пришел, или действительно плакал, где-то во дворе. Пообедав, обсу-

ждали международные события и разные фильмы, кто, что видел за годы разлуки. Я ждала, что он все-таки даст мне объяснение тому, что его могила на родине стоит ухоженная его родней и с его фото. А он живет и любит. Все это не укладывалось в моей голове. Если бы он сам рассказал мне все, объяснил, пролил свет на эту невыдуманную историю своей смерти, может быть, и я бы изменила свое решение. Но он молчал, и даже когда я ему слегка намекнула, он сделал вид, что не понимает, чего я от него хочу. Что ж, пусть будет так, как будет!

-Мне надо ехать. Завтра с утра, я на вокзал. – Словно вылетели из меня сами собой, как будто мысли вслух.

-Ну что ж, надо так надо. Могла бы, и погостить, хоть с недельку. Давай, я схожу завтра и дам детям телеграмму, что ты задержишься. Денег им вышлю. А мы с тобой поживем как два голубя? А?

-Опять за свое? Боюсь привыкнуть. С каждым днем расставаться будет трудней. Не хочу испытать эту боль снова. Да и дети ждут, столько проблем решать надо, как они без меня? -

-И не надо привыкать, отвыкать. Поживем тут неделя-две, потом к тебе поедем.

-У тебя в роду цыган не было?

-Нет, а что?

-Да уж больно хорошо уговариваешь, по-цыгански.-

Ночью я почти не спала. Было тяжело, мысли метались. Алексей создавал видимость, будто бы спит, но тоже ворочался и страдал. Утром встала поздно, вся уставшая и разбитая. Я так и не решила для себя ничего, вернее не отступилась от своих слов, но сомнение терзало меня. В доме снова было тихо, но как-то совсем по-

другому, не так как в прошлое утро. Было ощущение не тишины, а пустоты. На столе лежал железнодорожный билет на мое имя.

Деньги в конверте и письмо. Отправление поезда в 16-30. Я села на диван, чтобы прочитать письмо, руки почему-то дрожали, сердце стучало, как молот в висках давило.. Кое-как собралась с силами и все-таки настроилась на чтение.

«Прости, что не смогу тебя проводить. Сейчас, когда ты читаешь мое письмо, я уже далеко от тебя и от Москвы. Еще вчера, мне пришел вызов, я улетаю в экспедицию за полярный круг. Буду жить на льдине, и мысли о тебе будут согревать меня. Вчера можно было отказаться, но судьба складывается иначе. В твоем паспорте я нашел адрес прописки, думаю, что найду тебя в любом случае. Еще раз прости за все. Я знаю, что мы обязательно встретимся. Я люблю тебя. Ключи положи под коврик у двери и накорми собаку. Такси заказано и оплачено. Целую крепко и люблю. Твой Алексей».

Я снова и снова перечитывала скучные строчки. Почему я ишу, еще какую-то информацию между строк? Чего не хватает в этом письме? Похоже, что не хватает в голове. Все ясно и понятно. Собирайся и вали в Ростов. Выбор сделан, в чем проблема? Слезы текли сами по себе, градом и я не знала, горькие они или очищающие и облегчающие. Не помню, когда я плакала в последний раз? Наверно, это физиологическая необходимость или состояние души. Оплакивать, в принципе, было нечего. Надо собираться в дорогу.

В Ростове жили опять тяжело и голодно. Не было квартиры, съемное жилье было не по карману. Пришлось переехать в небольшой шахтерский городок. Наташа на фабрику работать устроилась, вышивальщицей, а Вова и внучки, в школу ходили. У зятя была другая семья, он жил в Аксаке и только изредка навещал девочек. Еду как - то, из Ростова, через Радионовку, в Ново-шахтинск. Проезжаем Самбек, Красный, и вижу - на терриконе лежит лев. Его сотворила природа, дожди и ветры изваяли это чудо.

-Ты будешь жить у горы, которую охраняет лев. Он будет лежать на вершине и ты, всегда проходя мимо, будешь смотреть на него, и будешь радоваться его присутствию. Я всегда буду рядом...-

Сколько лет прошло с тех пор, как Василиса поведала мне об этом? Наверно около двадцати. За бедами, невзгодами и переездами, я совсем ушла оттого, что было мной. Превратилась в какую - то машину для выживания. Я подошла к водителю автобуса и попросила остановиться. Мне захотелось подойти ближе к подножию террикона. Шла долго, через поле подсолнечника, потом просто по траве, через канавы и буераки, и каждый шаг нес меня к заветной цели. Остановилась, гора коричневой породы поднималась вверх, лев был не виден, он был высоко. Хотя я знала, что с этого расстояния картина может выглядеть совсем по-другому. Мне это было не важно. Важен был сам знак. Я должна быть тут. Присела на траву, чтобы немного отдохнуться, я так торопилась, как будто боялась опоздать. Василиса появилась неожиданно, между терриконов и медленно направилась ко мне. Я не видела еще ее лица, но я знала, что

это она. Тихо звякнули монетки на косах, она присела рядом.

-Ну вот, мы и встретились. Тебе здесь будет тяжело, но ты же не в обиде?- голос звучал тихо как в детстве. Завораживающее. Что я могла ответить? Сказать, что в обиде? А на что мне обижаться или быть благодарной, за что? Я просто рада была снова видеть ее и снова слышать ее родной голос.

-Ты скоро будешь жить тут, почти рядом. Вот в этом доме. - Она открыла ладонь, и я увидела трехэтажный панельный дом.

-Здесь нездоровая местность, но это все плоды человеческих усилий. Люди не должны добывать уголь. Не нужно пользоваться им как топливом. Земля давно предупреждает их об опасности, но у них все построено на личных выгодах. В ближайшие два - три года, погибнет несколько сотен людей, их заберет Земля. Чтобы они, наконец, поняли, что нет им больше смысла опускаться в ее недра. Жизнь, должна быть дороже. Атмосфера загрязнена до предельной точки. Сейчас, нежити еще смогут залечить раны нанесенные людьми Земле. Но, если люди пойдут дальше, Земля сбросит их с себя. Люди болеют неизлечимыми болезнями. Земля собирает дань за их варварство. Изменить ситуацию ты не сможешь, но помочь и поддержать тех, кто в этом нуждается, твой святой долг. Люди тебе помогут, поддержат все твои начинания, а ты поможешь им. Я буду с тобой.

- Я так долго тебя не видела, что не могу и с мыслями собраться. Было столько вопросов, которые я мысленно посыпала тебе, но ответы получала не всегда. Почему ты думаешь, что все я знаю сама. Я живу как сле-

пой котенок. Столько сделано ошибок в жизни, и жаль, что эти ошибки невозможна исправить.

-Но и не совершить их тоже невозможно. Вся жизнь построена на действиях и противодействиях. Ты когда-нибудь встречала человека, который никогда не ошибался ни в чем? Человека, который за всю свою жизнь, ни в чем не раскаивался?

-Наверно только святые.- Почему-то сказала я.

-Святые, это такие же люди. Только они становятся святыми, после того как нагрешат непомерно много и раскаются душой. Потом за свои прегрешения, молятся и служат Богу. Уходят от мирской жизни, чтобы не было соблазнов и греха. Есть, наверное, и такие люди, что с рождения служат Богу. Ты же слышала, то там то сям, нетленные останки святых находят и с молитвами им поклоняются. Исцеления и отпущения грехов просят. А ведь нетленными они становятся оттого, что в них кровь нежити. Она не дает разложения. Остальное все тленно.

-Что же получается, ламы тибетские, тоже от человека и нежити рождены?

-И не только ламы. У них там почти поголовно все, такие как мы. Но там это норма. Там у людей свое мировоззрение. Они ближе всех к промежуточному звену, между людьми и высшим видом нежити. Там, другие ценности по жизни у людей. Они не похожи на остальное население планеты, другой внутренний мир. И нежить там другая.

Мы говорили и говорили. Многое мне хотелось понять и уразуметь. Слова Василисы, вернули меня на свое место. Начался новый жизненный этап. Все изменилось с той самой минуты, как только я увидела льва. Я стала сама собой. Снова стала видеть болезни людей,

прошедшее и будущее. Возвратилась в свое нормальное состояние. Так должно быть.

Долго добиралась обратно до дороги, а потом на маршрутке до центра, на автобусе до поселка.

Я снимала дом, за домом большой огород. Сажала картошку, помидоры, тыкву. На этой же усадьбе есть небольшая полуразвалившаяся избушка, старый дом. Я решила туда зайти, чтобы посмотреть, куда можно там поставить ненужные вещи. В сенях хотела пройти в левый угол. Сделав шаг, я почувствовала, что проваливаюсь. Нога пошла вниз, и другая нога тоже потеряла под собой опору. Я испугалась, но кто-то резко схватил меня за подмышки и выдернул наверх. Стою на краю подвала. Доски пола прогнили и не выдержав моего веса, обрушились вниз. Внизу торчат, какие-то колья, вбитые для того, чтобы разделить подвал на две части. Доски рассыпались в тряуху, а колья стоят. Мне не видно, железные они или деревянные, эти колья, на вид крепкие и острые. Представила себе, что я на них свалилась. Подмышки болели долго, но синяков не было. Кто ж меня все-таки спас? Одна я была в это время, разве что, со своими мыслями.

42

Раньше девчонками на карты гадали, соберемся перед танцами и гадаем, какой из кавалеров в клубе будет. А вот правда, всегда жила в моей колоде. Как я скажу, так и будет. Только для себя никогда не гадала, даже и не знаю почему. Как-то, интереса не было. Я и так знала, без карт. Теперь вот не знаю, и интерес появился, потому, что снова в мою жизнь вошел Алексей. Вошел по новому, не так как раньше. Может быть, я из-

менилась за эти годы, но если не кривить душой, то по большому счету, я его вспоминала только первое время, когда домой вернулась. Потом жизнь закрутилась так, что не до амурных воспоминаний было. И учеба, и работа, рождение сына. Столько прекрасных людей встречается по жизни. Каждый человек, это клад. Знаешь немного, создается одно мнение, а когда подружишься и откроешь человека с его лучшей стороны, то получается, что внешность обманчива, так же как и поведение в иных ситуациях. Я устроилась на работу в небольшую организацию, патриотического направления. Начальник был таким чопорным буквоядом, что я не знала, как мне приоровиться к этому бывшему военному. Он меня ругал каждый день. То не так написала, то не так посчитала. Проверял каждый отчет. В бухгалтерии, он мало что понимал, но арифметику проверял до копейки. Проходило время, я научилась работать так, чтобы ему не за что было меня отчитывать. Оказалось, добрейший мужичек. Просто порядок во всем любил. По жизни мне мало встречалось плохих людей, и я благодарна судьбе за это.

Сейчас захотелось вдруг, раскинуть карты, на наши, будущие отношения с Алексеем. Хотелось узнать, помнит ли он меня, или просто вычеркнул из жизни наши с ним встречи. Может быть, не понял моих сомнений, обиделся. Взяла новые карты. Перетасовала и зачитала так, как раньше зачитывались новые карты, предназначенные только для гадания. Зачитываются карты по-разному. Есть такие, зачитки, которые позволяют картам говорить правду, только один раз. Потом их нельзя использовать для гадания. Не зачитанные карты не слышатся ворожеи, они выдают не расчитываю-

щийся расклад, получается абракадабра, не имеющая ни начала, ни конца. Хотя могут пророчить складно и правду.

Тридцать шесть картей,
Тридцать шесть чертей,
Скажите, не соврите,
Правды- истины не утаите.
Пройдите травой сопрелой,
Лучиной горелой.
По лесу и полю,
Даю я вам волю.
Найдите крестового короля Алексея!
Войдите в его сердце,
Войдите в его печень,
Войдите в его горячую кровь!
Скажите, что с ним было,
Скажите, что с ним будет,
Что ему препятствует,
И кто к нему благоволит.
Выпади ему я, червонною дамой.
София.

Расклад получился странным. Правду ли карты говорили или обманывали, только дорога у Алексея была не радостная и встреча нам выпадала скорая.

Поругала я себя за ворожбу, не по правилам это, нельзя всерьез гадать себе самой. У карт прощения попросила. Но душа на время успокоилась. Не стала так сильно мучить тоска. Не то чтобы забывать его начала, а просто перестала перебирать в памяти прошлые события, связанные с Алексеем. А то каждую ночь вспоминала, каждый миг нашей последней встречи. Бывало,

что до утра так и проворочаешься, сна ни в одном глазу. Только зачем все это? Сама все решила, ни в чем в принципе не раскаиваюсь, и сама же себе покоя не даю. Больше всего, меня мучает загадка его воскрешения и смерти. Но язык не повернулся напрямую спросить. Может, побоялась больно сделать, разворошить горькие воспоминания? Или не захотела услышать, что он не кто-то, а уже давно что-то? Призрак? Плод воображения? Он не сказал мне, как звали его жену, дочку. Почему-то не конкретизировал факты. Даже когда рассказывал о службе в армии, и на Северном флоте, тоже все как-то вскользь. Единственное место, которое он назвал точно, это Мурманск и Полярный. Если бы, можно было туда съездить и узнать в архивах все о нем. Кто даст мне такие сведения? Кто я ему?

Моя мама, во время войны работала в Полярном, на оптическом заводе. Они делали морские бинокли. У нас дома тоже был морской бинокль, но мы с сестрой Наташей, все время таскали его, то в детский сад, то в школу. В конечном итоге, он у нас исчез. Или потеряли или забыли где-то. Но мама очень часто вспоминала про Мурманск, про поселок Полярный. Может быть это и город, но в моем представлении почему-то так. Поэтому, когда Алексей назвал Мурманск, для меня это было близким и вроде как, совсем знакомым местом. Будто бы я сама была там и знаю этот город. А сейчас и не знаю, что туда потянуло, тоска по маме или по Алексею? Наверно и то, и другое. Я хочу поехать в Мурманск, и я знаю, что обязательно там буду. Пройду по улицам, где совсем молодая, ходила моя мама, смеялась и любила в этом городе.

Колоду карт в руках верчу,
Все, о тебе узнать хочу!
Но карты, путая ответ,
То скажут: - Да!- То скажут –нет!
Зажгу свечу, пока горит,
Твоя душа во мне болит,
Твои печали сердце жгут,
Свеча погаснет – убегут.
Я ветру буйному кричу:
-Пусть он придет! Я так хочу!-
Но ветер дождиком в ответ
Смыивает твой остывший след.
От карт к окну, к свече мечусь
Волчком по комнате кручусь.
Не успокаивает ложь.
Ты успокоишь. Ты придешь!

Прошло столько столетий, с тех пор как были использованы для гадания первые карты, но интерес к гаданию на картах, так и не исчез, наоборот повышался. Карты, только наводят на мысль, само предсказание, зарождается всегда в голове ворожеи. Можно и не смотреть в карты, но так привычнее, для тех, кто пришел погадать. Карты дают информацию ровно столько, на сколько человек рассчитывает оплату. Все остальное даешь от себя. Потому гадание себе самой, не имеют под собой основы, то есть - оплаты. Карты обижаются и могут дать неправильную информацию. Хотя, свое они никогда не упустят, расплатиться все равно придется. Только вопрос, чем? Вот, это-то, самое плохое в карточном гадании.

Два месяца не пролилось ни капли дождя. В огороде погибали растения. Воду отключали так часто, что не успевали хотя бы немножко полить, сохранить то, что посадили и поселяли. Если не успеешь обработать каким-нибудь препаратом, картофель, съедался за одну ночь колорадским жуком. Спали с открытыми дверями и окнами. Испарения от угольного шлака и золы, которыми были засыпаны дороги, и все места, которые можно было им засыпать за десятилетия, насыщали воздух. Василиса пришла ночью, поманила на улицу. Я быстро оделась, и мы вышли за калитку. Она взяла меня за руку и приказала закрыть глаза. Меня обдуло горячим ветром, по всему телу пробежала неприятная дрожь. Когда я открыла глаза, мы стояли с ней на какой-то горе. Внизу были видны фонари, освещавшиеочные улицы. Я поняла, что мы на ближайшем терриконе. Накалившаяся за день порода, щедро отдавала тепло остывавшему воздуху. Даже здесь, на высоте, дышать было трудно.

-Слушай себя! – Сказала Василиса и я, поддаваясь внутреннему зову, стала смотреть внутрь террикона. В середине выгоревшая пустота. Газы образующиеся при горении угля, пробиваются наружу во все стороны, от

пустоты. Тяжелые газы проходят, разрыхляя подшвту террикона, его основание, более легкие разрушают склоны. Теряется сцепка между отдельными кусками породы, которая была за счет веса и влажности. Минимальная влажность окружающей атмосферы и внутреннее горение террикона, приводит к состоянию сыпучести и неустойчивости колосального количества породы. Внизу, у подножия, дома мирно спящих людей.

Они внутренним чутьем понимают, что каждая минута в их жизни может оказаться последней. Что этот поселок вокруг, может стать братской могилой. Я прислушалась, внутри террикона зарождались шумы движения. Он уже был готов расплзтись в разные стороны, разрушая на своем пути все, как снежная лавина.

-Василиса! Срочно нужен дождь. Счет уже идет на часы, а может быть и минуты. Ты слышишь движение внутри?

-Да. – Она подняла руки вверх, я последовала ее примеру. Мы стояли на вершине террикона, лицом друг к другу, глядя друг другу в глаза. Потом медленно начали поднимать лицо к небу. На щеку упала первая капля дождя, потом еще и еще. Мы взялись за руки, и уже через несколько секунд, стояли у калитки. Здесь дождя еще не было. Поселок мирно спал. Даже не лаяли собаки, уморенные за день нестерпимой жарой. Дождь пошел сразу, ровный и тихий без ветра.

-Я приду послезавтра. Жди. Слушай себя.- Василиса ушла в дождь, и я не смотрела ей в след. Поняла, что опасность не миновала. Дождь немного остынет породу, напитает влагой, она станет тяжелей, и ей будет труднее сдвинуться с места. Мельчайшие частицы сцепятся между собой как цемент. Но, если вершина, отяжелевшая от переизбытка влаги, провалится в пустоту, выдавит и разобьет подшвту, то вся эта машина расплывется по окружности и не остановить, или предотвратить беду невозможно. Все это будет скользить, постепенно набирая скорость и уже исчерпав себя, двигательную силу на ускорение, долго еще будет двигаться по инерции, разрушая все на своем пути.

- Господи! Почему никто не видит всего этого? Почему ни кто ничего не предпринимает? Что могу я? Поехать в администрацию, сказать, заявить, закричать? Кто меня послушает? Даже если и послушают, пока раскачаются, пока определятся, пока посоветуются со специалистами и вышестоящим начальством - будет поздно!

Дождь льет вторые сутки. Вода сплошным потоком падает с неба, наконец, напаивая досыта землю, растрескавшуюся и превратившуюся в камень или пыль, в зависимости от места. По улицам течет вода не успевающая впитываться, переполняет дорожные колеи и журчит ручьями по склонам, размывая овраги. Да, пора срочно что-то предпринимать! Даже если дождь прекратится сейчас, то вода постепенно соберется внизу террикона и малейший незначительный внутренний обвал стенок спровоцирует оползень.

Василиса появляется к полночи. Я, ожидая ее, не раздевалась и не ложилась в постель. Выходим и идем на открытое место. Становимся, друг к другу спиной и устремляем взгляды на вершину террикона. Вершины не видно, темные тучи закрывают свет луны и звезд. Смотрим в темноту, представляя вершину. Наконец тучи начинают подсвечиваться над вершиной, и взгляд начинает улавливать очертание террикона. Первая молния бьет в вершину как-то несмело, будто бы с опаской. За ней вторая и третья уже с нарастающей мощью, до нас начинают доходить раскаты грома. Ветер часто меняя направление, буйствует вокруг нас. Молнии беспрерывно пронизывают террикон, сваривая пластины между собой и закрепляя их шапкой вокруг и внутри. Наконец силы покидают нас, и мы валимся на траву и лежим под

потоками дождя, не чувствуя ночной прохлады. На душе становится легче. Уходит тревога и предчувствие неизбежной трагедии. Иду домой, и наконец, впервые, за несколько суток, спокойно засыпаю.

Через некоторое время мне дали квартиру. Стала жить в другом районе города. Теперь, направляясь в центр, я проезжаю мимо террикона, на котором мирно лежит лев. Принося покой в мою душу, он меняет жизнь людей в лучшую сторону, охраняет от бед и несчастий. Может быть, и карает кого-то. Он страж.

До сих пор, неразрешимой проблемой, у меня остался Алексей. Однажды я спросила у Василисы:

-Почему я не могу забыть этого человека, и почему жизнь складывается так, что мы не можем быть вместе? Прошло столько лет и мы, оставаясь в одиночестве, не сближаемся и не расстаемся с ним?

-Я знаю, что у тебя много вопросов, но на все эти вопросы, ты сама знаешь ответы. Он есть, Алексей, в твоей жизни, и все-таки его нет. Почему тебе показали его могилу? Потому, что вы с ним живете в разных мирах. Только когда эти миры соприкасаются друг с другом, через определенное время, вы с ним встречаетесь. Вы оба терпеливо ждете этих встреч и неизменно стремитесь друг к другу. Но проходит время и ваши пути снова расходятся, для того, что б сойтись в будущем. Скоро грядут перемены. Нам выпала другая карта, мы служим этому миру. Когда родится твоя правнучка, ты назовешь ее моим именем. Будешь учить ее, показывать и рассказывать ей все, чему учила тебя я.

- А если я не назову ее Василисой? Если ее родители захотят назвать ее Ириной или Светой, то ты останешься со мной? Какую роль во всем этом играет имя?

-Так уж случится, наверное, так должно быть. Имя приходит свыше. Тебя называют не родители, им кажется, что это их воля. На самом деле, человек зарождается, уже имея имя. Это первое, что ему предназначено. Соответственно и судьба. Я не знаю, когда именно родится твоя правнучка, но имя Анфиса, задержит меня еще на долго, рядом с вами. Если же дадут, Василиса, то ты уже готова заменить меня в качестве учителя.

-Нет, я еще не готова. В душе, я все еще осталась ребенком. Я не боюсь трудностей, не боюсь самой жизни, как бы она не складывалась. Но я привыкла, что меня постоянно страхует твое присутствие. Я не готова остаться без тебя. Пройдет еще немало лет, чтобы я по-взрослела до твоего уровня. А пока, так хочется быть с тобой рядом всегда, чтобы ты не исчезала на долгие годы по своим неотложным делам.

- Мне тоже не хотелось бы, с тобой расставаться, но что поделаешь. Ведь в повседневной жизни, я только буду мешать тебе. Я живу в своем времени. У меня там свой, интересный и загадочный мир. Есть же такие вопросы, которые не решаются только нашим с тобой общением. Все намного сложнее, чем тебе кажется. А может и намного проще, чем мы пытаемся сами себе представить. В данное время, человеку подкинули новую идею, и наука начала двигаться в этом направлении. Хотя с этой идеей, они носятся уже много лет. Как всегда без оглядки на окружающую среду. Развитие науки технологий несет с собой огромный потенциал положительных результатов. Но, как всегда, при определенных условиях и большую опасность. Начинается гонка ученых за результатом, без оглядки на результаты многолетнего опыта. Они не знают, какими окажутся

результаты их плодотворных трудов, через двадцать лет. Да даже и не через двадцать, а через два, три года. Люди ждут какого-нибудь катализма из вне, из космоса, но все окажется гораздо проще, чем комета или метеорит. Они уже запустили эту комету сами, в самих себя.-

44

В Мурманск я приехала рано утром. Город казался хмурым и неприветливым. Не радовал взгляда и внешний вид города. Все обшарпано, и даже административные здания были какими-то серыми. Я не нашла следов Алексея. Мне предложили, чтобы я сделала письменный запрос с места своего жительства. Чтобы этот запрос был официальным и имел веские причины. Все данные по личному составу, на годы службы Алексея, были сданы в архив. А может быть просто, эти данные засекречены. Или, никому не хотелось заниматься моим вопросом. Я поехала к морю. Душе захотелось простора и спокойствия. Тяжелые, будто бы свинцовые волны перекатывались у моих ног. Не хотелось нагнуться и потрогать воду руками. Ветер был пронизывающим, хотя и не сильным. В шуме прибоя, я услышала голос Алексея, не потому, что он вдруг зазвучал у меня в ушах, а потому, что мне хотелось его услышать. Я напрягала память и звала к себе этот голос. Знала, что там, далеко за этими волнами, живет человек, который думает обо мне, помнит меня, каждую минуту и каждый час, ждет встречи со мной. Я чувствовала через расстояние, то, что он не забыл меня.

-Ну, узнаю я что-нибудь о нем, что служил, что был, и что мне это даст? Интересно, все-таки, сначала

еду к черту на кулички, а потом задаюсь вопросом,- зачем? Значит так надо!

Опять занесло на кулички.

Не ради романтики, нет!

Щебечут и в городе птички,

Горит и на крышах рассвет.

Есть зной, тишина и прохлада,

Спокойствие, мирный уют.

А просто мне вырваться надо,

Приехать, и высаться тут!

Чьи же это стихи? Я их в детстве читала, у сестры в тетрадке. У нее там Цветаева, Друнина, в общем-то, преобладали. Почему-то стих всплыл в памяти, может быть и не в натуре, а только смысл. Но чей? Не помню! А жаль. Через час я уже сидела в гостинице и пила горячий чай. Я решила действительно высаться в Мурманске. А почему бы и нет? Вечером посмотрела телевизор и уже в постели вспомнила, как с Юрий Цоковым, и его двумя друзьями ездили на природу. Друзья были Чкаловскими, жили в общежитии комбината. Мы долго ждали, пока они соберутся, забыт продуктами багажник машины. Я немного начала нервничать, но потом решила, что торопиться-то некуда, и стала слушать музыку. Юра был каким-то загадочным, или просто грустным. По дороге, он внезапно остановил машину и сказал, что нам надо поговорить. Я вышла из машины, и мы начали подниматься наверх по какому-то пологому склону.

-А что, здесь не говориться? Надо обязательно залезть повыше?

-Ага. Мне нужен простор, чтобы речь лучше звучала!- Мы стояли на возвышенности, теплый, даже го-

рячий ветер, обдувал наши разгоряченные подъемом тела. Внизу, было озеро. Ветер не колыхал воды, оно, будто бы, было не из нашего мира. Зеркало воды не отражало, а поглощало. Вдали, за озером, виднелись сады, пестрели дачные домики. Дальше, за дачами, высотки Ленинбада, за ним - горы. От озера пахло смертью.

-Ты куда меня приволок? Это что за мерзость такая? Ни фига себе, отдых на природе! Ты что, вот это вот, природой называешь, да? Вы там, на своем Байко-нуре, наверно все, такие вот извращенцы?

-Сейчас поедем дальше. Ты просто посмотри, ладно. -Юра был серьезен. Я начала вглядываться в озеро. То там, то тут, виднелись трупики птиц. Они не тонули в воде, а просто плавали сверху.

- Сюда сливают отходы химкомбинат. Это мертвое озеро. У евреев- мертвое море, у нас-мертвое озеро! Только в их море лечиться можно, а тут, даже рядом стоять опасно. Пошли.- Мы, взявшись за руки начали спускаться вниз, к машине.

-Я состою в одной комиссии, пришло письмо по поводу этого водоема. Должен был проверить. Ну, а тебя захватил с собой, для общего развития. Раньше, тут такая красота была, не опишешь! Потому дачки и построили для высшего начальства. Потом начальство смешили, дачки приватизировали. Но, кто-то дал распоряжение о сливе отходов.-

У меня разболелась голова, и совершенно испортилось настроение, от испарений из озера. Но потом, мы замечательно отдыхали, ловили в канале рыбу маринку, варили уху. Слушали Высоцкого, Цоя, пели сами, под гитару, загорали и рассказывали много анекдотов, но не отпускала какая-то тяжесть внутри. Я сидела с удочкой,

внимательно следя за поплавком. В канале вода течет быстро и надо все время перекидывать удочку, а то течение зацепит крючок за какую-нибудь корягу. Поэтому ловить рыбу здесь, стоя, удобнее. Юра подсели с боку, взял у меня из рук удочку, положил рядом. Говорить приходилось громко, потому, что журчание воды заглушало голос.

-Знаешь София, там, на озере, я будто бы в душу себе посмотрел. Кругом бурлит жизнь, цветут цветы, рождаются дети. А у меня внутри, как в этом озере мертвое и серо все. Только один я сам, знаю, что там происходит, да и то поверхностно. Как ты думаешь, можно это озеро, очистить?

-Думаю, что для этого понадобится лет сто. А может и больше.

-Вот и я так думаю. Воскресить, теперь уже невозможно. Только засыпать, захоронить, и ограждение поставить.- Он подал мне в руки удочку, поднялся и пошел загорать. Я посмотрела ему вслед, он, для меня, просто хороший знакомый, или друг, который не бросит в беде? Кто же тогда для него - я? Сволочь наверно. Он явно просит поддержки, а я не хочу копаться грязными руками в его чистой душе. Даже по его просьбе. Потому, что мне это не надо. Конечно, сволочь! Ведь я тогда понимала, о чем он говорит. Он хотел моей поддержки, моего душевного тепла. Я же ограничила сухими фразами по делу. О его внутреннем состоянии, будто и не догадывалась. Сейчас, я бы наверно поступила иначе. Может быть и так же, но не так сурово. Попыталась бы разобраться, в чем истинная причина его переживаний, помочь.

Я еще побродила по Мурманскому, и ни с чем, отправилась в обратный путь. Сказать, что ни с чем, это наверно неправильно. Я увозила с собой надежду, я видела город, который любила моя мама. Мне было хорошо, как будто бы я выполнила свой долг. Не беда, что я не нашла следов Алексея. Поиск его прошлого, наверно, не был истинной целью поездки. Это был поиск будущего. И я его нашла. В шуме прибоя, я слышала голос Алексея и слышала все слова, которые он говорил за много километров от меня, своей душой. Эти слова, были предназначены только мне, и только я, могла их понять и услышать.

ЭПИЛОГ

Небольшой легкий самолет держит курс прямо на север. Смело, борясь с порывами ветра и неожиданной турбулентностью. За окном простирается сплошным зеленым ковром российское лето. Алексей не мог со средоточиться на полете, не думалось о новой работе и о новых людях, с которыми ему придется провести ближайшие полгода. Он все еще находился с Софией. Говорил ей слова, которые не успел или не захотел ей сказать тогда. Сейчас все было легко и просто, не было никаких препятствий для их счастья.

-Зачем и куда я сейчас направляюсь? Кому от этого станет легче? Да я просто трус - воспользовавшийся удобным случаем! Я ломаю свою, и ее жизнь, своими руками.- Алексей встал и направился к кабине пилота. Тюки и ящики преграждали путь, самолет все время болтало туда-сюда. Наконец пробравшись к пилоту, спросил:

-Остановка еще будет, или на место летим?

-Сейчас будет, в Архангельске. Скинем там груз и возьмем двух человек.

-Передай в Москву, что я возвращаюсь! Пусть предупредят дублера!- Пилот вопросительно посмотрел на Алексея и ничего, не сказав, включил радио. В Архангельске, пилот подошел к Алексею и сказал:

-Дублера не будет. Надо лететь.

София встала и тихонько прошла на кухню. Все еще спали. Вчера засиделись допоздна. Приехала племянница Алена, дочь Марины и Радика. София прошла в ванную, привела себя в порядок и осмотрев запасы холодильника, начала собираться в магазин. Настроение

было почему-то приподнятое. Или солнышко светило приветливо, или тишина и порядок в доме действовали положительно. А может быть, прошедший ночью дождик, смыв все печали и заботы. Повязала платок, как обычно, концами назад, накинула куртку. Калоши стояли рядочком у входной двери. Тихонько закрыла калитку, чтобы не громко хлопнула. Скользнула взглядом по окну, там, глядя на нее, сидел большой рыжий кот. Софии стало не по себе. Рыжего кота в доме не было. Она не стала возвращаться в дом, повернулась и пошла.

Однажды, еще в Таджикистане, она по пути с работы, зашла к дочери в гости. Дочки дома не оказалось, и она тихонько вошла в детскую. Внучке тогда еще не было года, она сидела в кроватке, а напротив нее сидел большой рыжий кот. София замерла у двери. Кот лапой трогал погремушки, и они гремели, внучка слушала, потом стукала ручками по погремушкам, кот внимательно следил за ее действиями. Вдруг, кот увидел Софию, и спрыгнув с кроватки, бросился под диван. В это время зашла дочь. Они поболтали немного. Оказалось, что она выскочила на минутку к соседке за молоком. София погугала дочь за то, что с дитем, кот водится. Но оказалось, что кота у них нет. Прошли вдвоем в детскую и облизали все углы. Кота нигде не было. Вскоре, дочь уехали с мужем в Россию.

Пока шла в магазин, сердце как-то замирало, будто перед прыжком в воду.

-Аритмия что ли?- Подумала София, и тут же заняла себя мыслями о том, что необходимо купить. В ма-

газине небольшая очередь, но она быстро растворилась, и София, сделав покупки, направилась к дому.

-Мадам! Вам помочь?-

Ее называли и тетенькой, и девушкой, и женщины, и даже бабушкой, но «мадам»! - когда ты идешь в платке, и в калошах, с двумя тяжелыми пакетами продуктов, переваливаясь как утка, с ноги на ногу, чтобы не поскользнуться, на скользкой, после ночного дождичка, дороге. Это было круто! София засмеялась, и, поворачиваясь на голос, вдруг поняла, кому он принадлежит. Пальцы внезапно разжались, выпустили пакеты из рук, и они шмякнулись о землю.

-Я сейчас помогу! - Мужчина склонился и начал складывать в пакет, то, что из него вывалилось. Не поворачивая лица к Софье.

-Уже помог!- Софья стояла и смеялась от всей души. И над «мадам», и над всей ситуацией, которая сложилась в данный момент. Но больше, наверно от радости, что она снова видит, этого, бесконечно дорогого ей человека.

Конец первой книги.

Литературно-художественное издание

Курбатова Софья Васильевна

РАССКАЗЫ О НЕЖИТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВАСИЛИСА – ДОЧЬ НЕЖИТИ

Иллюстрации на страницах
Курбатовой Софьи Васильевны

Иллюстрация на обложке
Игнашина Александра Анатольевича

Художественное оформление обложки
Курбатова Владимира Владимировича

Издание выполнено в авторской редакции

Подписано в печать 30.04.10. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 18,12. Тираж 30 экз. Заказ № 15/0410.001

Издатель Мархотин Павел Юрьевич
141100 МО, г. Щёлково, Пролетарский проспект, 2-61
Тел.: (495) 968-74-08
www.onprint.ru
Отпечатано на собственной
полиграфической базе издателя